ГЕРБЕРТЪ СПЕНСЕРЪ.

ВОСПИТАНІЕ

УМСТВЕННОЕ, НРАВСТВЕННОЕ и ФИЗИЧЕСКОЕ.

(Education—intellectual, moral, physical).

Переводъ съ англійскаго

Н. ФЕДОРОВОЙ.

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ И ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Дома Призр. Малол. Бѣдн. Лиговская ул., № 26.
1894.

КП-20580
ВХ ЭР 3К-223/23

Гербертъ Спенсеръ.

ВОСПИТАНІЕ

УМСТВЕННОЕ, НРАВСТВЕННОЕ и ФИЗИЧЕСКОЕ.

(Education—intellectual, moral, physical).

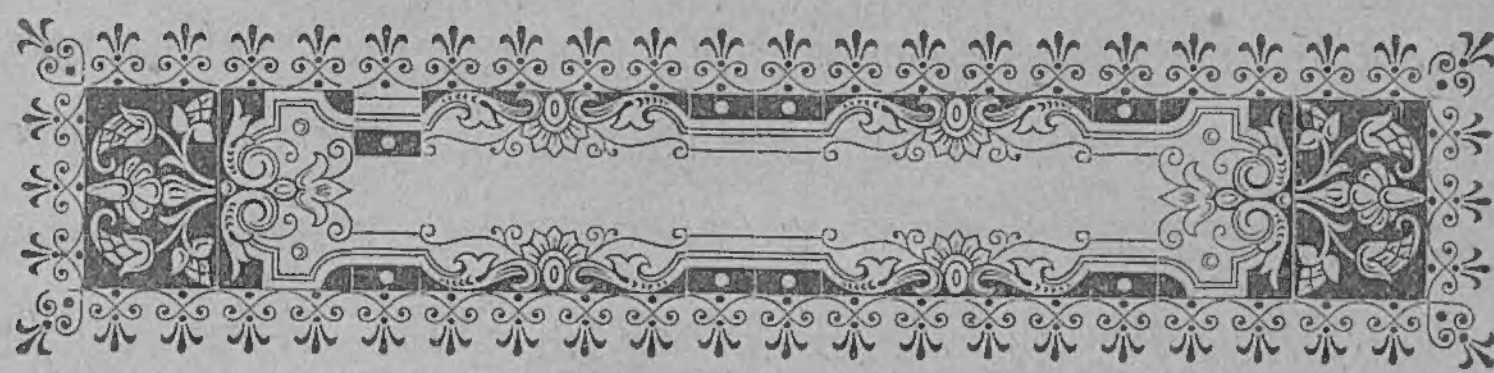
ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО

Н. ФЕДОРОВОЙ.

СЪ ПРИМѢЧАНІЯМИ И ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Дома Призрѣнія Малолѣтн. Бѣдныхъ. Лиговская ул., 26.
1894.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 16 Марта 1894 года.



ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Педагогическая литература вообще не блещетъ обиліемъ сочиненій не только у насъ, въ Россіи, но и въ Западной Европѣ; что-же касается до педагогическихъ сочиненій, разбирающихъ самыя основы воспитанія и обученія и на данныхъ науки и опыта строющихъ раціональную систему,—то во всей всемірной литературѣ едва-ли можно назвать десятокъ книгъ, посвященныхъ научному анализу воспитанія, въ зависимости отъ раціональной постановки его общественныхъ задачъ.

Среди этого рода сочиненій, по нашему мнѣнію, первое мѣсто принадлежитъ предлагаемой нами книгѣ Герберта Спенсера,—«Воспитаніе умственное, нравственное и физическое». Такое важное значеніе мы придаемъ этому сочиненію не въ силу

выводимыхъ въ немъ теорій воспитанія, такъ-какъ это дѣло личныхъ взглядовъ на воспитаніе и его общественныя задачи и потому не можетъ быть возводимо въ научный догматъ; для насъ, книга Спенсера о воспитаніи драгоцѣнна только, какъ *анализъ* самыхъ основъ постановки воспитанія и его задачъ, *анализъ,* сдѣланный на основаніи новѣйшихъ данныхъ науки такимъ глубокимъ мыслителемъ, каковымъ является Спенсеръ, стяжавшій себѣ неувядаемую славу своими изслѣдованіями въ области біологіи и соціологіи. Поэтому-то, отбросивъ все, что является элементомъ случайнымъ или результатомъ личныхъ взглядовъ автора (на что мы, по мѣрѣ возможности, указываемъ въ нашихъ примѣчаніяхъ), мы смѣло рекомендуемъ сочиненіе Спенсера всякому, кто пожелалъ-бы серьезно проанализировать основы постановки раціональнаго воспитанія, во всеоружіи послѣдняго слова науки и затѣмъ уже притти къ выводамъ, сдѣланнымъ авторомъ, или-же построить на данныхъ анализа свои заключенія о различныхъ системахъ и пріемахъ воспитанія; это, повторяемъ, уже дѣло личныхъ взглядовъ, зависящихъ, главнымъ образомъ, отъ личной оцѣнки сравнительной важности различныхъ задачъ воспитанія и обученія.

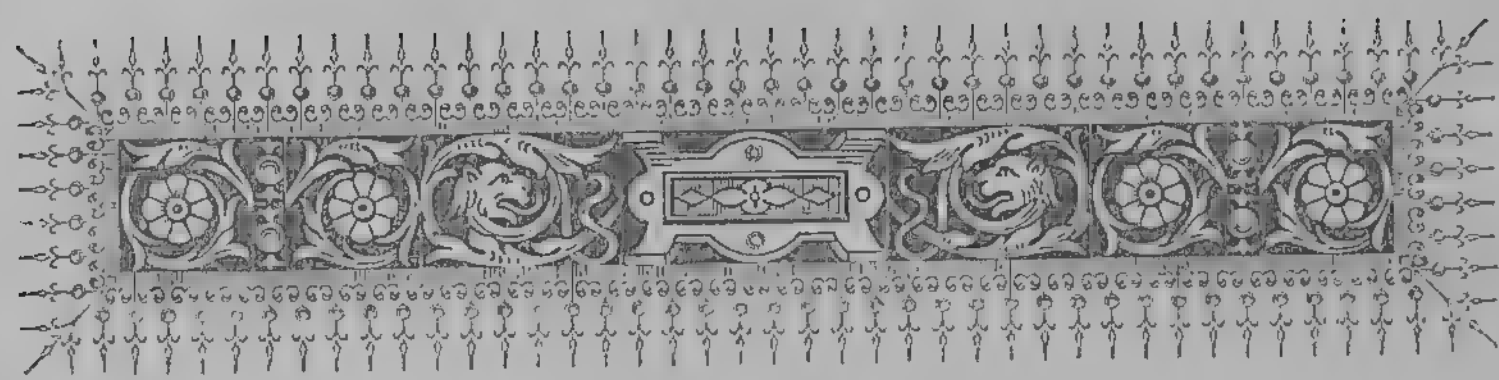
Въ силу этихъ соображеній мы и придаемъ весьма важное значеніе предлагаемой книгѣ Спенсера, отчасти уже знакомой русской публикѣ по переводу покойной Е. А. Сысоевой. Предлагая теперь новый переводъ этого классическаго сочиненія по педагогикѣ, мы сочли нужнымъ снабдить его примѣчаніями и вступительной статьей.

Примѣчанія, по нашему мнѣнію, необходимы въ такой книгѣ, какъ предлогаемая, во-первыхъ потому, что они даютъ читателю возможность, такъ сказать, оріентироваться въ длинномъ изложеніи доказательствъ и въ постепенномъ ходѣ выводовъ, а во-вторыхъ потому, что въ примѣчаніяхъ мы старались указать то, что является личнымъ мнѣніемъ, тенденціей, автора и разъяснить то, что намъ кажется несовсѣмъ яснымъ въ изложеніи; кромѣ того, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ авторъ касается того, что у насъ, въ Россіи является нѣсколько инымъ, чѣмъ это указывается въ книгѣ по отношенію къ Англіи или къ Западной Европѣ вообще,—мы въ видѣ примѣчаній дѣлали необходимыя ссылки и указанія.

Вступительная статья, предпосылаемая нами нашему переводу имѣетъ отчасти то-же объяснительное назначеніе *въ цѣломъ*, какое имѣютъ наши примѣчанія *въ частномъ*, т. е. въ отдѣльныхъ мѣ-

стахъ сочиненія. Въ этой статьѣ мы сдѣлали общій разборъ системы анализа Спенсера, указали на постановку имъ задачъ воспитанія и бѣглымъ очеркомъ прослѣдили за изложеніемъ и ходомъ анализа.

Разумѣется, не намъ судить, насколько удачно мы справились съ нашей задачей, — передать въ переводѣ и объяснить одно изъ капитальныхъ сочиненій по педагогикѣ, могущее служить краеугольнымъ камнемъ въ дѣлѣ столь необходимаго *научнаго* изслѣдованія общественныхъ задачъ, постановки и пріемовъ воспитанія молодыхъ поколѣній. Критика укажетъ достоинства нашей работы (буде таковыя найдутся) и наши промахи, столь неизбѣжные во всякомъ дѣлѣ; мы-же льстимъ себя надеждою, что слабый трудъ нашъ не останется совсѣмъ уже безполезнымъ и, быть можетъ, такъ или иначе пригодится и послужитъ малою лептою, вложенною нами въ сокровищницу педагогической литературы.



ВСТУПЛЕНІЕ.

(ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА).

Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.

Н. Некрасовъ.

Среди множества различныхъ вопросовъ соціальной жизни, вопросъ о воспитаніи дѣтей, въ широкомъ пониманіи этого слова, несомнѣнно, имѣетъ весьма важное значеніе. А между тѣмъ трудно найти какой-либо другой вопросъ нашей соціальной жизни, которымъ-бы интересовались менѣе, чѣмъ вопросомъ о воспитаніи, который былъ-бы такъ мало изслѣдованъ, въ научномъ смыслѣ этого слова и который былъ-бы рѣшаемъ такъ односторонне и даже прямо нелѣпо.

Впрочемъ, странно было-бы ожидать правильнаго рѣшенія вопроса о воспитаніи, разъ если этотъ вопросъ не подвергнутъ строгому научному анализу и рѣшается лишь на основаніи опытныхъ данныхъ, вѣрнѣе сказать, предразсудковъ нянюшекъ и недалекихъ родителей, да на ос-

нованіи хитросплетенныхъ и искусственныхъ до неимовѣрности теорій тупоумныхъ педагоговъ, создавшихъ свои нелѣпыя системы воспитанія, не потрудившись предварительно подвергнуть вопросъ научному анализу и вывести соотвѣтствующіе законы.

Современный намъ фазисъ развитія вопроса о воспитаніи можно сравнить съ фазисомъ развитія вопроса экономической политики до конца прошлаго столѣтія, когда экономическая жизнь государства не была подвергнута научному анализу, не были найдены ея законы, а потому и создавались такія искусственныя и нелѣпыя, съ научной точки зрѣнія, системы, какъ напр. меркантилизмъ. Но вотъ явились серьезные изслѣдователи-экономисты, каковы Мальтусъ и, въ особенности, Адамъ Смиттъ, имя котораго будетъ безсмертно въ лѣтописяхъ экономической науки; сдѣланный ими анализъ, открылъ передъ глазами всего міра ту страницу великой книги природы, гдѣ написаны законы экономической жизни государства и тогда только прекратилась опасная во всякомъ дѣлѣ игра въ темную, каковую представляла собою до того времени экономическая политика. Точно также и въ дѣлѣ воспитанія необходимъ прежде всего научный анализъ, на основаніи котораго можно было-бы вывести законы умственнаго, нравственнаго и физическаго развитія ребенка; тогда уже сами собою создадутся раціональныя системы воспитанія.

* * *

Опытъ такого научнаго анализа постановки воспитанія представляетъ собою книга Герберта Спенсера—„Воспитаніе умственное, нравственное и физическое.“ Въ

нашемъ бѣгломъ очеркѣ мы разсмотримъ этотъ анализъ знаменитаго соціолога и сдѣланные имъ выводы объ основахъ раціональной постановки воспитанія молодого поколѣнія.

Прежде всего, разумѣется, возникаетъ вопросъ: какова общая задача воспитанія, поглощающая въ себѣ всѣ частныя задачи, вытекающія изъ идей религіи, нравственности и общественнаго прогресса? Спенсеръ отвѣчаетъ на это: общая задача воспитанія человѣка заключается *въ доставленіи ему возможности жить полною жизнью.* *)

По нашему разумѣнію, это основное положеніе Спенсера, вытекающее изъ ближайшаго разсмотрѣнія, во всеоружіи науки, условій соціальнаго быта съ ихъ идеальной стороны, настолько очевидно и логично, что безъ особенной натяжки можетъ быть принято за аксіому.

Итакъ, аксіома найдена, общая задача воспитанія поставлена; нужно разбить эту задачу на болѣе мелкія, спеціальныя, въ которыхъ выразились-бы частныя цѣли воспитанія. А такъ-какъ общею цѣлью воспитанія Спенсеръ ставитъ дарованіе возможности жить полною жизнью въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, то, разумѣется, что для достиженія этого *необходимо развитіе воспитанника, какъ умственное, такъ и нравственное и физическое.*

Правильность и логичность такой разбивки общей задачи на спеціальныя сами собою очевидны, ибо жить полною жизнью невозможно безъ умственнаго, нравственнаго и физическаго развитія, затѣмъ, обратно, это раз-

---

*) См. стр. 11.

витіе въ свою очередь обусловливаетъ полноту жизни и, наконецъ степень послѣдней зависитъ отъ степени перваго.

* * *

Такимъ образомъ въ дѣлѣ воспитанія ставятся три задачи; первая изъ нихъ,—*умственное развитіе*. На изысканіе способовъ рѣшенія этой задачи Спенсеръ удѣляетъ первую и вторую главы разбираемой нами книги; въ первой—авторъ дѣлаетъ предварительныя изысканія въ области сравнительной оцѣнки различныхъ отраслей знанія, а вторую—посвящаетъ уже собственно рѣшенію задачи.

Эта задача,—умственное развитіе воспитанника,—разбивается, въ свою очередь, на двѣ еще болѣе спеціальныя задачи, соотвѣтственно двоякому значенію знанія, по отношенію его ко всякой отдѣльной личности.

Первое, прямое, значеніе знанія,—это значеніе его, какъ собранія свѣдѣній, пригодныхъ въ жизни для выполненія тѣхъ или иныхъ практическихъ задачъ. Само собою разумѣется, что роды знанія, слѣдовательно, зависятъ отъ родовъ этихъ задачъ и сравнительная цѣнность первыхъ находится въ прямой зависимости отъ сравнительной важности вторыхъ.

Но каковы эти практическія задачи, встрѣчающіеся въ жизни каждаго человѣка и выполненіе которыхъ составляетъ то, что называется нашею дѣятельностью? Спенсеръ подробно перечисляетъ эти задачи *), классифицируя нашу дѣятельность по важнѣйшимъ ея родамъ,

---

*) См. стр. 12.

въ порядкѣ ихъ постепенной важности. Этихъ родовъ дѣятельности авторъ насчитываетъ пять группъ и такимъ образомъ, задача воспитателя,—дать воспитаннику знаніе, какъ орудіе успѣшной практической дѣятельности, въ свою очередь, распадается въ анализѣ на пять еще болѣе спеціальныхъ задачъ. Одно уже перечисленіе этихъ послѣднихъ ясно покажетъ намъ, насколько несостоятельны наши воспитательныя системы при свѣтѣ научной критики.

Второе, такъ сказать, косвенное значеніе знанія,— это значеніе его, по выраженію Спенсера, *какъ орудія умственной дисциплины*. Отсюда возникаетъ второе подраздѣленіе задачи умственнаго развитія, которое мы позволимъ себѣ назвать *„умственной гимнастикой“*.

Это двоякое значеніе знанія, какъ элемента *поучающаго* и какъ элемента *развивающаго*, давно уже установлено безспорно; второе значеніе, впрочемъ, болѣе присуще не знанію, въ широкомъ смыслѣ этого слова, а, собственно говоря наукѣ, т. е. знанію систематированному, а не безпорядочному собранію свѣдѣній въ той или другой области. Эта задача, т. е. сообщеніе воспитаннику знаній не практическихъ, а развивающихъ, изслѣдована еще менѣе прочихъ задачъ постановки воспитанія; даже, болѣе того, съ научной точки зрѣнія, это вполнѣ terra incognita для насъ и въ выполненіи этой задачи дается наиболѣе широкій просторъ личнымъ взглядамъ, тенденціямъ и вкусамъ воспитателя.

Точно такъ-же мало изслѣдованъ и вопросъ о сравнительной оцѣнкѣ знаній, въ ихъ прямомъ значеніи. У насъ до сихъ поръ еще не установлено *научнымъ путемъ* мѣрило цѣнности знанія.

Спенсеръ дѣлаетъ опытъ установленія такого мѣрила. *) Но это уже не безспорное научное положеніе, а выводъ, болѣе или менѣе тенденціозный. Авторъ совершенно справедливо и достаточно полно распредѣляетъ всю нашу дѣятельность по группамъ; но, оцѣнивая сравнительную важность этихъ группъ, онъ беретъ, такъ сказать, человѣка внѣ времени и мѣста. А между тѣмъ одна и та-же группа дѣятельности имѣетъ для одного человѣка одну важность, а для другого—другую; даже, можетъ случиться, что для одного, скажемъ, первая группа важнѣе второй, а для другого, наоборотъ, — вторая важнѣе первой; все это находится въ зависимости отъ *личнаго* положенія даннаго человѣка.

Спѣшимъ, однако, оговориться и пояснить, что все только-что нами сказанное,—не болѣе, какъ указаніе, насколько необходимо, при практическомъ примѣненіи теоретическаго вывода Спенсера, принять въ соображеніе общность этого вывода, поглощающую всѣ частные случаи и не удивляться, если въ одномъ изъ послѣднихъ группы человѣческой дѣятельности, по ихъ сравнительной важности, расположатся въ нѣсколько-иномъ порядкѣ.

* * *

Вторая задача,—*нравственное развитіе*, относительно теоретическаго своего разрѣшенія, представляетъ еще болѣе трудностей, чѣмъ первая.

Въ вопросѣ о нравственномъ развитіи воспитанника, не только не опредѣлены и даже не изслѣдованы спо-

*) См. стр. 6 и дальнѣйш.

**) См. стр. 12.

собы разрѣшенія задачи, но и самая задача далеко не опредѣлена и не формулирована.

Въ книгѣ Спенсера третья глава, посвященная анализу и разработкѣ этого вопроса, является самою слабою, сравнительно съ другими. Здѣсь авторъ уже измѣняетъ своей методѣ изслѣдованія, не формулируетъ ясно и опредѣленно самой сущности дѣла и не ставитъ задачъ, подробный и обстоятельный анализъ которыхъ пролилъ-бы свѣтъ на это темное дѣло; Спенсеръ прямо начинаетъ съ разбора и разработки пріемовъ нравственнаго воспитанія, проводя параллель между постепеннымъ, такъ сказать, дисциплинированіемъ воспитанника природою, въ видѣ приспособленія его къ жизни среди окружающей обстановки и дисциплинированіемъ его наставникомъ въ видахъ приспособленія къ жизни среди общества, въ нравственномъ ея смыслѣ. *)

Въ этомъ „естественномъ методѣ", какъ называетъ его авторъ, есть одинъ существенный недостатокъ или, точнѣе говоря, есть важная недомолвка, порождающая тьму недоразумѣній, создающихъ до-нельзя искусственныя „методы". Эта недомолвка заключается въ томъ, что авторъ не указываетъ, какова именно *основа* „естественнаго метода". т. е. каково *научное положеніе*, принявъ которое за аксіому, мы получимъ этотъ методъ строго-логичнымъ выводомъ.

По нашему мнѣнію, это положеніе можно формулировать такъ: подобно тому, какъ всякое нарушеніе *физическихъ* законовъ, влечетъ за собою *физическую* боль, точно также всякое нарушеніе *нравственныхъ* принци-

---

*) См. стр. 147—152.

повъ должно повлечь за собою боль *нравственную*. Иначе говоря, наставникъ, принимая на себя роль „бездушной природы“, долженъ такъ вести своего воспитанника, чтобы каждый проступокъ причинялъ послѣднему нравственную боль, которая и должна его останавливать, а отнюдь *не страхъ* наказанія, будь то наказаніе „естественное“ или „искуственное“. Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь не тотъ можетъ считаться честнымъ человѣкомъ, кто не крадетъ потому только, что за кражу сажаютъ въ тюрьму, а тотъ, кому *совѣсть не позволяетъ* красть. Если ввести это положеніе, то рекомендуемый Спенсеромъ „естественный методъ“, получаетъ совершенно иное освѣщеніе и все, что авторъ доказываетъ съ натяжкой или уклончиво обходитъ объяснится, какъ логическій выводъ. *)

* * *

Третья задача воспитанія,—*физическое развитіе*, въ противоположность двумъ первымъ, давно уже разработана въ мельчайшихъ деталяхъ. Правда, пріемы, практикуемые нашими родителями и воспитателями въ дѣлѣ физическаго воспитанія, какъ на это многократно указываетъ Спенсеръ, далеко не совершенны, а подъ-часъ и прямо таки несуразны; но это уже не слѣдствіе недостатковъ теоріи, а просто, слѣдствіе полнаго невѣжества.

Физіологія и ея законы относительно питанія, роста, одежды, сна и т. вполнѣ могутъ руководить воспитателемъ и привести его въ дѣлѣ физическаго воспитанія къ весьма удовлетворительнымъ результатамъ.

---

*) Какъ напр., роль воспитателя въ случаяхъ особо-важныхъ проступковъ дѣтей; см. стр. 171.

Спенсеръ разбираетъ въ своей книгѣ различные вопросы физическаго воспитанія дѣтей и на основаніи тѣхъ или иныхъ физіологическихъ законовъ, дѣлаетъ выводы, давая наставленія руководствоваться тѣми или иными правилами. Но все это далеко не ново и не оригинально, а потому мы и не будемъ слѣдить за выводами автора, тѣмъ болѣе, что выводы эти довольно элементарны.

Мы укажемъ только, что въ вопросѣ о физическомъ развитіи Спенсеръ снова вполнѣ входитъ въ роль строгаго методиста-изслѣдователя и далекъ отъ какихъ-бы то ни было тенденцій, если не считать за маленькое увлеченіе его горячей проповѣди о вредѣ и безсмысленности, съ научной точки зрѣній *системы недоѣданія*; этой проповѣди авторъ посвящаетъ первыя страницы четвертой главы и, по нашему мнѣнію, въ ней онъ нѣсколько увлекся: мы не думаемъ и намъ не случалось замѣчать, чтобы эта *система недоѣданія*, противъ которой такъ горячо возстаетъ Спенсеръ, была бы дѣйствительно общественнымъ зломъ,—это, скорѣе, увлеченіе нѣкоторыхъ чудаковъ-родителей, недалеко ушедшихъ на пути логичности своего мышленія, а мало-ли такихъ увлеченій? Если о каждомъ изъ нихъ упомянуть хотя, бы только вскользь, то можно написать нѣсколько томовъ, которые, однако, не принесутъ ни малѣйшей пользы, ибо этихъ чудаковъ родителей,—да позволено будетъ намъ такъ выразиться,—никакая логика не прошибетъ.

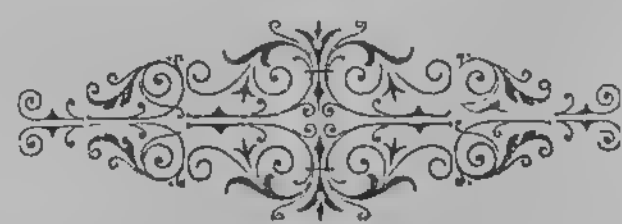
* * *

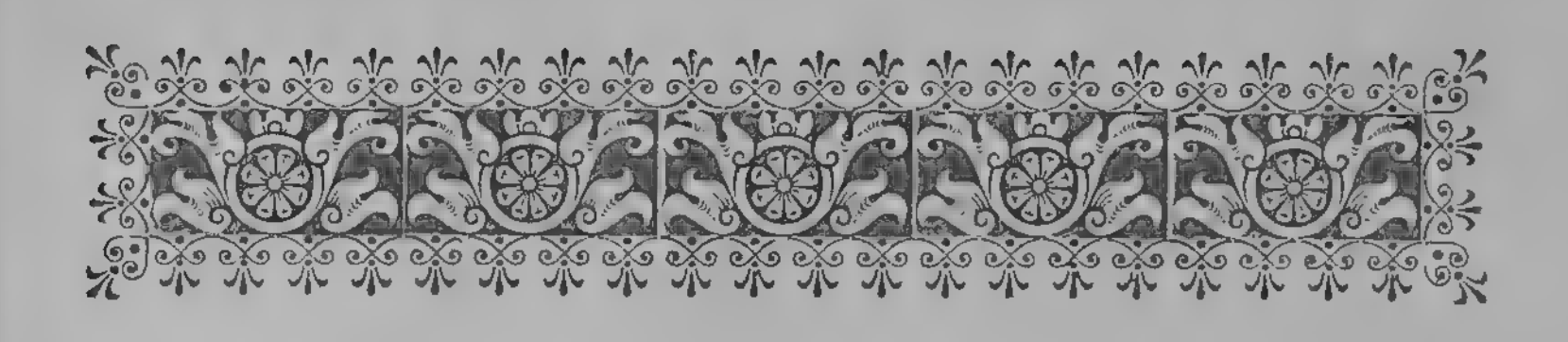
Такимъ образомъ, какъ мы уже замѣчали, книга Герберта Спенсера представляетъ собою анализъ и разра-

ботку вопросовъ умственнаго, нравственнаго и физическаго воспитанія дѣтей,—анализъ столь желательный и столь необходимый въ педагогической литературѣ. Правда, изслѣдованіе почтеннаго автора,—какъ это можно было-бы замѣтить, хотя-бы изъ нашего бѣглаго очерка,—далеко не исчерпываетъ вопроса и оставляетъ желать еще очень многаго, но, какъ-бы то ни было, оно кладетъ основу научнаго изученія этого предмета, а такой починъ въ этомъ дѣлѣ уже самъ по себѣ много значитъ.

Во всякомъ случаѣ основныя положенія Спенсера о задачахъ воспитанія и ихъ подраздѣленіяхъ, несомнѣнно, даютъ серьезную опору для дальнѣйшихъ изслѣдованій въ этой области съ цѣлью созданія *научной* теоріи воспитанія, которая, въ свою очередь создаетъ *научные* методы, основанные на неоспоримыхъ началахъ, а не на шаткихъ эмпирическихъ тенденціозныхъ данныхъ.

Тогда-только выработается дѣйствительно-естественный методъ воспитанія, въ которомъ не будетъ искусственности и который дѣйствительно воплотитъ въ себѣ принципъ, выраженный въ словахъ поэта, поставленныхъ нами эпиграфомъ. Яркій свѣтъ науки разсѣитъ мракъ хитросплетенныхъ ухищреній и при его блескѣ разрѣшится роковой вопросъ воспитанія, какъ разрѣшались многіе другіе, неменѣе жгучіе.





ГЛАВА I.

Какое знаніе для насъ дороже всего?

Справедливо было замѣчено, что люди придумали украшенія много ранѣе, чѣмъ одежду. Дикіе обрекаютъ себя на сильныя физическія страданія только для того, чтобы быть красиво нататуированными и въ то-же время не дѣлаютъ ни малѣйшей попытки для смягченія вліянія рѣзкихъ перемѣнъ температуры на свое тѣло. Гумбольдтъ разсказываетъ, что индѣйцы штата Ориноко нисколько не заботятся объ удобствахъ для своего тѣла, но между тѣмъ, готовы проработать съ утра до ночи нѣсколько дней кряду, лишь-бы на полученныя за такой трудъ деньги купить краски для разрисовки своего тѣла. Женщины дикихъ смѣло выходятъ изъ своихъ шалашей безъ всякихъ признаковъ одежды, но не одна изъ нихъ не рѣшится нарушить установленный обычай приличія и показаться посторонпимъ нетатуированной. Путешественники увѣряютъ, что дикія племена цѣнятъ бусы и разныя блестящія бездѣлушки много выше коленкора или даже тонкаго сукна, развѣшиваютъ напоказъ подаренныя имъ рубашки и платья и это доказываетъ, что у подобныхъ племенъ идея объ украшеніяхъ преобладаетъ надъ идеей о пользѣ. Еще однимъ доказательствомъ справедливости этого заключенія также можетъ служить фактъ, переданный капитаномъ Стекомъ о его африканскихъ спутникахъ, которые въ хорошую погоду прогуливались въ плащахъ изъ козьихъ шкуръ, въ сырую-же и дождливую снимали мѣховыя одежды и прятали ихъ, а сами, нагіе, дрожали подъ

дождемъ. Примѣры изъ первобытной жизни народовъ какъ-бы указываютъ намъ на тотъ фактъ, что украшенія вошли въ употребленіе много ранѣе одежды. Не только что въ первобытныя времена, но даже и теперь многіе болѣе заботятся объ изяществѣ и красотѣ матеріи, чѣмъ объ ихъ прочности, болѣе думаютъ о покроѣ одежды, чѣмъ объ ея удобствѣ, такъ что польза приносится въ жертву красивой внѣшности. Все это, понятно, неоспоримое доказательство того факта, что одежда у людей появляется позднѣе, чѣмъ украшенія.

Но странно то обстоятельство, что и относительно ума можно сдѣлать такіе-же выводы. Въ заботахъ о развитіи ума, точно такъ-же, какъ и въ заботахъ о тѣлѣ—внѣшность предшествуетъ пользѣ. Не только въ старыя времена, но даже и теперь почти постоянно предпочитаютъ положительнымъ знаніямъ такія, которыми можно блеснуть. Главными предметами изученія въ древнихъ греческихъ школахъ были: музыка, риторика и философія, хотя до Сократа, послѣдняя мало примѣнялась къ жизни *); всѣ-же практическія знанія занимали въ этѣхъ школахъ второстепенное мѣсто. Той же ошибочной системы преподаванія придерживаются въ нашихъ университетахъ и школахъ въ настоящее время. Намъ могутъ поставить въ упрекъ повтореніе опошленной фразы, но мы все-же подтвердимъ тотъ фактъ, что изъ десяти юношей, девяти не придется примѣнить на практикѣ, въ ихъ послѣдующей жизни, знаніе греческаго и латинскаго языковъ. Всякому извѣстно, что въ торговлѣ, въ гражданской и военной службѣ, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ банкахъ, въ желѣзнодорожныхъ обществахъ — знаніе древнихъ языковъ, для изученія которыхъ было потрачено нѣсколько лѣтъ, нисколько не помогаетъ дѣлу; эти языки даже почти совершенно за-

*) Т. е. до Сократа философія имѣла чисто-метафизическій характеръ и этотъ великій философъ первый примѣнилъ ее къ проблеммѣ практической жизни.

Примѣчаніе переводч.

бываются; если-же когда кому-либо и вздумается привести латинскую пословицу или какой-либо греческій миѳъ, то это скорѣе дѣлается съ цѣлью щегольнуть или произвести эффектъ, нежели для того, чтобы лучше выяснить обсуждаемый предметъ. Если мы станемъ отыскивать настоящую причину, ради которой мы даемъ нашимъ сыновьямъ классическое образованіе, то увидимъ, что эта причина кроется въ желаніи не итти въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ. Люди любятъ какъ украшать умъ своихъ дѣтей, такъ и наряжать ихъ тѣло, согласно господствующей модѣ. Все равно, какъ индѣецъ штата Ориноко, прежде чѣмъ выйти изъ своего жилища татуируется не для собственнаго удовольствія, а только по тому, что ему совѣстно показаться людямъ неразрисованнымъ, точно также и мальчику набиваютъ голову латинскимъ и греческимъ языками не ради того только, что за этими древними языками признается существенная польза, а только для того, чтобы избѣгнуть упрека въ невѣжествѣ и пусть всѣ видятъ и знаютъ, что онъ настоящій баринъ по воспитанію,— а это такое отличіе, которымъ снискивается извѣстное уваженіе въ обществѣ.

Украшенія прежде пользы. Теперь, если мы перейдемъ къ другому полу, то вышеприведенное обнаружится еще рѣзче. Декоративный элементъ, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи всегда болѣе преобладалъ и преобладаетъ у женщинъ сравнительно съ мужчинами. Въ прежнее время оба пола одинаково увлекались внѣшними украшеніями всякаго рода; но мы видимъ, что въ позднѣйшую эпоху цивилизаціи, мужчины въ своей одеждѣ стали предпочитать удобства красивой внѣшности; но только недавно польза стала преобладать надъ украшеніемъ въ вопросѣ о воспитаніи юношей. Между тѣмъ, какъ у женщинъ въ этомъ отношеніи не произошло никакихъ благотворныхъ перемѣнъ. Въ нашихъ дамахъ сильно развито желаніе блеснуть своимъ туалетомъ даже въ ущербъ теплотѣ и удобствамъ; онѣ носятъ серги, коль-

ца, браслеты, вычурныя прически, употребляютъ косметическія средства, стараются придумать какъ можно болѣе изящные фасоны платьевъ и часто эти фасоны скорѣе ихъ уродуютъ, чѣмъ украшаютъ,—словомъ, наши женщины готовы переносить всевозможныя стѣсненія и неудобства ради моды *). То-же самое можно сказать и относительно воспитанія дѣвочекъ: исключительное развитіе ихъ „пріятныхъ талантовъ" ясно доказываетъ, что и тутъ польза находится въ подчиненіи у внѣшности; болѣе всего обращается вниманія на танцы, приличныя маперы, музыку, пѣніе и рисованіе. Если вы зададите такой вопросъ: къ чему ихъ учатъ по-итальянски и по-нѣмецки?—вамъ отвѣтятъ, приводя массу разныхъ воображаемыхъ причинъ и еще прибавятъ, что знаніе этихъ языковъ составляетъ необходимое условіе въ свѣтѣ для каждой благовоспитанной дѣвицы. Дѣвочекъ учатъ иностраннымъ языкамъ вовсе не для того, чтобы онѣ могли читать полезныя книги—имъ даже и не даютъ въ руки такихъ книгъ,—но только для того, что бы онѣ могли пропѣть въ салонахъ итальянскую или нѣмецкую арію и вызвать всеобщій восторгъ и удивленіе. Дѣвочекъ принуждаютъ выучивать наизусть годы рожденій, смерти, вступленія въ бракъ королей и другихъ замѣчательныхъ въ исторіи лицъ, а также и разныя другія, ни къ чему

---

*) Намъ кажется, что это замѣчаніе не совсѣмъ справедливо или, по крайней мѣрѣ, одностороннe; правда, декоративный элементъ преобладаетъ во внѣшности женщинъ, но это опять-таки въ силу моды, болѣе требовательной ко внѣшности женщинъ, чѣмъ къ таковой мужчинъ; такъ напр., нѣжность кожи, по общепринятому мнѣнію, обязательна для свѣтской женщины и далеко не обязательна для мужчины, а отсюда слѣдуетъ преобладаніе косметики для первыхъ. Поэтому-то нельзя считать такую склонность женщинъ низшею, сравнительно съ мущинами, ступенью цивилизаціи, да и вообще вопросъ о необходимости требованія внѣшней обаятельности отъ женщины остается, во всякомъ случаѣ, открытымъ и едва-ли можетъ быть рѣшенъ отрицательно.

Примѣч. переводч.

не ведущія историческія подробности и это дѣлается не съ цѣлью расширенія ихъ круга знаній, а только ради того, что этого отъ нихъ требуетъ общество; незнаніе всего этого можетъ вызвать насмѣшку. Мы упомянемъ еще о чтеніи, чистописаніи, правописаніи, граматикѣ, ариѳметикѣ и шитьѣ и этимъ закончимъ рядъ предметовъ, которые преподаются дѣвочкамъ съ цѣлью практическаго приложенія этихъ знаній къ жизни. Но даже и тутъ дѣвочки обучаются многому изъ угоды общественному мнѣнію, чѣмъ ради ихъ личной пользы.

Для того, чтобы, какъ можно яснѣе доказать ту истину, что, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи, украшенія всегда предшествовали пользѣ, слѣдуетъ доискаться корня этой истины. А корень этотъ заключается въ томъ фактѣ, что, начиная съ самаго далекаго прошлаго по настоящее время, соціальныя нужды всегда стояли выше индивидуальныхъ, а самыя необходимыя соціальныя потребности поглащали индивидуальныя. Въ мірѣ, кромѣ признанныхъ закономъ властей, существуютъ еще и другія, непризнанныя, но проявляющіяся во всѣхъ общественныхъ кружкахъ, гдѣ каждый мужчина и каждая женщина добиваются играть роль королевы, или хотя какого-либо важнаго лица. Все человѣчество бьется изъ за того, чтобы подняться выше другихъ людей, принимать отъ нихъ знаки уваженія, или же заискаваетъ у тѣхъ, кто стоитъ выше—на эту-то борьбу оно и тратитъ самыя лучшія силы своей жизни. Каждый добивается взять верхъ надъ окружающеми его людьми или своимъ богатствомъ, или образомъ жизни, или изяществомъ костюма или, наконецъ, умомъ и пріобрѣтенными знаніями. Изъ этого видно, что каждый участвуетъ въ плетеніи безконечный сѣти стѣсненій и неудобствъ, которыя порабощаютъ общество и подерживаютъ въ немъ порядокъ. Не только дикій раскрашиваетъ свое тѣло чудовищными изображеніями и развѣшиваетъ на своемъ поясѣ черепа убитыхъ имъ враговъ, чтобы внушить страхъ порабощенному племени, не только модная

красавица добивается пріобрѣсти себѣ по-больше поклонниковъ своими изысканными, изящными нарядами, граціею и другими способами, но даже ученые, историки и философы, стремятся перещеголять одинъ другого своими знаніями. Никто изъ насъ не удовлетворяется постепеннымъ развитіемъ своей индивидусильности во всѣхъ направленіяхъ; каждый терзается неутолимою жаждою имѣть вліяніе на другихъ своею индивидуальностью и такъ или иначе поработить себѣ ближняго. Этимъ-то именно и опредѣляется сущность характера нашего воспитанія. Обыкновенно нами принимается во вниманіе ни то знаніе, которымъ мы должны дорожить болѣе всего, а то, которымъ мы можемъ легче щегольнуть, блеснуть, возбудить, восторгъ достигнуть почестей, виднаго положенія въ обществѣ, а главное вліянія, какъ самой важной изъ всѣхъ нашихъ цѣлей. Важнѣйшая задача нашей жизни состоитъ для насъ не въ томъ, что такое мы сами, а въ томъ, что о насъ подумаютъ другіе; одинаково и въ воспитаніи, мы заботимся не о существенномъ образованіи, а о томъ, какъ-бы нашему воспитаннику блеснуть передъ другими своими знаніями. Вслѣдствіе такой преобладающей склонности гнаться за эффектомъ, едва-ли мы въ состояніи судить о прямой пользѣ лучше тѣхъ дикарей, которые подпиливаютъ себѣ губы и красятъ ногти.

Необходимость установить мѣрило цѣнности знаній. Доказательство грубости и несостоятельности системы нашего воспитанія мы можемъ найти въ слѣдующемъ фактѣ: врядъ-ли когда подвергался обсужденію вопросъ о сравнительной цѣнности различныхъ родовъ знаній, если-же онъ когда и былъ обсуждаемъ, то отнюдь не методически и безъ всякихъ опредѣленныхъ результатовъ. Это произошло не потому, что до сихъ поръ не было признаннаго мѣрила относительно цѣнности знаній, а оттого, что у насъ не выработалось даже яснаго понятія о существованіи такого мѣрила и даже едва-ли ощущается въ немъ недостатокъ. Люди много читаютъ

книгъ и слушаютъ массу лекцій объ этомъ предметѣ, рѣшая при этомъ, что ихъ дѣтямъ будутъ преподаваться такія-то отрасли наукъ, а такія-то нѣтъ; но въ данномъ случаѣ всѣ они руководствуются или существующимъ обычаемъ, или своимъ личнымъ вкусомъ и даже просто предубѣжденіемъ, нисколько не разсуждая о важномъ значеніи раціональнаго опредѣленія, какіе именно предметы болѣе всего важны для преподаванія ихъ дѣтямъ. Правда, иногда намъ приходится въ обществѣ слышать замѣчанія о важности той или другой отрасли знаній. Но стóитъ-ли предметъ, по степени своего значенія, той траты времени, которая будетъ необходима для того, чтобы его изучить и нѣтъ-ли другихъ, болѣе важныхъ предметовъ, на изученіе которыхъ ребенокъ могъ-бы посвятить такое-же количество времени?—Если когда и поднимаются подобные вопросы, то они обсуждаются весьма поверхностно и то лишь сообразно съ личнымъ взглядомъ. Нельзя, однако, отрицать, чтобы у насъ, въ обществѣ, не происходило горячихъ споровъ касательно сравнительныхъ достоинствъ классическаго и математическаго образованій, *) но такіе споры ведутся только эмпирически, безъ всякой ссылки на какой-либо опредѣленный критерій; въ сущности-же этотъ вопросъ имѣетъ слишкомъ мало значенія сравнительно съ общимъ вопросомъ, изъ котораго онъ беретъ свое начало. Предполагать, что мы рѣшаемъ вопросъ жизни, разсуждая о томъ, какое образованіе лучше — классическое или математическое,—все равно, что предполагать, будто вся сущность діэтетики заключается въ разрѣшеніи вопроса, что питательнѣе: хлѣбъ или картофель?

Вопросъ, который мы подвергнемъ теперь обсужденію и

*) Нелишне напомнить, что у насъ въ Россіи ломались копья исключительно за классическую и реальную системы образованія, о математической-же системѣ мало говорили и въ Зап. Европѣ, а у насъ, какъ и о многихъ другихъ системахъ и словомъ никто не обмолвился. *Примѣч. переводч.*

который имѣетъ большое значеніе, заключается не въ опредѣленіи достоинствъ того или иного знанія, а въ выясненіи ихъ *относительныхъ* достоинствъ. Люди, при указаніи на пользу, которую они извлекли, изучая какіе-либо предметы, полагаютъ, что этимъ они все доказали, а между тѣмъ, они совершенно забываютъ, что прежде всего слѣдуетъ доказать размѣръ такой пользы. По истинѣ сказать, не существуетъ такого предмета, изученіе котораго не принесло-бы извѣстной доли пользы. Если кто-либо употребитъ цѣлый годъ на прилежное изученіе геральдики, то получитъ только возможность глубже вникнуть въ характеръ прежнихъ нравовъ и обычаевъ; далѣе, если кому-нибудь вздумается заняться изученіемъ разстояній между всѣми городами Англіи, то, можетъ быть, въ теченіи всей его жизни ему придется не болѣе двухъ-трехъ разъ воспользоваться этимъ знаніемъ во время путешествій. Наконецъ, замѣтимъ, есть-ли что-нибудь безполезнѣе собиранія провинціальныхъ сплетенъ? А, между тѣмъ и изъ подобнаго, повидимому совершенно безполезнаго, занятія можно извлечь какой-либо полезный фактъ, хотя-бы представить примѣръ наслѣдственной передачи всякого рода сплетень. Теперь очевидно, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ нѣтъ положительно никакой саразмѣрности между количествомъ потраченнаго труда и времени и ожидаемой пользой. Конечно, никто не захочетъ, чтобы мальчикъ потратилъ нѣсколько лѣтъ своей жизни на пріобрѣтеніе вышеупомянутаго рода знаній и нанести этимъ ущербъ другимъ, болѣе цѣннымъ, знаніямъ, которыя могли-бы обогатить его умъ за это время. Если здѣсь мы прибѣгаемъ къ мѣрилу относительной цѣнности знаній и считаемъ за рѣшительный приговоръ всѣ его указанія, то понятно, что вездѣ и всюду мы должны руководствоваться этимъ мѣриломъ и полагаться на него. Если-бы у насъ было достаточно времени на изученіе всѣхъ предметовъ, то намъ нечего было-бы вдаваться въ частности. Вотъ, что говорится по этому поводу въ одной старинной англійской пѣснѣ:

Could a man be secure
That his days would endure
As of old, for a thousand long years,
What things might he know!
What deeds might he do!
And all without hurry or care *)

Но наша жизнь слишкомъ коротка и потому мы не должны забывать, что нашъ періодъ пріобрѣтенія знаній слишкомъ ограниченъ. Намъ слѣдуетъ не упускать изъ виду, что этотъ періодъ, кромѣ кратковременности нашей жизни, еще болѣе сокращается житейскими заботами и потому мы обязаны стараться изъ всѣхъ силъ, чтобы данное намъ время было употреблено съ наибольшею для насъ пользою. Прежде чѣмъ рѣшиться посвятить цѣлые годы на изученіе какого-либо предмета, который навязали намъ или мода, или личная прихоть, мы обязаны тщательно взвѣсить цѣнность результата предстоящаго труда и сравнить это съ цѣнностью тѣхъ результатовъ, которые мы могли-бы получить отъ того-же самого количества времени, потраченнаго на другія занятія.

Цѣль воспитанія. Самый главный вопросъ въ дѣлѣ воспитанія составляетъ все то, что было сказано выше и этотъ вопросъ давно слѣдовало-бы обсудить методически. Первая по своей важности проблемма,—хотя мы и будемъ её разсматривать позднѣе всѣхъ,—заключается въ рѣшеніи вопроса: на какой изъ предметовъ, подлежащихъ нашему обсужденію, слѣдуетъ обратить наибольшее вниманіе? Но прежде, чѣмъ приступить къ составленію раціональнаго порядка жизни (curriculum vitae), слѣдуетъ опредѣлить, какія знанія намъ наиболѣе необходимы, или,—по выраженію Бекона, который

*) Если-бы человѣкъ былъ увѣренъ, что его дни продлятся, какъ въ старину, до тысячи лѣтъ, то сколько-бы онъ изучилъ предметовъ! Сколько передѣлалъ-бы дѣлъ и все это не торопясь и не тревожась.

къ сожалѣнію теперь уже устарѣлъ,—нужно опредѣлить относительную цѣнность знаній.

Въ настоящемъ случаѣ прежде всего необходимо найти нормальную цѣнность знаній. По счастью, не можетъ возникнуть никакихъ несогласій при оцѣнкѣ знаній вообще. Каждый, отстаивая достоинство той или другой отрасли знанія, непремѣнно поставитъ на видъ ея отношеніе къ жизни. Обратитесь съ вопросомъ къ какому угодно математику, лингвисту, натуралисту или философу, какую пользу можно извлечь изъ ихъ учености? Они тотчасъ примутся доказывать ея благотворное вліяніе на человѣчество, объяснятъ, какъ подобное ученіе предупреждаетъ зло и обезпечиваетъ добро, словомъ, какъ оно ведетъ къ счастью. Если, напримѣръ, преподаватель чистописанія докажетъ, что хорошій почеркъ много способствуетъ успѣху дѣла, слѣдовательно, что посредствомъ хорошаго почерка человѣкъ въ состояніи пріобрѣсти матеріальныя средства для жизни, то этимъ онъ убѣдитъ насъ въ полезности своей профессіи. Если-же наоборотъ, собиратель мертвыхъ фактовъ (возьмемъ для примѣра нумизматика) окажется не въ состояніи выяснить полезнаго вліянія этихъ фактовъ на человѣческое благосостояніе, то онъ принужденъ будетъ признать ихъ фактами, сравнительно, неимѣющими цѣны. Изъ этого слѣдуетъ, что всѣ обсужденія прямо или косвенно сводятся къ одному окончательному мѣрилу.

Какъ жить? Это самый существенный вопросъ для человѣка и не въ одномъ только матеріальномъ отношеніи, а въ самомъ обширномъ значеніи этого слова. Общая задача, въ которой сливаются всѣ спеціальныя задачи, заключается въ томъ, чтобы человѣкъ умѣлъ руководить своими поступками во всѣхъ сферахъ дѣятельности и при всевозможныхъ обстоятельствахъ: онъ долженъ умѣть обращаться со своимъ тѣломъ, долженъ знать, какъ развивать свой умъ, какъ вести дѣла, какъ воспитывать дѣтей, какъ быть хорошимъ гражданиномъ, какъ пользоваться тѣми благами, которыя дала намъ

природа, какъ употреблять наши способности, чтобы доставлять пользу и себѣ самому и другимъ людямъ, словомъ мы должны знать, какъ пользоваться полною жизнію. Эти вопросы имѣютъ весьма важное значеніе и потому ихъ изученіе должно составлять главную цѣль воспитанія. Слѣдовательно, важнѣйшая обязанность каждаго воспитателя заключается въ томъ, чтобы сдѣлать человѣка способнымъ жить полною жизнью. Для того, чтобы провѣрить, хорошъ или дуренъ какой-либо воспитательный методъ, единственнымъ раціональнымъ способомъ можетъ быть лишь только оцѣнка, до какой степени этотъ методъ выполняетъ вышесказанное назначеніе. *)

Мѣрило, *какъ жить*, никогда не прилагалось въ цѣлости на практикѣ и очень рѣдко по частямъ, да и то какъ-то неопредѣленно, почти безсознательно; но мы должны примѣнить это мѣрило разумно, методически ко всѣмъ возможнымъ случаямъ. Мы никогда не должны упускать этого изъ виду, опредѣливъ совершенно ясно конечную цѣль, т. е. полную жизнь, такъ что при воспитаніи нашихъ дѣтей мы съумѣли бы выбрать и предметы, необходимые для ихъ обученія и методы, наиболѣе согласные съ этою цѣлью. Но отнюдь мы не должны гнаться за общепринятой системой воспитанія, которая никогда не бываетъ прочна и скоро проходитъ, какъ всякая мода; мы обязаны подняться выше грубыхъ эмпирическихъ сужденій людей, иногда, впрочемъ, и не лишенныхъ ума,—которые слѣдятъ за воспитаніемъ своихъ дѣтей. Мало одного *предположенія*, что такія-то и такія-то свѣдѣнія могутъ быть полезны въ жизни, или, что такого-то рода свѣдѣнія могутъ оказаться на практикѣ цѣннѣе, чѣмъ другія;— нѣтъ, надо придумать и способъ, какъ опредѣлить ихъ отно-

*) На постановку цѣлью воспитанія дарованія возможности „жить полною жизнью“ обращаемъ особенное вниманіе читателя: это весьма глубокое и основное, исходное положеніе почтеннаго автора.

Примѣч. переводч.

сительную цѣнность, чтобы *узнать*, какъ можно точнѣе и положительнѣе, которыя изъ этихъ свѣдѣній заслуживаютъ нашего наибольшаго вниманія.

Классификація нашей дѣятельности. Эта задача очень трудная и ее можно рѣшить только приблизительно; но, принимая въ соображніе, какая большая выгода насъ ожидаетъ отъ этого, мы не должны бояться ея трудности и обходить ее. Напротивъ того, слѣдуетъ употребить всю энергію, чтобы преодолѣть всѣ препятствія и если мы будемъ дѣйствовать систематически, то скоро добьемся хорошихъ результатовъ.

Прежде всего намъ необходимо распредѣлить по порядку, всѣ главные роды дѣятельности, согласно ихъ значеній, которые проводятъ въ кругъ человѣческой жизни. Вотъ какой ихъ естественный порядокъ: 1) тѣ роды дѣятельности, которые непосредственно ведутъ къ самосохраненію, 2) тѣ, которые съ обезпеченіемъ потребностей жизни, имѣютъ только посредственное вліяніе на самосохраненіе, 3) тѣ, цѣль которыхъ составляетъ воспитаніе и обученіе потомства, 4) тѣ, которые способствуютъ поддержанію надлежащихъ соціальныхъ и политическихъ отношеній и, наконецъ, 5) тѣ разнообразные роды дѣятельности, которымъ люди посвящаютъ свободное время для удовлетворенія своихъ вкусовъ и чувствъ.

Изъ сказанаго выше видно, что всѣ эти роды дѣятельности распредѣлены именно въ томъ порядкѣ, въ какомъ они соподчинены одинъ другому. Мы должны ежеминутно заботиться объ обезпеченіи своей личной безопасности, и вполнѣ понятно, что всѣ дѣйствія и предосторожности въ этомъ отношеніи должны стоять на первомъ планѣ. Весьма естественно, что, если-бы взрослый человѣкъ, подобно ребенку, не имѣлъ-бы ни малѣйшаго понятія объ окружающихъ его предметахъ и ихъ движеніяхъ и не зналъ-бы, какъ себя держать среди нихъ, то онъ непремѣнно подвергъ-бы опасности свою жизнь при первомъ выходѣ на улицу, хотя-бы онъ былъ самымъ ученымъ человѣкомъ; а такъ какъ полное невѣжество во всѣхъ дру-

гихъ отношеніяхъ не такъ быстро привело-бы его къ погибели, какъ невѣжество въ данномъ случаѣ, то изъ этого слѣдуетъ, что знаніе, прямо ведущее къ самосохраненію, составляетъ знаніе первой важности.

Конечно, нельзя оспаривать того, что за дѣятельностью, прямо касающейся самосохраненія, слѣдуетъ дѣятельность посредственно вліяющая на него, которая состоитъ въ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни. Человѣкъ ставитъ заботы о пріобрѣтеніи этихъ средствъ выше своихъ родительскихъ обязанностей, это ясно видно изъ того, что исполненіе послѣднихъ тогда только возможно, когда устранены первыя. Каждый старается научиться прежде всего, какъ прокормить самого себя, чтобы впослѣдствіи имѣть возможность кормить свое потомство, а отсюда можно вывести заключеніе, что знаніе, необходимое для самообезпеченія, предшествуетъ знанію, потребному для доставленія благосостоянія своему семейству, и это знаніе, по своей цѣнности, занимаетъ второе мѣсто послѣ знанія, необходимаго для самосохраненія.

Такъ какъ семья возникла прежде государства и такъ какъ воспитаніе дѣтей возможно прежде существованія послѣдняго, хотя каждое государство и держится воспитаніемъ молодого поколѣнія,—то изъ этого слѣдуетъ, что на родительскія обязанности необходимо обращать болѣе серьезное вниманіе, чѣмъ на обязанности гражданскія. Очевидно, что характеръ общества зависитъ отъ свойствъ его гражданъ, а на свойства послѣднихъ болѣе всего вліяетъ раннее воспитаніе, и потому весьма естественно притти къ тому заключенію, что благосостояніе семьи служитъ основой благосостоянія общества, слѣдовательно, знаніе, ведущее къ первой цѣли должно всегда предшествовать знанію, ведущему ко второй цѣли.

Разнообразные виды пріятныхъ развлеченій, которымъ мы предаемся въ свободное отъ серьезныхъ занятій время, какъ напр. музыка, поэзія, живопись и проч. несомнѣнно были изобрѣтены тогда, когда уже существовало общество. Разви-

тіе ихъ совершенно невозможно безъ установившейся общественной жизни, такъ какъ и всѣ эти развлеченія ничто иное, какъ отраженіе общественныхъ чувствъ и симпатій; общество создаетъ для нихъ идеи и чувства и способствуетъ ихъ развитію. Слѣдовательно, тотъ отдѣлъ человѣческой дѣятельности, который служитъ на пользу гражданскаго благоустройства, много важнѣе того, который способствуетъ изложенію талантовъ и вкусовъ: поэтому, при воспитаніи дѣтей, подготовка къ первому должна непремѣнно итти впереди подготовки къ послѣднему.

Порядокъ соподчиненія воспитательныхъ началъ. Опять повторимъ,—вотъ раціональный порядокъ, которому должны слѣдовать, соподчиненныя одно другому, воспитательныя начала: воспитаніе, которое подготовляетъ человѣка къ непосредственному самосохраненію; затѣмъ, воспитаніе, которое подготовляетъ человѣка къ посредственному самосохраненію; затѣмъ воспитаніе, которое подготовляетъ человѣка къ исполненію родительскихъ обязанностей и, наконецъ, воспитаніе, которое подготовляетъ человѣка къ разнообразнымъ утонченнымъ занятіемъ. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы всѣ эти подраздѣленія были совершенно независимы одно отъ другого; между ними, напротивъ того, существуетъ самая неразрывная связь; подготовка къ одному роду воспитанія есть въ тоже время подготовка и ко всѣмъ остальнымъ; мы не отрицаемъ также и того, что въ каждомъ изъ перечисленныхъ отдѣловъ есть части болѣе важныя, чѣмъ нѣкоторыя части высшихъ отдѣловъ. Такъ напр. человѣкъ, искусный въ веденіи дѣлъ, но мало способный въ другихъ отношеніяхъ, будетъ въ меньшей степени наслаждаться *полною* жизнью, чѣмъ другой, не столь ловкій въ пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ, но серьезно относящійся къ своимъ родительскимъ обязанностямъ. Или напримѣръ, обширныя свѣдѣнія по части правильной общественной дѣятельности, при полномъ отсутствіи общаго литературнаго образованія и при

невѣжествѣ въ изящныхъ искусствахъ, могутъ быть менѣе желательны, чѣмъ умѣренное обладаніе ими въ соединеніи съ нѣкоторыми другими познаніями. Но и послѣ надлежащей оцѣнки вышеупомянутыхъ отдѣловъ воспитанія, все-же рѣзкія границы между ними останутся нетронутыми и та основная истина, что всѣ эти отдѣлы соподчиняются одинъ другому въ указанномъ порядкѣ нисколько не измѣнится, такъ какъ соотвѣтствующія такому порядку подраздѣленія жизни подчинены тому-же самому.

Поэтому идеальнымъ воспитаніемъ можетъ быть названо такое, которое дастъ полную подготовку ко всѣмъ этимъ отдѣламъ. Но, отступая отъ идеала, что почти неизбѣжно въ настоящемъ фазисѣ цивилизаціи, надо, по-крайней мѣрѣ, поставить себѣ цѣлью соблюдать необходимую соразмѣрность въ подготовкѣ къ каждому изъ упомянутыхъ отдѣловъ. Не слѣдуетъ всецѣло предаваться которому-либо изъ нихъ, какое-бы важное значеніе онъ не имѣлъ въ нашихъ глазахъ, но слѣдуетъ изучать каждый по его цѣнности и, сообразуясь съ этимъ, посвящать ему необходимое время. Для большинства людей (мы не говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда особенная наклонность побуждаетъ человѣка посвятить себя извѣстному отдѣлу знаній, для пріобрѣтенія черезъ это необходимыхъ средствъ къ жизни) полезнѣе всего было-бы такое воспитаніе, посредствомъ котораго достигалось-бы насколько возможно совершенство въ изученіи такихъ предметовъ, которые наиболѣе удовлетворяютъ потребностямъ полной жизни и чтобы это воспитаніе не стремилось-бы къ достиженію совершенства въ знаніяхъ, неудовлетворяющихъ полной жизни.

Такимъ образомъ, регулируя воспитаніе по данному образцу, мы не должны упускать изъ вида нѣкоторыя общія соображенія. Цѣнность всякаго рода культуры, способствующей полной жизни, можетъ быть или существенная, или болѣе или менѣе, условная. Бываютъ знанія *существенной* цѣнности, *quasi-существенной* и *условной*. Напримѣръ, что звонъ

въ ушахъ и чувство онѣмѣненія въ членахъ обыкновенно являются предвѣстниками паралича, что сила сопротивленія воды движещемуся въ ней тѣлу, измѣняется пропорціонально квадрату скорости, что хлоръ дезинфектирующее средство, — такого рода факты принадлежатъ къ области знаній, которыя, какъ всѣ научныя цѣнности вообще, имѣютъ существенную цѣнность и останутся такими-же черезъ десятки тысячъ лѣтъ. Основательное изученіе латинскаго и греческаго языковъ можетъ считаться только quasi-существеннымъ знаніямъ. Подобное знаніе полезно, какъ для англичанъ, такъ и для другихъ народовъ, языки которыхъ много обязаны этимъ источникамъ; но подобное знаніе нужно только до тѣхъ поръ, пока существуютъ наши языки *). Къ знаніямъ условной цѣнности слѣдуетъ причислить тотъ родъ свѣдѣній, который въ нашихъ школахъ носитъ названіе исторіи, въ сущности-же это не болѣе, какъ сухая номенклатура чиселъ, именъ и мертвыхъ, безсодержательныхъ происшествій **). Такое знаніе не можетъ оказать ни малѣйшаго вліяній на образъ нашихъ дѣйствій; этому обучаютъ дѣтей только для того, чтобы не итти на перекоръ общественному мнѣнію, такъ какъ исторію необходимо преподавать дѣтямъ. Весьма понятно, что факты, которые касаются всего человѣчества и всѣхъ временъ должны быть важнѣе фактовъ, относящихся до отдѣльныхъ личностей, въ теченіе ограниченнаго періода времени, а особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о небольшой группѣ людей, которые играли видную роль въ извѣстную эпоху. Поэтому, на основаніи пра-

---

*) Нашъ русскій языкъ, какъ извѣстно, имѣетъ мало связи съ древними въ корняхъ и словообразованіяхъ, но все-же изученіе латинской и въ особенности греческой грамматики, несомнѣнно, принесетъ пользу съ той точки зрѣнія на которой стоитъ авторъ.

Примѣч. переводч.

**) Наши педагоги-историки справедливо замѣчаютъ, что нельзяже въ самомъ дѣлѣ изучать исторію безъ хронологіи и номенкла-

вильной оцѣнки, знаніе существенной цѣнности должно предшествовать знаніямъ quasi-существенной и условной цѣнностей.

Но прибавимъ къ этому еще одно замѣчаніе. Разсмотримъ научныя пріобрѣтенія какъ *знаніе* и какъ *орудіе умственной дисциплины*. Пріобрѣтаемыя свѣдѣнія о различныхъ фактахъ не только имѣютъ вліяніе на образъ дѣйствій человѣка, но служатъ также и упражненіемъ для его ума; въ виду этого и ихъ значеніе, какъ подготовки къ полной жизни, должно быть разсматриваемо съ двухъ сторонъ, о которыхъ мы только что упомянули.

Вотъ тѣ общія понятія, которыми мы должны руководствоваться при обсужденіи „порядка жизни". Жизнь, въ свою очередь, подраздѣляется на различные роды дѣятельности, которые опять имѣютъ различныя степени важности. Цѣнность каждаго разряда фактовъ, управляющихъ этими различными родами дѣятельности, бываетъ: существенная, quasi-существенная и условная; систематическое вліяніе этихъ фактовъ оцѣнивается двоякимъ образомъ: какъ знаніе и какъ орудіе умственной дисциплины.

Самосохраненіе. Къ счастью, самая важная часть воспитанія, относящаяся къ образованію непосредственнаго самосохраненія, почти совсѣмъ упрочена. Природа, словно опасаясь промаховъ съ нашей стороны въ этомъ отношеніи, не выпускаетъ изъ своихъ рукъ такое важное дѣло; ребенокъ еще на рукахъ у кормилицы прячетъ свое личико и кричитъ, увидя незнакомаго человѣка. Это первое проявленіе зарождающагося инстинкта, который побуждаетъ его искать спасенія отъ неизвѣстнаго ему, а, можетъ быть, даже и опаснаго для него, существа. Когда ребенокъ начинаетъ ходить, то всегда

туры, но отводятъ этому такое видное мѣсто, что въ виду, невозможности подробнаго изученія предмета, въ ихъ курсахъ исторіи отъ самой-то исторіи ничего не остается: ее урѣзываютъ почти до полнаго упраздненія и преподносятъ ученикамъ подъ видомъ исторіи тѣ ненужныя знанія, о которыхъ говоритъ авторъ. *Примѣч. переводч.*

выражаетъ ужасъ при приближеніи къ нему незнакомой собаки, а крики, съ которыми онъ бѣжитъ къ матери, увидѣвъ или услышавъ, что-либо странное,—все это доказываетъ о развитіи въ немъ того-же самаго инстинкта. Кромѣ того, ребенокъ поминутно пріобрѣтаетъ свѣдѣнія относительно непосредственнаго самосохраненія; онъ учится, какъ раскачивать свое тѣло, какія дѣлать движенія, чтобы избѣгнуть столкновенія съ окружающими его предметами, какіе предметы тверды и могутъ ушибить его, если онъ объ нихъ стукнется, какіе изъ нихъ тяжелые и могутъ при паденіи повредить ему. Ребенокъ по опыту узнаетъ, какой предметъ выдержитъ его тяжесть и какой—нѣтъ, узнаетъ по опыту боль, причиняемую обжогомъ или порѣзомъ, словомъ постоянно пріобрѣтаетъ свѣдѣнія, какъ ему ограждать себя отъ опасностей. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, когда начнетъ проявляться энергія ребенка въ бѣганьѣ, лазаньѣ, прыганьѣ и другихъ гимнастическихъ играхъ, то мы замѣтимъ по всѣмъ движеніямъ, которыя развиваютъ мускулы ребенка, что понятія послѣдняго значительно развились, что соображеніе его сдѣлалось быстрѣе, словомъ, что онъ приготовился къ самосохраненію среди окружающихъ его предметовъ, а также и къ встрѣчѣ тѣхъ неожиданныхъ опасностей, на которыя намъ часто приходится наталкиваться въ жизни. Такъ какъ природа съ самаго ранняго возраста оберегаетъ ребенка, то мы, относительно, не должны слишкомъ много заботиться о первоначальномъ воспитаніи, а должны хлопотать лишь только о томъ, чтобы дать полную возможность ребенку пріобрѣтать необходимую опытность и усвоевать вышеупомянутую дисциплину. Мы не должны итти ни въ какомъ случаѣ на перекоръ природѣ, по примѣру нѣкоторыхъ неразумныхъ школьныхъ наставницъ, которыя запрещаютъ ввѣреннымъ ихъ надзору дѣвочкамъ предаваться самопроизвольной физической дѣятельности, которая ихъ невольно увлекаетъ; вслѣдствіе этого дѣвочки становятся неспособными оберегать себя въ опасныхъ случаяхъ.

Однако, этимъ далеко не исчерпывается, все что должно заключать въ себѣ воспитаніе, подготовляющее къ непосредственному самосохраненію. Человѣку необходимо охранять свое тѣло не только отъ разныхъ механическихъ поврежденій, но также и отъ болѣзней и смерти, такъ какъ и болѣзни и преждевременная смерть являются нарушеніемъ физіологическихъ законовъ. Для наслажденія *полною* жизнью человѣкъ долженъ не только устранять всѣ поводы, ведущіе за собою внезапную смерть, но также стараться искоренять и всѣ дурныя и вредныя привычки, которыя неминуемо влекутъ за собою истощеніе организма и упадокъ силъ. А такъ какъ человѣкъ съ разстроеннымъ здоровьемъ становится менѣе способнымъ ко всякаго рода дѣятельности, чѣмъ совершенно здоровый человѣкъ, то изъ этого можно вывести заключеніе, что этотъ видъ непосредственнаго самосохраненія имѣетъ для насъ такое-же значеніе, какъ и первый, а поэтому и знаніе, которое служитъ къ его обезпеченію, должно цѣнится нами очень высоко.

Но и здѣсь, по милости природы, у насъ опять имѣется для себя готовое руководство. Одаривъ насъ различными ощущеніями и желаніями, она, въ то-же время, благоразумно соразмѣрила ихъ съ нашими главными потребностями. Недостатокъ пищи, сильный жаръ или сильный холодъ возбуждаютъ въ человѣкѣ желанія до такого настоятельнаго требованія, что онъ не можетъ ими пренебрегать. Если-бы люди старались всегда удовлетворять не только главныя потребности организма, но даже и второстепенныя, то этимъ предотвратили-бы много золъ. Если-бы усталое тѣло и утомленный мозгъ могли-бы своевременно пользоваться отдыхомъ, если-бы духота, происходящая отъ спертаго воздуха, немедленно уничтожалась правильной вентиляціей, если-бы люди не ѣли, когда они сыты и не пили, когда не чувствуютъ жажды,—то страдали-бы много рѣже отъ разстройства организма. Но мы большіе невѣжды относительно законовъ жизни и весьма немногіе сознаютъ, что ощущенія—это наши природные руководители

(если только мы не ослабили ихъ дѣйствія постояннымъ ослушаніемъ) и притомъ—это самые вѣрные руководители. Слѣдовательно, по нашему невѣжеству, мы дѣлаемъ совершенно безполезною ту охрану, которую намъ дала природа.

Значеніе физіологіи. Если кто усомнится, что близкое ознакомленіе съ главными основами физіологіи представляетъ весьма большую важность, такъ какъ это является средствомъ къ достиженію полной жизни, то пусть тотъ осмотрится вокругъ и скажетъ, много-ли онъ найдетъ мужчинъ и женщинъ, которые пользовались-бы совершеннымъ здоровьемъ въ зрѣломъ возрастѣ. Намъ очень рѣдко встрѣчаются примѣры крѣпкихъ стариковъ или старухъ, но почти постоянно мы видимъ вокругъ себя людей, которые страдаютъ острыми катаррами, разными эроническими недугами, общимъ разслабленіемъ и преждевременною дряхлостью. Найдется-ли хотя одинъ изъ окружающихъ васъ людей, который въ теченіи своей жизни не перенесъ-бы какой-либо болѣзни, которая, конечно, не постигла-бы его, если-бы онъ, имѣя понятіе объ основахъ физіологіи, не нарушалъ-бы ихъ. Одинъ жалуется на болѣзнь сердца, что явилось слѣдствіемъ ревматической лихорадки, происшедшей отъ простуды, противъ которой своевременно не было принято никакихъ мѣръ; другой—на слабость зрѣнія, испорченнаго усиленными занятіями. Вчера намъ разсказывали, что кто-то охромѣлъ, вслѣдствіе того, что, не смотря на боль, которую чувствовалъ въ ушибленномъ колѣнѣ, не обращалъ на это никакого вниманія и продолжалъ ходить; сегодня мы слышимъ, что другой на нѣсколько лѣтъ обреченъ не вставать съ постели, вслѣдствіе своего незнанія, что сердцебіеніе, которымъ онъ страдалъ, происходило отъ усиленной мозговой работы. Другіе разсказываютъ о неизлѣчимомъ недугѣ одного человѣка, который любилъ хвастаться своей силой; также упоминаютъ о совершенно разстроенномъ организмѣ одного бѣдняка, ослабленнаго чрезмѣрной безполезной работой. Кромѣ того со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на раз-

ныя мелкія болѣзни, сопровождаемыя общею слабостью организма. Не говоря уже о страданіяхъ, скукѣ, мрачномъ изступленіи духа, о потерѣ времени и денегъ,—неизбѣжныхъ послѣдствій всякой болѣзни, нужно подумать и о томъ, какъ много плохое здоровье мѣшаетъ выполненію нашихъ обязанностей, такъ что всякое занятіе становится для насъ очень труднымъ и даже почти невозможнымъ; происходитъ раздраженіе нервовъ, что весьма дурно для воспитателей дѣтей, такъ какъ ихъ мрачное настроеніе дѣйствуетъ и на воспитанниковъ; кромѣ того разстройство нервовъ препятствуетъ также и выполненію гражданскихъ обязанностей и даже всякое удовольствіе обращаетъ въ непосильное бремя. Изъ этого ясно видно, что корни всѣхъ недуговъ — физическіе грѣхи, частью прародительскіе, частью наши собственные; они подтачиваютъ болѣе всего полную жизнь, обращая ее въ тяжелое время, тогда какъ она должна быть прекраснымъ даромъ и отрадою человѣка.

Но это еще не все. Подточенная такимъ образомъ жизнь быстро сокращается. Многіе крайне ошибаются, предполагая что человѣкъ, оправившись отъ тяжелой болѣзни, приходитъ опять въ прежнее состояніе. *) Нѣтъ, нарушенія нормальнаго теченія жизненныхъ функцій не проходитъ даромъ; оно всегда оставляетъ извѣстный слѣдъ въ организмѣ. Конечно, сначала мы не замѣчаемъ легкаго поврежденія здоровья, но тѣмъ не менѣе оно существуетъ въ соединеніи съ другими подобными недоимками, которыхъ никогда не прощаетъ строгая экономическая природа и отплачиваетъ намъ за нарушенія ея требованій сокращеніемъ нашихъ дней. Человѣческій организмъ, обыкновенно, расшатывается и преждевременно разрушается отъ скопленія мелкихъ поврежденій, и если мы примемъ въ соображеніе, насколько средняя цифра продолжительности жизни

---

*) Мнѣніе, дѣйствительно, весьма и весьма распространенное даже среди интеллигенціи.

Примѣч. переводч.

ниже возможной цифры продолжительности, то увидимъ, какъ велика потеря. Если приложить, къ безчисленнымъ частнымъ ущербамъ, которые происходятъ отъ дурного здоровья, эту громадную сумму потери, то окажется, что наша жизнь сокращается почти на половину.

Поэтому, изъ всего сказаннаго ясно видно, что знаніе, которое содѣйствуетъ непосредственному самосохраненію, въ то-же время предупреждаетъ потерю здоровья и потому это знаніе самой первой важности. Конечно, одно только это знаніе не можетъ служить радикальнымъ лекарствомъ отъ зла. Понятно, что при настоящемъ періодѣ цивилизаціи, иногда встрѣчается необходимость нарушить принципъ самосохраненія; очевидно также и то, что даже независимо отъ такой необходимости, собственныя слабости часто влекутъ человѣка, не смотря на его убѣжденія, къ тому, что онъ приноситъ въ жертву будущую выгоду настоящему наслажденію. Но мы все-же утверждаемъ, что *усвоенное правильнымъ путемъ истинное знаніе*, можетъ принести неоспоримую пользу. Въ заключеніе скажемъ, что хорошее здоровье и зависящій отъ него веселый нравъ—лучшіе задатки счастья, а поэтому и знаніе, поучающее насъ, какъ поддерживать въ себѣ эти элементы должно занимать первое мѣсто въ ряду всѣхъ человѣческихъ знаній. Въ виду этого, существенную потребность раціональнаго воспитанія представляетъ такой курсъ физіологіи, который могъ-бы дать намъ ясное понятіе объ ея общихъ истинахъ и объ ихъ отношеніи къ нашей обыденной жизни. Понятно, кажется крайне страннымъ, что все это приходится доказывать, но еще болѣе странно, что приходится даже и отстаивать свои доказательства; между тѣмъ найдутся люди, которые отнесутся съ насмѣшкой къ сдѣланному нами доказательству. Другой покраснѣетъ отъ стыда, если его поймаютъ въ неточномъ произношеніи имени Инфигеніи и оскорбится, если вы выразите недоумѣніе въ знаніи имъ какихъ -либо вымышленныхъ подвиговъ фантастическаго героя, но въ

то-же время онъ признается, нисколько не стыдясь, что не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ находятся евстафіевы трубы, въ чемъ заключается значеніе спиннаго хребта, какое должно быть нормальное біеніе пульса и какимъ образомъ сокращаются легкія. Родители усердно хлопочутъ о томъ, чтобы ихъ дѣти знали суевѣрныя преданія, существовавшія двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и нисколько не думаютъ о томъ, чтобы имъ дать понятіе о строеніи ихъ собственнаго тѣла и даже не желаютъ, чтобы ихъ этому учили. Вотъ до какой степени преобладаетъ въ дѣлѣ нашего воспитанія внѣшнія украшенія надъ пользой.

Обезпеченіе жизненныхъ потребностей. Нѣтъ необходимости доказывать, насколько цѣнны знанія, косвенно способствующія самосохраненію и въ то-же время облегчающія добываніе средствъ къ жизни. Всѣмъ давно извѣстно, что это составляетъ исключительную цѣль воспитанія; каждый готовъ себѣ усвоить отвлеченное понятіе, что обученіе, вырабатывающее въ молодежи способность къ дѣловой жизни не только очень важно, но даже и необходимо въ высшей степени; но едва-ли найдется человѣкъ, который пожелалъ-бы узнать, въ чемъ именно состоитъ обученіе, ведущее къ сказанной цѣли. Дѣйствительно, чтеніе, письмо и ариѳметика преподаются съ надлежащей оцѣнкой ихъ пользы, но этимъ почти все и ограничивается. Весь запасъ свѣдѣній, которыя пріобрѣтаются въ школахъ и училищахъ, не имѣетъ иногда никакого соотношенія съ промышленною дѣятельностью, тогда какъ масса другихъ познаній, которыя имѣютъ для нея значеніе, совершенно не принимается въ разсчетъ. *)

Но чѣмъ занята масса людей, за весьма немногими исключеніями? Они заняты производствомъ, приготовленіемъ и распредѣленіемъ продуктовъ. А отъ чего зависитъ успѣхъ всего

*) Когда почтенный авторъ писалъ свою книгу это былъ еще спорный вопросъ, теперь это—общее мнѣніе и вопросъ только въ томъ, какъ помочь злу. *Примѣч. переводч.*

этого? Отъ умѣнія пользоваться методами, приспособленными къ самой природѣ этихъ продуктовъ, а далѣе отъ знакомства съ ихъ физическими, химическими и жизненными началами, на случай, если въ этомъ встрѣтится надобность; словомъ, весь успѣхъ зависитъ отъ науки. Но этотъ разрядъ знаній, большею частью невошедшій въ курсы нашихъ школъ, составляетъ, такъ сказать, основу совершенія тѣхъ процессовъ, которые необходимы для цивилизованной жизни; но эту истину не замѣчаютъ, благодаря тому, что она слишкомъ обыденна. Чтобы придать должную вѣскость нашимъ аргументамъ, докажемъ эту истину бѣглымъ обзоромъ фактовъ.

Мы оставимъ въ сторонѣ самую отвлеченную изъ наукъ *логику*, руководствуясь которой, каждый крупный промышленникъ или производитель, завѣдомо, или незавѣдомо для себя, увеличиваетъ успѣхъ своихъ предпріятій,—мы перейдемъ прямо къ математическимъ наукамъ. Ихъ самый главный отдѣлъ, который исключительно занимается цифрами, служитъ руководствомъ при всевозможныхъ родахъ промышленной дѣятельности, приведенія въ извѣстность каждаго предпріятія, составленія смѣтъ, покупки и продажи продуктовъ, веденія счетныхъ книгъ. Доказывать далѣе важность этого отдѣла отвлеченныхъ знаній, нѣтъ никакой необходимости.

Важное значеніе геометріи. Нѣкоторое знакомство со спеціальнымъ отдѣломъ математики необходимо для всякой архитектуры. Какъ простой деревенскій плотникъ, работающій только на основаніи опыта, такъ и строитель Британскаго моста непремѣнно должны согласовать свою работу съ законами протяженій; землемѣръ, при измѣреніи купленной земли, архитекторъ, при выводѣ смѣтъ дома, который будетъ на ней строиться, подрядчикъ-строитель, при возведеніи фундамента этого дома, каменьщики, при обтесываньѣ камней, а также всѣ ремесленники, которые участвуютъ въ работѣ, руководствуются непремѣнно геометрическими истинами. Постройка желѣзныхъ дорогъ отъ начала до конца зиждется на геомет-

ріи. Точно также геометрія необходима при проэктированіи линіи, при ея провѣшиваніи, при измѣреніи рвовъ и насыпей, при сооруженіи мостовъ, подземныхъ водопроводовъ, тунелей, станцій и т. п. Она также имѣетъ важное значеніе при устройствѣ пристаней, доковъ, дамбъ и другихъ инженерныхъ и архитектурныхъ работъ, которыми усѣяны берега моря и рѣкъ въ Англіи и покрыта вся внутренность страны. То-же самое можно сказать и о безчисленныхъ подземныхъ копяхъ. Въ настоящее время даже фермеры для того, чтобы правильно положить дренажныя трубы для осушенія полей прибѣгаютъ къ ватерпасу, слѣдовательно, одному изъ орудій геометріи. *)

Значеніе механики. Теперь мы перейдемъ къ отвлеченно-конкретнымъ наукамъ. Весь успѣхъ современной мануфактуры зависитъ отъ примѣненія на практикѣ самой простой изъ этихъ наукъ—механики. Значеніе рычага, махового колеса, ворота и т. п. ясно обнаруживается при устройствѣ каждой машины, а въ настоящій вѣкъ мы обязаны всѣми произведеніями машинамъ. Земля, гдѣ было посѣяно зерно, осушалась трубами, которыя были вылиты на механическомъ заводѣ; земля была вспахана также машинами; пшеницу сжали, обмолотили и провѣяли также машинами; смололи ее и просѣяли также машинами; муку обратили-бы въ сухари также машинами, если-бы ее отправили въ Госпортъ. Теперь осмотрите комнату, въ которой вы сидите. Если домъ выстроенъ недавно, то кирпичи его стѣнъ выдѣланы машинами; точно также машинами напилены были доски, настланы полы, выпилена и отполирована полка камина, выдѣланы и набиты узорами обои на стѣнахъ; фанерки столовъ, точеныя ножки стульевъ, ковры, занавѣси—все это предметы машиннаго производства. Женская и мужская одежда изъ гладкихъ, узорчатыхъ или

*) Весьма странный взглядъ на геометрію. Это *отвлеченная* наука и никакихъ орудій имѣть не можетъ; иное дѣло прикладная математика,—она, пользуясь выводами чистой, сооружаетъ различнаго рода орудія. *Примѣч. переводч.*

набивныхъ матерій, не только выткана, но даже и сшита машинами. Возьмемъ для примѣра хотя какую-нибудь книгу: ея листы выдѣланы одной машиной, а содержаніе напечатано другой. Прибавимъ къ этому, что мы опять таки обязаны машинамъ возможностью развозить товары всюду, куда захотимъ, по морю и по сушѣ; наконецъ, замѣтимъ, что успѣхъ, или неуспѣхъ торговли рѣшительно зависитъ отъ умѣнья приложить знаніе механики къ дѣлу. Инжиперъ, дурно понимающій прочность и годность матеріаловъ построитъ такой мостъ, который скоро обрушится. Фабрикантъ, купившій дурныя машины, не можетъ конкурировать съ тѣмъ, у котораго машины хорошія, вполнѣ удовлетворяющія законамъ тренія и инерціи. Строитель кораблей, который придерживается старинныхъ образцовъ, будетъ затертъ конкурентомъ, который строитъ суда при строгомъ соблюденіи правилъ механики относительно волновой линіи. Способность націи отстаивать свое первенство передъ другими націями зависитъ отъ искусной дѣятельности отдѣльныхъ личностей; изъ этого можно вывести заключеніе, что тщательное изученіе механики можетъ имѣть вліяніе на судьбу государствъ. *)

Значеніе физики и химіи въ промышленности. Переходя изъ отдѣла отвлеченно-конкретныхъ наукъ, которыя занимаются вообще, силами къ отдѣлу, гдѣ разсматриваются частичныя силы, мы вступимъ во вторую обширную область знаній. Мы обязаны этимъ двумъ группамъ наукъ изобрѣтеніемъ паровой машины, которая замѣняетъ въ настоящее время милліоны рабочихъ рукъ. Физика, своими законами о

---

*) Разумѣется всѣ, приводимыя авторомъ, примѣры промышленныхъ примѣненій механики далеко не такъ широки въ Россіи, какъ въ Англіи, но въ силу этого, практическая механика имѣетъ еще бо́льшее государственное значеніе для насъ, ибо общественное признаніе ея важности дастъ намъ много шансовъ на возможность не отстать въ этомъ отношеніи отъ Англіи.

Примѣч. переводч.

теплотѣ, научила насъ, какъ оберегать топливо при разныхъ производствахъ, какъ увеличивать силу плавильникъ горновъ, увеличивая жаръ охлажденіемъ пара, какъ устраивать вентиляцію въ рудникахъ, какъ предупреждать тамъ взрывы посредствомъ предохранительныхъ лампъ особаго устройства, наконецъ, какъ, при помощи термометра, регулировать безчисленное множество другихъ процессовъ. Затѣмъ, физическіе законы о свѣтѣ сдѣлали зрячими стариковъ и близорукихъ; эти самые законы научили насъ открывать при пособіи микроскопа, неизвѣстныя причины болѣзней и разныхъ родовъ мошенническихъ поддѣлокъ; наконецъ, эти-же законы способствовали къ усовершенство ванію маяковъ, что спасло немало судовъ отъ крушеній. Изслѣдованія въ области электричества и магнетизма привели къ изобрѣтенію компаса, чѣмъ было спасено несмѣтное число живыхъ существъ отъ смерти и сохранены состоянія милліоновъ людей; открытіе электротипа замѣнило очень много искусствъ; наконецъ, изобрѣтеніе телеграфа явилось средствомъ, съ помощью котораго можно теперь быстро устраивать торговыя сдѣлки и вести политическіе переговоры.

Но еще болѣе разнообразно примѣненіе химіи къ разнымъ производствамъ. Бѣленіе, окраска и набивка матерій—все это требуетъ знакомства съ химіею и сообразованія съ ея законами. Съ помощью химіи также совершается отливка мѣди, олова, цинка, свинца, серебра, чугуна и проч. Рафинировка сахара, выдѣлка газа, варка мыла, производство пороха—все это болѣе или менѣе химическія операціи; также какъ и производство стекла и фарфора. Пивоваръ, который ведетъ торговлю въ обширныхъ размѣрахъ, всегда считаетъ выгодою держать при заводѣ химика. Въ наше время, едва-ли найдется, такое мануфактурное производство, гдѣ-бы химія не имѣла важнаго значенія. Для усиленія барышей отъ земледѣлія также необходимо руководствоваться химіею. Анализъ удобренія и почвы, изслѣдованіе ихъ относительныхъ примѣненій, употребленіе гипса и другихъ веществъ для сгущенія амміака, эксплоатація

окаменѣлостей, искусственныя удобренія—все это намъ дала химія и съ этимъ необходимо ознакомиться каждому фермеру. Словомъ, куда-бы мы ни обратили взоры,—сѣрныя спички, дезинфекція сточныхъ трубъ, фотографія, паровое печеніе хлѣба, духи, получаемые изъ нечистотъ, — все это успѣхи химіи и потому её необходимо изучить каждому, кто принимаетъ прямое или косвенное участіе въ производствахъ промышленности.

Значеніе астрономіи и геологіи. Изъ конкретныхъ наукъ мы прежде всего назовемъ *астрономію.* Искусство мореплаванія возникло благодаря этой наукѣ; а оно дало возможность Англіи вести обширную иностранную торговлю, чѣмъ поддерживается существованіе большинства населенія страны. *) Эта-же самая торговля снабжаетъ Англію, не только всѣми необходимыми товарами, но даже и предметами роскоши.

Изученіе *геологіи* также много способствуетъ успѣху промышленности. Теперь, когда уже всѣмъ стало извѣстно, что желѣзныя руды составляютъ богатый источникъ государственныхъ доходовъ въ Англіи, то начали обращать большое вниманіе на вопросъ о томъ, сколько времени могутъ продолжать свое существованіе каменно-угольныя копи и въ Англіи основано даже училище для рудокоповъ и организовано геологическое инспекторское вѣдомство. Изъ этого ясно видно, что изученіе земной коры весьма важно для нашего матеріальнаго благосостоянія.

Значеніе біологіи и соціологіи. Не имѣетъ-ли вліянія на

---

*) Звѣзды, какъ извѣстно, служили до изобрѣтенія компаса единственными точками оріентированія на морѣ. Но въ наше время этотъ способъ оріентированія для моряковъ потерялъ всякое значеніе, да и нельзя подъ астрономіей разумѣть то краткое знакомство съ картою неба, которое требуется для этого оріентированія. Вобще, надо сознаться, доказательства значенія астрономіи, приводимыя почтеннымъ авторомъ, шатки и странны.

Примѣч. переводч.

процессы косвеннаго самосохраненія также и наука о жизни—*біологія?* Конечно, она мало имѣетъ отношенія къ тому, что мы называемъ фабричнымъ производствомъ, но взамѣнъ этого она неразрывно связана съ необходимымъ для всего человѣчества употребленіемъ пищи. Такъ какъ земледѣліе должно приноравливать всѣ свои методы къ явленіямъ растительной и животной жизни, то понятно, что изученіе этихъ явленій должно служить его главною основою. Фермеры приняли множество біологическихъ истинъ и примѣняютъ ихъ на практикѣ, чисто вслѣдствіе опыта, безъ всякихъ научныхъ разсужденій. Напримѣръ, они твердо знаютъ, что такое-то удобреніе годится для такихъ-то растеній, что такой-то хлѣбъ можетъ истощить почву и сдѣлать ее негодною подъ другіе посѣвы; что лошади на дурномъ корму плохо работаютъ; что такія-то и такія-то болѣзни скота проявляются при такихъ -то условіяхъ. Вотъ все, что составляетъ запасъ біологическихъ свѣдѣній всякаго земледѣльца, основанный на опытѣ и чѣмъ богаче этотъ запасъ, тѣмъ вѣроятнѣе успѣхъ. Если-же такія отрывочныя свѣдѣнія оказываютъ существенную пользу земледѣльцу, то насколько могутъ быть важны для него положительныя, опредѣленныя и обширныя научныя свѣдѣнія? Даже на каждомъ сельскомъ хозяйствѣ видно и теперь благодѣтельное вліяніе раціональной біологіи. Истина, что чѣмъ холоднѣе животному, тѣмъ болѣе оно потребляетъ пищи, и что для избѣжанія лишней траты корма нужно держать скотъ въ теплѣ—выводъ совершенно теоретическій—послужили началомъ искусству откармливанія скота; теперь уже всѣмъ извѣстно, что можно сберечь кормъ, если держать скотъ въ теплыхъ хлѣвахъ и конюшняхъ. То-же самое можно сказать и относительно разнообразія пищи. Физіологи доказали опытами, что не только полезно, время отъ времени, измѣнять діэту, но что пищеваренiе много облегчается примѣсью различныхъ приправъ въ кушанье. Біологія оказала еще одну огромную услугу сельскому хозяйству, именно: съ ея помощью

открыто, что болѣзнь скота извѣстная подъ именемъ „вертуна", отъ которой ежегодно падали тысячи овецъ, причиняется энтозооном; это червь, давящій на мозгъ животнаго и овцы немедленно выздоравливали послѣ извлеченія этого червя изъ размягченной части черепа, указывающей мѣсто, гдѣ онъ находится.

Мы должны упомянуть еще объ одной наукѣ, потому что она имѣетъ прямое вліяніе на успѣхи промышленности. Такая наука называется *соціологіею*. Люди, наводящіе ежедневно справки о положеніи денежнаго рынка, слѣдящіе за биржевымъ курсомъ, разсуждающіе о вѣроятныхъ сборахъ хлѣба, хлопка, сахара, шерсти, шелка, взвѣшивающіе шансы войны и рѣшающіе свои торговыя операціи,—всѣ эти люди изучаютъ соціологію. Весьма понятно, что многіе изъ нихъ не болѣе, какъ эмпирики и потому нерѣдко дѣлаютъ ошибки, а если получаютъ барыши, или убытки, то это является слѣдствіемъ того правильно, или неправильно они отнеслись къ тому или другому факту. Не только крупные фабриканты и купцы должны сообразоваться съ будущимъ спросомъ и предложеніемъ, основывая свои разсчеты на многочисленныхъ фактахъ и подчиняться общимъ правиламъ соціологіи, но даже и мелочной торговецъ обязанъ поступать точно такъ-же; благосостояніе почти вполнѣ зависитъ отъ правильнаго сужденія о предстоящихъ оптовыхъ цѣнахъ и количествѣ потребленія.

Для того-же, кто занимается производствомъ, мѣною или разсылкою товаровъ, также необходимо знакомство съ наукой или съ которымъ-либо изъ ея отдѣловъ. Каждому человѣку, имѣющему, какое-либо отношеніе къ одной изъ отраслей промышленности (исключеній можетъ быть очень мало) приходится имѣть дѣло съ математическими, физическими и химическими свойствами предметовъ; такой человѣкъ можетъ быть прямо заинтересованъ біологіею, и соціологіей непремѣнно. Его успѣхи, или неудачи въ дѣлѣ косвеннаго самосохраненія т. е. въ пріобрѣтеніи достаточныхъ средствъ къ жизни, въ

высшей степени зависятъ отъ его знанія одной или нѣсколькихъ наукъ, знанія хотя не раціональнаго, а эмпирическаго, но все-же знанія. Выраженіе,—изучить дѣло, означаетъ, въ сущности, изучить науку, относящуюся къ этому дѣлу, хотя-бы и не подъ именемъ науки.

Изъ этого ясно, что научное образованіе подготовляетъ человѣка ко всему вышеупомянутому и доказываетъ, насколько раціональное знаніе выше эмпирическаго.

Кромѣ того, научное образованіе необходимо каждому для пониманія того, какъ и для чего существуютъ извѣстные предметы, къ которымъ онъ имѣетъ прямое отношеніе въ качествѣ производителя или потребителя, но чаще всего, для него бываетъ очень важно знать, какъ и для чего существуютъ разные другіе предметы и процессы. Въ нашъ вѣкъ акціонерныхъ предпріятій, почти каждый человѣкъ, за исключеніемъ земледѣльцевъ,—кромѣ своихъ личныхъ дѣлъ, заинтересованъ, какъ капиталистъ въ томъ или другомъ предпріятіи; но если онъ въ этомъ заинтересованъ, то ему необходимо запастись и нѣкоторыми свѣдѣніями по части наукъ, которыя имѣютъ вліяніе на эти предпріятія. Приведемъ слѣдующіе примѣры. На эксплоатаціи одной копи нѣсколько акціонерныхъ обществъ разорились до-чиста, такъ какъ ни одинъ изъ членовъ не зналъ, что подъ породами краснаго песчаника никогда не встрѣчается залежей каменнаго угля. Сколько было потрачено усилій для постройки электро-магнитныхъ машинъ, въ надеждѣ замѣнить ими паръ; но если-бы капиталисты, которые пожертвовали на эти опыты деньги, имѣли-бы понятіе объ основномъ законѣ соотношенія и равновѣсія силъ, тысячи капитала не пропали-бы даромъ. Врядъ-ли найдется мѣстность, гдѣ не было-бы своей исторіи о погибшихъ состояніяхъ, которыя бросились на вѣтеръ для осуществленія невозможныхъ проэктовъ.

Подобныя ошибки въ разсчетахъ будутъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока люди не перестанутъ относиться съ пре-

бреженіемъ къ наукѣ. Когда процессы производствъ станутъ болѣе научными—это неизбѣжно при увеличеніи конкуренціи,—когда акціонерныя общества еще болѣе разовьютъ свою дѣятельность,—а это несомѣнно—то для каждаго изъ насъ увеличится потребность въ научныхъ знаніяхъ.

То знаніе, которое вовсе не принимается въ разсчетъ въ нашихъ учебныхъ курсахъ, оказывается въ самой тѣсной связи съ нашими житейскими дѣлами. Наша промышленность совершенно пресѣклась-бы, если-бы люди по окончаніи курса своего воспитанія,—какъ это у насъ принято выражаться—не старались-бы пріобрѣтать для нея необходимыхъ познаній; мало того, промышленность совершенно перестала-бы существовать, если-бы эти знанія не накоплялись-бы изъ столѣтія въ столѣтіе и не распространялись-бы неоффиціальнымъ путемъ. Если-бы въ Англіи не существовало-бы другого рода обученія, кромѣ того, которое преподается въ общественныхъ школахъ, то она осталась-бы и теперь такою, какою была въ феодальныя времена. Но быстро возрастающее ознакомленіе съ законами явленій, которое въ теченіе многихъ вѣковъ, научило насъ, какъ подчинять природу нашимъ потребностямъ и, въ настоящее время, дало возможность простому рабочему пользоваться такими удобствами, которыя триста лѣтъ тому назадъ не были знакомы даже и королямъ,—все это далеко не можетъ считаться слѣдствіемъ установленнаго въ школахъ метода обученія юношества.

Наука жизни, благодаря которой англійская нація достигла того, что она теперь и которая служитъ основаніемъ нашему существованію, эта наука усвоивается человѣкомъ въ углахъ и закоулкахъ, тогда какъ въ установленныхъ обществомъ учрежденіяхъ для обученія юношества, большею частью пережовываются только мертвыя формулы. *)

*) Это одно изъ этихъ многочисленныхъ обличеній авторомъ современныхъ школъ въ совершенной неприспособленности ихъ программъ къ требованіямъ практической жизни. Относительно нашихъ,

Подготовка къ родительскимъ обязанностямъ. Наконецъ, мы дошли теперь до третьяго важнаго отдѣла человѣческой дѣятельности, но, къ сожалѣнію, къ этому отдѣлу никто никогда не подготовляется. Если-бы по какому либо странному случаю нашему будущему отдаленному потомству не осталось-бы отъ насъ въ наслѣдство ничего кромѣ груды учебниковъ и бумагъ педагогическаго совѣта, — то представляемъ себѣ, какъ-бы былъ пораженъ какой-нибудь антикварій той эпохи, не найдя въ немъ ни малѣйшаго указанія на то, что учащіеся могли-бы сдѣлаться когда-нибудь родителями. „Этотъ курсъ обученія, вѣроятно, предназначается для безбрачныхъ", порѣшилъ-бы онъ, нисколько не задумываясь. „Я замѣчаю здѣсь тщательную подготовку къ изученію различныхъ предметовъ, въ особенности къ чтенію книгъ вымершихъ и современныхъ націй, кромѣ своей собственной (изъ чего я заключаю, что у этого народа было весьма мало хорошихъ литературныхъ произведеній на отечественномъ языкѣ), но я не нашелъ нигдѣ даже намека на то, какъ слѣдуетъ воспитывать дѣтей. Неужели они были такъ безразсудны, что исключали изъ программы учебнаго курса все то, что касается къ подготовкѣ этой самой важной изъ всѣхъ человѣческихъ обязанностей? Весьма ясно, что это составляетъ элементарный курсъ для какого-нибудь монашескаго ордена." *)

Въ самомъ дѣлѣ, не удивителенъ-ли тотъ фактъ, что ни одного слова наставленія, какъ слѣдуетъ обращаться съ

русскихъ, школъ эти обличенія еще болѣе справедливы: правда, въ послѣдніе годы и у насъ появляются, по мысли Г-на Вышнеградскаго, промышленныя, профессіональныя и т. д. школы, а также реальныя училища преобразованы въ томъ-же духѣ, но это еще только одинъ шагъ впередъ къ раціональной постановкѣ образованія.

Примѣч. переводч.

*) Эта ѣдкая насмѣшка надъ современными общественными идолами опять-таки еще болѣе справедлива по отношенію къ русскому обществу, чѣмъ къ англійскому.

Примѣч. переводч.

дѣтьми не прочтутъ и не услышатъ тѣ, у которыхъ они будутъ рано или поздно? Не уродство-ли это, что судьба молодого поколѣнія приносится въ жертву обычаямъ, привычкамъ, фантазіямъ, а также внушеніямъ необразованныхъ нянекъ и, полнымъ предразсудковъ, совѣтамъ бабушекъ? Если-бы какой-либо купецъ сталъ-бы вести серьезное торговое дѣло безъ малѣйшаго понятія объ ариѳметикѣ и бухгалтеріи, то мы удивились-бы его безразсудству и ждали-бы роковыхъ послѣдствій такого легкомыслія. Или, если-бы другой, не зная анатоміи, взялся-бы за хирургическія операціи, то мы пожалѣли-бы его паціентовъ. Но когда родители приступаютъ къ такому трудному дѣлу, какъ воспитаніе дѣтей, и никогда не подумаютъ о физическихъ, нравственныхъ и умственныхъ началахъ, которыми имъ слѣдовало-бы руководиться, то мы нисколько не удивляемся и не жалѣемъ будущихъ жертвъ. *)

Если присоединить къ десяткамъ тысячъ уморенныхъ дѣтей сотни тысячъ, пережившихъ младенческій возрастъ, но тщедушныхъ и слабыхъ, а затѣмъ милліоны доживающихъ до зрѣлыхъ лѣтъ, но далеко не съ такимъ крѣпкимъ сложеніемъ, какое имъ слѣдовало-бы имѣть, — тогда получится нѣкоторое понятіе о томъ вредѣ, который наносятъ родители своему потомству незнаніемъ законовъ жизни. Подумайте только, что діэтетика, на которую обрекаютъ дѣтей, вліяетъ на ихъ организмъ и нравственность, ко вреду или къ пользѣ ихъ послѣдующей жизни, что изъ 20 способовъ, примѣняемыхъ

*) Многіе родители считаютъ вполнѣ достаточнымъ воспитывать своихъ дѣтей такъ, какъ воспитывали ихъ самихъ; выросли, дескать, мы сами съ такимъ воспитаніемъ и, слава Богу, стали людьми. Иные вводятъ нѣкоторыя поправки, сообразуясь съ личными взглядами и пресловутымъ „духомъ времени". Но найдутся и такіе, которые воспитываютъ своихъ дѣтей по Фребелю, Песталоцци и инымъ менѣе прославленнымъ, хитроумнымъ мудрецамъ, основные-же принципы психологіи рѣдко кто изъ родителей считалъ необходимымъ изучать, а тѣмъ болѣе выводить отсюда раціональную систему воспитанія.

Примѣч. переводч.

къ дѣлу, едва-ли найдется хотя одинъ правильный,—и вы убѣдитесь въ томъ громадномъ вредѣ, который наноситъ безсмысленная, рискованная система воспитанія.

Ради моды мальчиковъ одѣваютъ въ легкія короткія платьица и позволяютъ имъ бѣгать съ посинѣвшими отъ холода членами; конечно, это отзывается на всей будущей жизни ребенка или въ безпрестанныхъ болѣзняхъ или въ остановкѣ роста, или въ недостаткѣ энергіи или въ слабомъ развитіи организма,—словомъ, во всевозможныхъ преградахъ къ успѣху въ жизни и счастью. Если дѣтей подвергаютъ или слишкомъ однообразной діэтѣ, или кормятъ слишкомъ недостаточно питательной пищей, то ихъ физическія силы слишкомъ слабѣютъ и періодъ возмужалости, какъ для дѣвочекъ, такъ и для мальчиковъ наступаетъ слишкомъ поздно. Если дѣтямъ запрещаютъ шумныя игры, или-же изъ опасенія простуды (что весьма понятно, такъ какъ они худо одѣты) не выпускаютъ ихъ на воздухъ въ холодную погоду, то, конечно, дѣти никогда не достигнутъ той степени силы, которой они достигли-бы при другихъ условіяхъ. Родители обыкновенно считаютъ, что если у насъ болѣзненныя дѣти, то это несчастье, наказаніе Божіе, а между тѣмъ корень этого зла кроется въ безтолковомъ воспитаніи. Всего чаще отвѣтственность за недуги дѣтей всецѣло падаетъ на родителей, такъ какъ на нихъ всецѣло лежитъ обязанность наблюдать за жизнью своего потомства, но они съ непростительною безпечностью пренебрегали изученіемъ тѣхъ жизненныхъ процессовъ, на которые сами оказываютъ вліяніе своими приказаніями и запрещеніями. Вслѣдствіе своего полнаго невѣжества относительно самыхъ простыхъ физіологическихъ законовъ, родители изъ года въ годъ, подтачивали организмъ своихъ дѣтей и, такимъ образомъ сами сдѣлались причиной болѣзней и преждевременной смерти не только своихъ дѣтей, но и цѣлаго поколѣнія.

Послѣдствія невѣжества родителей. Точно такое-же невѣжество родителей и пагубныя послѣдствія отъ него являются

и при нравственномъ воспитаніи. Взгляните на молодую мать и послушайте, какіе законы она предписываетъ въ дѣтской. Немного лѣтъ тому назадъ она сама сидѣла на школьной скамьѣ и набивала себѣ голову словами, именами и числами; ея мыслительныя способности почти совершенно не упражнялись; она не получила ни малѣйшаго понятія о методахъ обращенія съ пробуждающимся умомъ младенца, а школьная дисциплина нисколько не пріучила её къ пріобрѣтенію своего собственнаго метода. Послѣдующіе за школою годы дѣвушка посвящала музыкѣ, вышиванью, чтенію романовъ и выѣздамъ; ей никогда не приходила въ голову мысль обдумать важную отвѣтственность, которая лежитъ на матери и, весьма понятно, что она не могла пріобрѣсти ни одного изъ тѣхъ прочныхъ разумныхъ познаній, которыя служили-бы подготовкой къ этой отвѣтственности. Эта молодая женщина, еще не вполнѣ сложившаяся характеромъ, выполняя свои обязанности, не понимаетъ даже вовсе всѣхъ явленій, которыя совершаются на ея глазахъ, она принимается за дѣло, трудное даже для людей съ бо̀льшею опытностью, чѣмъ она. Эта женщина никогда ничего не слыхала о свойствахъ движеній души, о порядкѣ ихъ развитія, объ ихъ назначеніи, она не знаетъ, гдѣ кончается польза и гдѣ начинается вредъ. Она взяла себѣ за правило, что такія-то чувства положительно дурны,—что совершенно невѣрно,—а другія должны быть абсолютно хороши, чего также нельзя сказать; далѣе, она не имѣетъ никакого понятія объ организмѣ, съ которымъ ей придется имѣть дѣло, она положительно не знаетъ, какъ съ нимъ обращаться. Конечно, при такихъ условіяхъ нѣтъ никакой возможности избѣжать тѣхъ пагубныхъ послѣдствій, которыя намъ приходится встрѣчать на каждомъ шагу. Недостатокъ свѣдѣній относительно умственныхъ явленій съ ихъ причинами и послѣдствіями дѣлаетъ вмѣшательство молодой и неопытной матери въ воспитаніе ребенка болѣе вреднымъ, чѣмъ ея вполнѣ равнодушное отношеніе къ этому дѣлу. Такая мать при постоянномъ противодѣйствіи то

тому, то другому проявленію жизненной силы въ ребенкѣ, иногда совершенно нормальному и благонравному, лишаетъ его удовольствіи и пользы, портитъ его характеръ, отчуждая отъ себя ребенка; желая заставить его исполнить то, что по ея понятію необходимо, она прибѣгаетъ то къ угрозамъ, то къ ласкамъ, или подаркамъ, съ цѣлью подкупить его или возбудить въ немъ желаніе понравиться постороннимъ. Молодая мать совершенно забываетъ, что внутреннія побужденія ребенка въ это время, могутъ итти въ разрѣзъ съ его наружнымъ поведеніемъ; но ей вовсе нѣтъ до этого дѣла, лишь-бы ребенокъ вполнѣ отвѣчалъ внѣшнимъ условіямъ приличія; слѣдовательно, она сама развиваетъ въ немъ двуличность, страхъ, эгоизмъ, вмѣсто хорошихъ чувствъ. Требуя отъ ребенка, чтобы онъ всегда говорилъ правду, она сама пріучаетъ его къ противоположному, когда угрожаетъ ему наказаніями, не приводя ихъ въ исполненіе. Молодая мать каждый день твердитъ дѣтямъ, что они сами должны смотрѣть за собой, а между тѣмъ, когда она на короткое время появляется въ дѣтской, то кричитъ и сердится за такіе поступки, которые вовсе этого не заслуживаютъ. Она и не догадывается, что въ жизни, какъ и въ дѣтской дѣйствительна только та дисциплина, которая на самомъ дѣлѣ настолько благотворна, что хорошее и дурное поведеніе вызываетъ естественныя послѣдствія—пріятныя или прискорбныя, смотря по тому, изъ какого рода дѣйствій они проистекаютъ. Находясь, такимъ образомъ, безъ всякой теоретической поддержки и, не имѣя способности руководить своими собственными поступками, на основаніи наблюденій надъ умственнымъ процессомъ, который происходитъ въ дѣтяхъ, молодая мать теряетъ всякое значеніе въ своемъ небольшомъ царствѣ; всѣ ея распоряженія являются какими-то порывистыми, непослѣдовательными, иногда даже прямо вредными и могли-бы сдѣлаться пагубными, если-бы въ природѣ не существовало-бы неудержимаго стремленія каждаго развивающагося ума подчинить себѣ всѣ болѣе слабыя вліянія.

Наставникамъ необходимо руководствоваться психологіею. А развѣ не портятъ умственнаго воспитанія дѣтей? Извѣстно, что всѣ проявленія ума, не исключая и его развитія въ ребенкѣ, подчинены законамъ, слѣдовательно, нельзя правильно руководить воспитаніемъ дѣтей, безъ знанія этихъ законовъ. Со стороны воспитателей было-бы странно предполагать, что они могутъ надлежащимъ образомъ регулировать процессъ зарожденія и накопленія понятій въ дѣтскомъ мозгу, если сами они не понимаютъ сущности этого процесса. Какая громадная разница между существующимъ методомъ преподаванія и тѣмъ, который долженъ былъ-бы существовать, когда почти никто изъ родителей и очень немногіе изъ наставниковъ знакомы съ психологіею. Принятая система обученія дѣтей, какъ и слѣдовало ожидать, крайне ошибочна, какъ по своему содержанію, такъ и по своимъ пріемамъ; полезный отдѣлъ знаній устраненъ, а безполезный навязываютъ дѣтямъ и притомъ самымъ ошибочнымъ путемъ. Вслѣдствіе идеи,—принятой всѣми,—что знанія должны почерпываться изъ книгъ, родители къ большему вреду для своихъ дѣтей, слишкомъ рано даютъ имъ въ руки азбуку. Не признавая истины, что книги должны служить только дополнительнымъ пособіемъ или, лучше сказать, косвеннымъ средствомъ для обученія, когда оказывается недостатокъ въ прямыхъ,—средствомъ смотрѣть на все чужими глазами, а свои закрывать,—наставники спѣшатъ набивать головы дѣтей второстепенными фактами, вмѣсто главныхъ. Они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о значеніи самопроизвольнаго обученія, которое начинается съ самаго ранняго возраста; они вовсе не знаютъ, что вмѣсто того, чтобъ пропускать безъ вниманія неутомимую наблюдательность ребенка и бранить его за безпрестанныя вопросы: что? какъ? почему?—слѣдуетъ, напротивъ того, поощрять эту любознательность, давать ей правильное направленіе и удовлетворять ее по мѣрѣ возможности. Наставники стараются занимать глаза и мысли дѣтей такими предмета-

ми, которые для нихъ вовсе непонятны въ такой раннiй перiодъ жизни; поклонники *символовъ знанiя*, а не *самаго знанiя*, *) они вовсе не сознаютъ, что ребенка тогда только можно знакомить съ новыми источниками свѣдѣнiй, которыя черпаются изъ книгъ, когда онъ достаточно освоится съ предметами и процессами явленiй, которыя встрѣчаются ему въ домашней жизни, на улицахъ, въ поляхъ и т. д. и это не вслѣдствiе того только, что непосредственныя знанiя стоятъ выше полученныхъ косвенно, а также и потому, что все написанное въ книгахъ усвоивается ребенкомъ лишь сообразно съ запасомъ полученныхъ имъ предварительныхъ свѣдѣнiй, взятыхъ имъ изъ практической жизни. Кромѣ того, подобное формальное обученiе, слишкомъ рано начатое, продолжается почти безъ всякаго сообразованiя съ законами умственнаго развитiя. Путь умственнаго прогресса необходимо слѣдуетъ начинать съ конкретныхъ наукъ и заканчивать абстрактными, а между тѣмъ, такому отвлеченному предмету, какъ грамматика, которую слѣдовало-бы преподавать много позднѣе, обучаютъ дѣтей съ самыхъ раннихъ лѣтъ; почти въ это-же время ихъ обучаютъ и политической географiи, тогда какъ это мертвый, неинтересный для ребенка предметъ, который скорѣе составляетъ дополненiе къ соцiологiи, а между тѣмъ чаще всего обходятъ физическую географiю,—болѣе понятный для ребенка предметъ. Почти всѣ преподаваемые предметы расположены въ неестественномъ порядкѣ; прежде всего хотятъ дать понятiе дѣтямъ о значенiи словъ, о различныхъ правилахъ, принципахъ, вмѣсто того, чтобы прiучить ихъ самихъ дѣлать выводы изъ разнообразныхъ явленiй природы, какъ мы это видимъ въ самомъ порядкѣ природы. Но хуже все-

*) Различiе между *символами* знанiя и *самымъ* знанiемъ весьма существенно, но почему-то ускользаетъ отъ вниманiя многихъ; и сколько промаховъ, ошибокъ и недоразумѣнiй возникаетъ, въ особенности въ дѣлѣ воспитанiя, единственно изъ-за смѣшенiя этихъ понятiй! *Примѣч. переводч.*

го—это вредная рутина заучиванья наизусть, гдѣ разумъ приносится въ жертву мертвой буквѣ. Но каковы и результаты: отъ того-ли, что понятія дѣтей неестественно притупляются отъ долгаго сидѣнья за книгами, отъ неправильнаго-ли мышленія, вызваннаго изученіемъ предметовъ прежде, чѣмъ ребенокъ въ состояніи ихъ понимать и представленіемъ обобщеній прежде фактовъ, отъ которыхъ онѣ происходятъ; отъ того-ли, что учениковъ и ученицъ принуждаютъ пассивно воспринимать чужія идеи, нисколько не пріучая ихъ къ любознательности и самодѣятельности, отъ того-ли, наконецъ, что способности дѣтей чрезмѣрно напрягаются,—только по выходѣ изъ учебныхъ заведеній, немногіе изъ воспитанниковъ обладаютъ той силой ума, которой можно было-бы отъ нихъ требовать. По окончаніи экзаменовъ книги откладываются въ сторону; большая часть пріобрѣтенныхъ свѣдѣній совершенно испаряется изъ памяти, благодаря безпорядочности, съ которой они усвоивались и остается одинъ мертвый капиталъ, такъ какъ искусство принимать знанія на практикѣ не преподавалось въ школѣ, а личная способность точнаго наблюденія, точно такъ-же, какъ и независимое мышленіе крайне мало развиты. Прибавимъ ко всему этому, что большая часть свѣдѣній, которыя получаются въ школѣ, имѣетъ, относительно, очень мало цѣны, тогда какъ ихъ обширная масса, несравненно болѣе цѣнная по своему значенію, оставляется безъ всякаго вниманія.

Значеніе теоріи воспитанія. Намъ слѣдовало-бы начать съ выясненныхъ теперь фактовъ, что физическое, умственное и нравственное воспитаніе нашихъ дѣтей неудовлетворительно въ высшей степени. Въ большинствѣ случаевъ въ этомъ виноваты сами родители, которые не обладаютъ тѣми знаніями, посредствомъ которыхъ можно правильно руководить дѣтьми. Чего можно ожидать отъ людей, которые берутся рѣшать одну изъ самыхъ сложныхъ проблеммъ, не имѣя при этомъ никакого понятія о правилахъ, отъ которыхъ зависитъ это

рѣшеніе? Для того, чтобы умѣть шить башмаки, строить дома, управлять кораблемъ, или локомотивомъ необходимо долго учиться. Неужели-же процессъ умственнаго и физическаго развитія человѣка такая простая вещь, что можно безъ всякой подготовки слѣдить за нимъ и направлять его? А если этотъ процессъ сложнѣе всѣхъ прочихъ процессовъ въ природѣ и задача управлять имъ невыразимо трудна, то не безразсудство-ли браться за исполненіе такой задачи безъ предварительной къ ней подготовки? Когда отецъ, дѣйствуя на основаніи ложныхъ принциповъ, принятыхъ имъ безъ всякаго разсужденія, возстановляетъ противъ себя сыновей, озлобляя ихъ жестокимъ обращеніемъ, разоряетъ ихъ и черезъ это самъ дѣлается несчастнымъ, то ему слѣдуетъ напомнить, что изученіе *этологіи*, или науки о поведеніи и правахъ, скорѣе пригодилось-бы ему, чѣмъ знаніе исторіи Эсхилла. Когда мать оплакиваетъ своего первенца, умершаго отъ скарлатины и врачъ подтвердитъ ея догадку, что мальчикъ могъ-бы выздоровѣть, если-бы его организмъ не былъ-бы такъ истощенъ школьными занятіями, то для нея едва-ли будетъ служить утѣшеніемъ то, что она можетъ читать Данте въ оригиналѣ.

Изъ этого ясно видно, что для управленія третьимъ, большимъ отдѣломъ человѣческой дѣятельности *) необходимо знаніе законовъ жизни. Нѣкоторое знакомство съ главными принципами физіологіи и элементарными истинами психологіи очень важно для правильнаго воспитанія дѣтей. Пожалуй, многіе прочтутъ подобное заявленіе съ улыбкой; имъ покажется абсурдомъ заставлять родителей изучать такіе мудреные предметы; дѣйствительно, съ нашей стороны было-бы явнымъ абсурдомъ, если-бы мы потребовали, чтобы всѣ отцы и матери обладали обширными свѣдѣніями по этой части; но тутъ дѣло идетъ объ общихъ принципахъ въ соединеніи съ такими объясненіями, которыя могли-бы дать родителямъ точныя по-

*) Т. е. воспитаніемъ и обученіемъ потомства. См. стр. 12 и 3.
Примѣч. переводч

нятія о предметѣ, вотъ все, что и требуется; этому они могли-бы научиться, если не раціональнымъ, то догматическимъ путемъ. Какъ-бы то ни было, но слѣдующіе факты неоспоримы: умственное и физическое развитіе дѣтей подчиняется извѣстнымъ законамъ и если родители хотя нѣсколько отступаютъ отъ этихъ законовъ, то смерть ребенка неизбѣжна; если родители желаютъ избавить своихъ дѣтей отъ серьезныхъ умственныхъ и физическихъ недостатковъ, то должны строго подчиняться всѣмъ правиламъ этихъ законовъ; достиженіе совершенной зрѣлости возможно для ребенка только при полномъ соблюденіи всего того, что предписывается этими законами. Теперь подумайте: не должны ли тѣ, которые надѣются современемъ сдѣлаться отцемъ или матерью, стремиться узнать, въ чемъ именно заключаются эти законы?

Подготовка къ роли гражданина. Теперь отъ обязанностей родителей перейдемъ къ обязанностямъ гражданина; но слѣдуетъ сначала опредѣлить, что именно необходимо знать человѣку, чтобы онъ былъ подготовленъ къ выполненію этихъ обязанностей. Нельзя сказать, чтобы необходимыя для гражданина знанія оставались у насъ неудовлетворительными; въ программу курсовъ нашихъ школъ входятъ нѣсколько наукъ, которыя номинально имѣютъ отношеніе къ выполненію политическихъ и соціальныхъ обязанностей. Наиболѣе видное мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаетъ исторія.

Безполезность исторіи въ томъ видѣ, какъ она преподается въ нашихъ школахъ. Мы сказали, что свѣдѣнія, которыя получаются дѣтьми подъ видомъ исторіи, не имѣютъ никакого значенія въ смыслѣ руководства *). Едва-ли какой-либо изъ фактовъ изложенныхъ въ нашихъ школьныхъ учебникахъ и весьма немногіе, напечатанные въ болѣе пространныхъ сочиненіяхъ для взрослыхъ объясняютъ дѣйствительныя причины политическихъ событій. Мы, напримѣръ, читаемъ о какомъ-либо спорѣ

*) См. стр. 16 и примѣч. **
Примѣч. переводч.

изъ-за власти, окончившемся битвой; авторъ называетъ полководцевъ, принимавшихъ участіе въ этой битвѣ, разсказываетъ, сколько у сражающихся было пѣхоты, кавалеріи, орудій, описываетъ, какъ были расположены войска, какъ онѣ маневрировали, какъ атаковали непріятеля на одномъ пунктѣ и отступили на другомъ; какъ въ такую-то часть дня они понесли такое-то пораженіе, а въ другую — одержали такую-то побѣду; какъ при одномъ особенномъ движеніи былъ убитъ такой-то военачальникъ, а при другомъ — изрубили цѣлый полкъ, такого-то названія; какъ послѣ долгихъ колебаній успѣха, побѣда была одержана той или другой арміей; убитыми и ранеными обѣ стороны потеряли столько-то, и побѣдители взяли въ плѣнъ столько-то. Теперь подумайте, изъ этой массы подробностей, которыя составляютъ сущность историческаго разсказа, есть-ли хотя одна какая-либо подробность, которая имѣла бы вліяніе на образъ мыслей читателя, какъ гражданина? Положимъ, что вы прочитали не только сочиненіе „пятнадцать міровыхъ рѣшительныхъ битвъ", но и описаніе всѣхъ прочихъ сраженій и битвъ, о которыхъ говорится въ исторіи, то развѣ подобное знаніе научило-бы васъ, какъ благоразумнѣе подать вамъ голосъ на ближайшихъ выборахъ? Но вѣдь все это интересные факты, возразите вы. Безъ всякаго сомнѣнія (хотя многіе изъ нихъ и вымышлены), для нѣкоторыхъ они могутъ быть очень интересными фактами, но все-же это не есть доказательство насущной пользы подобныхъ свѣдѣній.

Ложное или извращенное мнѣніе часто придаетъ кажущуюся цѣнность предметамъ, которые этого нисколько не заслуживаютъ. Маніакъ-цвѣтоводъ не продаетъ своей любимой тюльпановой луковицы даже на вѣсъ золота. Для любителя древностей составляетъ большое счастье обладать безобразнымъ черепкомъ стараго китайскаго фарфора. Находятся даже люди, которыя платятъ громадныя деньги за останки знаменитыхъ убійцъ. Но подобнаго рода вкусы не могутъ быть приняты мѣриломъ цѣнности предметовъ; надо согласиться съ

тѣмъ, что наша слабость къ нѣкоторымъ историческимъ фактамъ не составляетъ еще доказательства ихъ цѣнности и потому намъ слѣдуетъ ее опредѣлить, какъ опредѣляемъ и другіе факты, слѣдовательно узнать, какое употребленіе можно изъ нихъ сдѣлать. Если вамъ придутъ сказать, что кошка вашего сосѣда вчера окотилась, — то вы отвѣтите, что это свѣдѣніе для васъ совершенно безполезно, хотя въ сущности это фактъ, но фактъ до такой степени ничтожный, что никоимъ образомъ не можетъ, имѣть вліянія на вашу жизнь и помочь вамъ жить полною жизнью. Теперь если приложить это мѣрило къ массѣ историческихъ фактовъ, то вы получите тотъ же самый результатъ; изъ нихъ нельзя вывести никакихъ заключеній, потому что это все безполезные, разбросанные факты, которые не могутъ служить руководящимъ началомъ, а въ этомъ-то преимущественно и состоитъ назначеніе фактовъ. Можно ихъ читать ради развлеченія, но только они ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть поучительны. *)

То, что собственно можетъ служитъ *исторіею* прямо выпускается изъ историческихъ сочиненій; только въ самые послѣдніе годы историки даютъ намъ нѣкоторыя цѣнныя свѣдѣнія. Такъ какъ въ минувшія времена король былъ все, а народъ ничто, то и въ исторіи тѣхъ отдаленныхъ временъ всю картину наполняютъ дѣянія королей, тогда какъ жизнь народа служила для этой картины только темнымъ фономъ. Теперь-же, когда начинаютъ интересоваться благоденствіемъ народа, историки стали внимательнѣе слѣдить за всѣми явленіями соціальнаго прогресса. Соціологія—предметъ достойный изученія; намъ нужно знать всѣ факты, которые могли-бы об-

---

*) Все, что говоритъ почтенный авторъ о кажущейся цѣнности нѣкоторыхъ предметовъ, придаваемой имъ ложнымъ или извращеннымъ мнѣніемъ, весьма мѣтко и остроумно. Въ жизни мы на каждомъ шагу наталкиваемся на подобнаго рода явленія, а между тѣмъ ихъ нелогичность и даже, прямо сказать, абсурдность рѣзко бросается въ глаза. *Примѣч. переводч.*

яснить намъ, какъ организовалась нація и какъ она развивалась. Дайте намъ, во-первыхъ, понятіе о правительствѣ, опишите намъ характеръ и дѣйствія не только центральнаго правительства, но и всѣхъ мѣстныхъ до самыхъ мельчайшихъ развѣтвленій; параллельно съ этимъ, дайте намъ также понятіе о духовномъ управленіи, о его составѣ, образѣ жизни, силѣ власти и о его отношеніяхъ къ государству; прибавьте къ этому свѣдѣнія объ обрядахъ, вѣроисповѣданіи, религіозныхъ идеяхъ, не только номинально принятыхъ, но и искренно исповѣдуемыхъ, которыя служатъ основой народной жизни, разскажите намъ о взаимномъ вліяніи сословій одного на другое, которое выражается въ общественныхъ законахъ приличія, титулахъ, привѣтствіяхъ и формѣ разговора; дайте намъ свѣдѣнія о народной жизни дома и внѣ его, включая сюда взаимное отношеніе половъ, а также и отношеніе родителей къ дѣтямъ, укажите на примѣры народнаго суевѣрія, начиная съ древнихъ миѳовъ до простого колдовства; затѣмъ изобразите намъ полную картину промышленной системы страны, такъ чтобы было видно, до какихъ размѣровъ было раздѣленіе труда, какъ распредѣлялись ремесла по частямъ— гильдіямъ или какимъ-либо инымъ способомъ; каковы были отношенія между хозяевами и рабочими; какимъ образомъ разсылались товары, какіе были пути сообщенія, какія въ обращеніи были деньги. Необходимо было-бы также дать полный отчетъ о промышленныхъ искусствахъ, разсматриваемыхъ съ точки зрѣнія техники, указать, какія производства были болѣе въ ходу и каково было качество продуктовъ. Далѣе необходимо нарисовать умственное состояніе націи въ его различныхъ фазисахъ, не только по отношенію къ размѣрамъ и роду воспитанія, но и по отношенію къ научному прогрессу, и относительно преобладающаго образа мыслей. Степень развитія эстетической культуры доказывается архитектурою, живописью, одеждою, музыкою, поэзіею и народными вымыслами. Не слѣдуетъ забывать упомянуть о вседневной жизни

народа, о его пищѣ, жилищѣ, развлеченіяхъ. Въ заключеніе, въ видѣ общей связи фактовъ, слѣдуетъ представить теоретическую и практическую нравственность всѣхъ классовъ, которая отразилась въ законахъ привычкахъ, поговоркахъ и поступкахъ. Но эти факты должны быть изложены съ такою краткостью и ясностью, какія только возможны въ данномъ случаѣ; ихъ слѣдуетъ расположить въ такомъ порядкѣ, чтобы они были понятны въ цѣломъ и могли быть разсматриваемы, какъ находящіяся во взаимной зависимости части одного цѣлаго.

Главная цѣль подобнаго способа изложенія заключается въ томъ, чтобы читатель тотчасъ-же замѣтилъ-бы связь, которая существуетъ между событіями и могъ-узнать-бы, какія соціальныя явленія тождественны между собою. Описанія же послѣдующихъ вѣковъ должны быть такъ изложены, чтобы мы тотчасъ могли видѣть, какъ принималось каждое изъ вѣрованій, каждое учрежденіе, обычаи и порядки и какая связь существовала между предшествующими и послѣдующими учрежденіями и порядками. Это единственный видъ свѣдѣній относительно минувшихъ временъ, такъ какъ подобныя свѣдѣнія могутъ быть руководствомъ для всякаго гражданина при выполненіи имъ своихъ обязанностей. Единственная исторія, которая можетъ имѣть практическое значеніе, это такъ называемая *Описательная соціологія.* Историкъ можетъ оказать большую услугу человѣку, если съумѣетъ составить такого рода описаніе жизни націи, чтобы оно послужило матеріаломъ для сравнительной соціологіи и послѣдовательныхъ опредѣленій конечныхъ законовъ,—этого основанія всѣхъ соціальныхъ явленій. *)

---

*) Эти основанія для раціональной программы учебнаго курса исторіи, набросанныя здѣсь почтеннымъ авторамъ, мало-по-малу начинаютъ находить себѣ сторонниковъ, какъ въ литературѣ, такъ и въ мірѣ административномъ, Разумѣется, для усвоенія какихъ-либо новыхъ началъ, какъ-бы они ни были здравы и логичны, требуется, при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, десятилѣтія, а иногда и вѣка

Наука, какъ ключъ къ исторіи. Слѣдуетъ замѣтить, что даже достаточный запасъ этихъ историческихъ свѣдѣній не принесетъ большой пользы, если мы не будемъ имѣть къ тому ключа; ключъ-же этотъ можетъ дать только наука. При отсутствіи біологическихъ и психологическихъ обобщеній, нѣтъ возможности раціонально объяснять себѣ соціальныя явленія; люди тогда только сдѣлаются способными понимать самые простые факты соціальной жизни, какъ напримѣръ, отношенія между предложеніемъ и спросомъ,—когда они запасутся соразмѣрнымъ количествомъ первоначальныхъ эмпирическихъ понятій о человѣческой природѣ. А такъ-какъ самыя элементарныя истины соціологіи не могутъ быть понятны безъ нѣкотораго знанія того, какъ вообще люди думаютъ, чувствуютъ и дѣйствуютъ въ данныхъ обстоятельствахъ, то очевидно, что большія свѣдѣнія въ соціологіи возможны только лишь при соотвѣтствующемъ ознакомленіи съ физическими и умственными способностями человѣка. Если разсмотрѣть этотъ вопросъ съ отвлеченной точки зрѣнія, то выводъ обнаружится самъ собой. Общество состоитъ изъ индивидуумовъ; все, что совершается въ обществѣ, совершается совокупными дѣйствіями индивидуумовъ, поэтому индивидуальныя дѣйствія служатъ ключомъ къ разрѣшенію всѣхъ соціальныхъ явленій. Но дѣйствія индивидуумовъ зависятъ отъ законовъ ихъ природы, а потому, чтобы понять эти дѣйствія надо прежде понять самые ихъ законы, законы-же эти, въ самой простой ихъ формѣ, оказываются выводами изъ законовъ тѣла и духа вообще. Изъ этого слѣдуетъ, что понимать соціологію нельзя иначе, какъ изучивъ прежде біологію и психологію, или, выражаясь проще: всѣ соціальныя явленія въ то-же время явленія жизни въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, подчиненныя зако-

---

но все-же есть надежда, что начала, такъ блестяще выведенныя здѣсь авторомъ привьются,—вопросъ только во времени.

Примѣч. переводч.

намъ жизни; ихъ можно понять только послѣ изученія этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ, управленіе четвертымъ отдѣломъ человѣческой дѣятельности *) зависитъ, какъ и первыхъ трехъ, отъ науки. Изъ свѣдѣній, которыя человѣкъ пріобрѣлъ въ теченіи курса своего школьнаго воспитанія, очень немногія могутъ быть ему полезны при исполненіи гражданскихъ обязанностей. Только небольшая часть пройденной имъ исторіи пригодится ему на практикѣ; но онъ недостаточно подготовленъ для извлеченія изъ нея пользы; онъ не только не чувствуетъ потребности въ матеріалахъ къ описательной соціологіи, но даже не имѣетъ понятія объ этой наукѣ; точно также онъ не имѣетъ понятія объ обобщеніяхъ наукъ объ организмахъ, безъ чего описательная соціологія ему мало поможетъ.

Эстетическое воспитаніе. Теперь мы дошли до пятаго, послѣдняго, отдѣла человѣческой дѣятельности, который состоитъ изъ пріятныхъ занятій и развлеченій, наполняющихъ свободное отъ трудовъ время. **) Разсмотрѣвши, какого рода воспитаніе лучше всего приспособляетъ человѣка къ самосохраненію, пріобрѣтенію средствъ къ жизни, исполненію родительскихъ обязанностей и къ соціальной политической дѣятельности, намъ предстоитъ теперь обсудить вопросъ, какого рода воспитаніе приспособляетъ человѣка къ другимъ разнообразнымъ цѣлямъ, которыя не вошли въ упомянутую программу, именно: къ наслажденію природой, литературой и изящными искусствами во всѣхъ ихъ формахъ. Такъ-какъ мы упоминаемъ о нихъ въ концѣ, послѣ предметовъ, болѣе необходимыхъ для человѣческаго благосостоянія, подводя каждый предметъ подъ мѣрило его цѣнности, то можно предположить, что мы отнесемся слегка къ этимъ, не особенно нужнымъ, предметамъ. Но такое заключеніе совершенно ошибочно. Мы не меньше другихъ признаемъ цѣну и значеніе эстетической

*) См. стр. 12. п 4.
Примѣч. переводч.

**) См. стр. 12 п. 5.
Примѣч. переводч.

культуры и доставляемыхъ ею удовольствій. Безъ живописи, скульптуры, музыки поэзіи и пріятныхъ ощущеній, которыя вызываются красотою всякаго рода, жизнь утратила-бы половину ея прелестей. Мы не только не считаемъ развитіе и удовлетвореніе вкуса вещью ненужной, но горячо вѣримъ, что, рано или поздно наступитъ время, когда это стремленіе будетъ играть бо̀льшую роль, чѣмъ теперь, въ жизни человѣка. Когда человѣкъ вполнѣ поработитъ, для собственной пользы, силы природы, когда орудія производствъ дойдутъ до совершенства, слѣдствіемъ чего будетъ большое сбереженіе труда, когда воспитаніе достигнетъ такой системы, при которой подготовка къ наиболѣе существенной дѣятельности потребуетъ, сравнительно много меньше времени, чѣмъ теперь и, когда у человѣка окажется въ итогѣ очень много свободнаго времени,—тогда прекрасное въ искусствѣ и природѣ непремѣнно обратитъ всеобщее вниманіе. Но признавать эстетическую культуру широкимъ проводникомъ къ счастью, не значитъ еще признавать ее необходимою основою благосостоянія человѣка. Какое-бы важное значеніе она ни имѣла, но все-же она должна стоять ниже родовъ культуры, вліяющихъ непосредственно на ежедневныя наши обязанности. Было уже сказано, что литература и изящныя искусства возможны только при существованіи родовъ дѣятельности, дѣлающихъ возможными индивидуальную и соціальную жизнь. Очевидно, что о нихъ слѣдуетъ говорить послѣ. Цвѣтоводъ ухаживаетъ за растеніемъ ради цвѣтка; онъ дорожитъ корнями и листьями единственно оттого, что они способствуютъ развитію этого цвѣтка, но хотя ему, какъ конечному продукту, подчинены всѣ остальныя части растенія, цвѣтоводъ знаетъ, все-же, что корни и листья въ сущности имѣютъ наибольшее значеніе, такъ какъ отъ нихъ зависитъ развитіе цвѣтка. Онъ употребляетъ всѣ старанія, чтобы растеніе выросло здоровымъ, зная, что было-бы безуміемъ ожидать пышнаго цвѣта отъ небрежно выращеннаго растенія. Совершенно то-же

видимъ мы и въ данномъ случаѣ. Архитектура, скульптура, живопись, музыка и поэзія имѣютъ полное право быть названными цвѣтомъ цивилизованной жизни.*) Допустивъ даже, что онѣ до того важны по своему значенію, что подчиняютъ себѣ цивилизованную жизнь—источникъ ихъ происхожденія (что едвали не можетъ быть доказано) все-же нельзя признать, что развитіе здоровой цивилизованной жизни можетъ стоять на первомъ планѣ; культурѣ, которая способствуетъ этому развитію, слѣдуетъ отвести одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. И здѣсь-то рѣзко бросается въ глаза несостоятельность нашей воспитательной системы. Она положительно пренебрегаетъ растеніемъ ради цвѣтка, хлопочетъ объ изяществѣ, забывъ существенное, но она не даетъ дѣтямъ никакихъ знаній, которыя способствовали-бы самосохраненію; самымъ элементарнымъ образомъ знакомитъ ихъ со способами пріобрѣтенія средствъ къ жизни, предоставивъ ихъ черпать, какъ придется, большую часть этихъ свѣдѣній изъ послѣдующей жизни; она даже слегка не подготовляетъ ихъ къ исполненію родительскихъ обязанностей и, въ то-же время, имѣя въ виду сдѣлать изъ дѣтей хорошихъ гражданъ, сообщаетъ имъ массу фактовъ, большею частью ненужныхъ, безъ всякаго ключа къ ихъ объясненію, но все-же она усердно знакомитъ дѣтей со всѣмъ тѣмъ, что способствуетъ утонченности, лоску и блеску. Допустимъ, пожалуй, что знаніе нѣсколькихъ новѣйшихъ языковъ вещь весьма пріятная и что чтеніе, разговоры и путешествіе даютъ этому знанію нѣкоторую законченность; но изъ этого совсѣмъ не слѣдуетъ, чтобы подобные результаты покупались цѣною знаній, необходимыхъ для жизни и приносимыхъ въ этомъ случаѣ въ жертву. Положимъ,

*) Оригинальное и остроумное названіе изящныхъ искусствъ „цвѣткомъ цивилизованной жизни“ насколько мѣтко, что въ двухъ словахъ опредѣляютъ совершенно точно и глубоко значеніе этого рода человѣческой дѣятельности въ соціальной жизни.

Примѣч. переводч.

что классическое образованіе вырабатываетъ изящный и правильный слогъ: нельзя же, однако, сказать, чтобы достиженіе изящества и правильности слога могло равняться по своему значенію, съ усвоеніемъ принциповъ, служащихъ руководствомъ при воспитаніи дѣтей. Допустимъ, что литературный вкусъ можетъ изощряться посредствомъ чтенія древнихъ поэтовъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы изощреніе вкуса имѣло такое-же значеніе, какъ и изученіе законовъ здравія. Таланты, изящныя искусства, беллетристика и вообще все то, что, какъ мы уже сказали, составляетъ цвѣтъ цивилизаціи, должно быть вполнѣ подчинено научному образованію и дисциплинѣ, на которыхъ основана цивилизація. А такъ какъ эстетической культурѣ посвящаются только свободные часы человѣческой жизни, то она и должна занимать мѣсто въ послѣднемъ отдѣлѣ воспитанія.

Изящныя искусства также основаны на наукѣ. Отведя, такимъ образомъ, настоящее мѣсто эстетическимъ знаніямъ и доказавъ, что изученіе ихъ хотя и входитъ въ отдѣлъ элементарнаго воспитанія дѣтей, но должно занимать второстепенное мѣсто, объяснимъ теперь, какое знаніе болѣе всего дѣлаетъ человѣка способнымъ къ вышеназванной, послѣдней, сферѣ дѣятельности его. На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ то-же, что отвѣчали прежде. Какъ ни странно можетъ показаться съ перваго раза наше утвержденіе, тѣмъ не менѣе, оно вполнѣ справедливо: высшее искусство, какого-бы рода оно ни было, основано на наукѣ, такъ какъ безъ науки немыслимо существованіе ни совершеннаго произведенія, ни точной его оцѣнки. Очень можетъ быть, что многіе изъ знаменитыхъ художниковъ не обладали научными свѣдѣніями, въ томъ тѣсномъ смыслѣ, какъ у насъ принято понимать это выраженіе; но, будучи зоркими наблюдателями по природѣ, они, вѣроятно, всегда обладали запасомъ эмпирическихъ обобщеній, которыя замѣняли науку въ ея низшемъ фазисѣ: они не достигали, однако, совершенства по тому, что этихъ обобщеній у нихъ

было немного, да и тѣ были неточны. Что изящныя искусства основаны на наукѣ, становится яснымъ à priori, когда мы вспомнимъ, что всѣ художественныя произведенія изображаютъ болѣе или менѣе объективныя и субъективныя явленія и бываютъ столь хороши, что согласуются съ законами этихъ явленій, а чтобы достичь послѣдняго, художнику необходимо знать самые законы. Это заключеніе à priori выведено изъ опыта и мы его сейчасъ докажемъ.

Готовясь быть скульпторами, молодые люди должны прежде всего ознакомиться съ костями и мускулами человѣка, изучить ихъ расположеніе, взаимную связь и движеніе мышцъ. Это составляетъ часть анатоміи, а ея изученіе необходимо для избѣжанія грубыхъ промаховъ, которые встрѣчаются у неученыхъ скульпторовъ. Знаніе правилъ механики также необходимо для нихъ, а такъ какъ художники часто пренебрегаютъ этою наукою, то въ скульпторныхъ произведеніяхъ иногда встрѣчаются важныя механическія ошибки. Возьмемъ примѣръ: для изображенія стоящей фигуры требуется, чтобы перпендикулярная линія, которая идетъ отъ центра тяжести—по техническому ея названію, *линія направленія*—проходила-бы чрезъ основаніе опоры; поэтому, когда человѣкъ принимаетъ положеніе называемое „покойнымъ", при чемъ одна его нога, на которую онъ опирается, вытянута совершенно прямо, а другая стоитъ свободно, — эта линія направленія должна падать въ середину ступни вытянутой ноги. У скульпторовъ-же, незнакомыхъ съ теоріей равновѣсія, очень часто положеніе фигуры изображается такъ, что линія направленія падаетъ какъ разъ по срединѣ, т. е. между ногами. Незнаніе законовъ скорости движенія тѣлъ ведетъ къ такимъ-же погрѣшностямъ, доказательствомъ чего служитъ знаменитая статуя Дискобола, поставленная такъ, что изображающій ее атлетъ долженъ неминуемо упасть впередъ въ то самое мгновенье, какъ онъ броситъ дискъ. Въ живописи необходимость научныхъ свѣдѣній, хотя-бы эмпирическихъ, если не раціо-

нальныхъ, еще болѣе очевидна. Вотъ почему такъ смѣшна китайская живопись, въ которой встрѣчается полнѣйшее нарушеніе законовъ зрительныхъ впечатлѣній, нелѣпой линейной перспективы и отсутствіе перспективы воздушной. Чѣмъ грѣшатъ картинки ребенка, какъ не такимъ-же отсутствіемъ правильности, происходящимъ, въ большинствѣ случаевъ, отъ незнанія того, какъ наружный видъ предметовъ измѣняется сообразно съ существующими въ данный моментъ условіями? Перебирите всѣ печатныя руководства живописи и лекціи о ней профессоровъ, разсмотрите критическія статьи Рёскина, взгляните на произведенія художниковъ до-рафаэлевской эпохи—и вы убѣдитесь, что прогрессъ въ живописи зависитъ совершенно отъ прогресса пониманія эффектовъ природы. Самый зоркій наблюдатель, если онъ не будетъ руководствоваться наукою, непремѣнно надѣлаетъ промаховъ. Каждый живописецъ согласится съ нами, что въ природѣ существуютъ дѣйствительныя и мнимыя представленія и что рисующій часто не замѣчаетъ извѣстныхъ особенностей предмета вслѣдствіе того, что онъ измѣнился отъ нѣкоторыхъ условій; не сдѣлать въ этомъ случаѣ ошибки способенъ только тотъ, кто изучилъ науку о зрительныхъ впечатлѣніяхъ. На что ужъ точенъ художникъ Джонъ-Люисъ но и тотъ, по недостатку научныхъ свѣдѣній, изображаетъ тѣнь отъ рѣшетчатаго окна на противоположной стѣнѣ рѣзко очерченными линіями; онъ никогда-бы не нарисовалъ такъ, если-бы былъ знакомъ съ явленіями свѣтотѣни. Другой живописецъ, Розетти, подмѣтивъ особаго рода радужную окраску щетинистыхъ поверхностей подъ вліяніемъ извѣстнаго освѣщенія (окраска эта произошла отъ преломленія лучей свѣта при прохожденіи чрезъ ихъ щетину), дѣлаетъ не менѣе важный промахъ, изображая подобную окраску на такихъ поверхностяхъ и въ такихъ положеніяхъ, гдѣ она ужъ никакъ не могла появиться.

Мы возбудимъ еще большее удивленіе въ читателяхъ, когда скажемъ, что музыка также нуждается въ научной опорѣ.

А между тѣмъ можно доказать, что музыка есть только идеализація естественнаго языка души и что поэтому она бываетъ хороша или дурна сообразно тому, на сколько она согласуется съ законами естественнаго языка. Различныя модуляціи голоса, которыми передаются чувства и выраженія всевозможныхъ оттѣнковъ—вотъ первый зародышъ музыки. Всѣ эти ударенія и ритмы нисколько не случайны и не произвольны: это прямо результаты извѣстныхъ общихъ принциповъ жизненныхъ проявленій, отъ которыхъ зависитъ и выразительность музыки. Изъ этого видно, что музыкальныя фразы и построенныя на нихъ мелодіи тогда только достаточно хороши, когда онѣ находятся въ гармоніи съ вышеупомянутыми принципами. Весьма трудно объяснить какъ слѣдуетъ это положеніе; но, можетъ быть, достаточно будетъ привести въ примѣръ то изобиліе безсмысленныхъ балладъ, которыми наводнены гостиныя въ Англіи и которыя слѣдовало-бы изгнать именемъ науки. Онѣ грѣшатъ противъ нея, во первыхъ тѣмъ, что на музыку положены постныя слова, которыя не могутъ вызвать музыкальной экспрессіи, затѣмъ ихъ второй грѣхъ относительно науки заключается въ томъ, что въ этихъ балладахъ музыкальныя фразы не имѣютъ никакой естественной связи съ выражаемой ими идеей, даже тогда когда она затрогиваетъ душу. Баллады дурны потому, что ложны, а ложны потому, что ненаучны.

Въ поэзіи мы видимъ то-же самое; она какъ и музыка получила свое начало въ тѣхъ естественныхъ способахъ выраженія, которыми передаются глубокія чувства. Ея риѳмы, сильныя и многочисленныя метафоры, ея гиперболы, произвольная перестановка словъ,—все это только преувеличенная форма человѣческой рѣчи, когда онъ находится въ возбужденномъ состояніи. Чтобы стихи были хороши, поэтъ долженъ обращать вниманіе на законы дѣйствія нервовъ, которымъ мы подчиняемся въ минуты возбужденія. Но преувеличивая или просто передавая отличительныя черты возбужденной рѣчи,

поэтъ не долженъ выходить изъ границъ и злоупотреблять своими средствами; тамъ, гдѣ мысль болѣе спокойнаго характера и поэтическія выраженія должны быть умѣрены,—съ усиленіемъ оживленія мысли, и стихъ долженъ усиливаться; тамъ, гдѣ волненіе и страсть доходятъ до своего апогея, стихъ уже не плавно льется, а несется бурнымъ потокомъ. Напыщенные стихи и вирши бываютъ всегда результатомъ полнѣйшаго уклоненія отъ этихъ правилъ. Въ дидактической поэзіи преимущественно замѣчается неуваженіе къ нимъ, и если у насъ такъ мало истинно-художественныхъ произведеній, то прочина этому—нежеланіе поэтовъ ближе познакомиться съ естественными правилами поэзіи. *)

Художнику слѣдуетъ знать психологію. Художники всѣхъ отраслей изящныхъ искусствъ не создадутъ истинно прекрасныхъ произведеній, если не изучатъ прежде законовъ явленій, которыя ими изображаются: кромѣ того, они непремѣнно должны заранѣе знать, какъ дѣйствуетъ на зрителей или слушателей нѣкоторыя особенности ихъ твореній. Это вопросъ уже чисто-психологическій. Сила впечатлѣнія, которое производится каждымъ художественнымъ произведеніемъ, зависитъ отъ степени умственныхъ свойствъ тѣхъ, кому ихъ отдаютъ на судъ, а такъ-какъ эти свойства, при всемъ ихъ разнообразіи, имѣютъ нѣкоторыя общія черты то, конечно, должны существовать и соотвѣтствующія имъ общія правила, на основаніи которыхъ создаются истинно прекрасныя произведенія. Эти общія правила не могутъ быть поняты художникомъ и примѣнены имъ къ дѣлу, ранѣе, чѣмъ онъ пойметъ, какъ они вытекаютъ изъ законовъ духа.

Вопросъ, хорошо-ли выполнена картина, равенъ вопросу,

---

*) Чтобы убѣдиться въ справедливости этихъ словъ автора стоитъ только сравнить истинную поэзію съ дубовыми ложно-классическими одами: даже весьма даровитые поэты писали плохо, коль скоро слѣдовали неестественнымъ правиламъ ложнаго классицизма.

Примѣч. переводч.

какое впечатлѣніе эта картина произвела на умъ и чувства зрителей. Спрашивая, хорошо-ли построена такая-то драма, вы, въ то-же время, спрашиваете соблюдены-ли въ ней всѣ условія, которыя необходимы, для того, чтобы заинтересовать публику. Точно также при сочиненіи большой поэмы, сказки составленіи рѣчи, сила впечатлѣнія много зависитъ отъ искусства автора не утомлять умъ и не слишкомъ возбуждать чувствительность слушателей и читателей. Каждый художникъ, во время своего воспитанія и въ теченіи своей послѣдующей жизни накапливаетъ всегда запасъ правилъ, которыми онъ руководствуется въ своей практической дѣятельности, доищитесь корня этихъ правилъ — они непремѣнно приведутъ васъ къ психологическимъ принципамъ; художникъ долженъ вполнѣ усвоить себѣ эти принципы съ различными ихъ выводами, чтобы согласовать съ ними свой трудъ. Мы не говоримъ, чтобы одна наука могла образовать художника; говоря, что ему необходимо составить себѣ понятіе о руководящихъ законахъ объективныхъ и субъективныхъ явленій, мы вовсе не хотѣли сказать, что знаніе этихъ законовъ можетъ замѣнить природное дарованіе, такъ какъ не только поэты, но и всѣ прочіе художники родятся художниками, а не дѣлаются ими; мы желаемъ доказать, что врожденный талантъ не можетъ обойтись безъ помощи систематическаго знанія. Научныя изслѣдованія только помогутъ, но всего не дадутъ. *Лучшій результатъ въ искусствѣ можетъ быть достигнутъ посредствомъ сочетанія генія съ наукой.* Наука, какъ было сказано выше, нужна не только для достиженія совершенства въ художественномъ произведеніи, но также и для яснаго пониманія изящныхъ искусствъ. Отчего взрослый гораздо болѣе, чѣмъ ребенокъ можетъ подмѣчать красоты картинъ? Оттого, что въ немъ болѣе развито пониманіе истинъ природы или жизни, переданныхъ художникомъ. Почему образованный человѣкъ болѣе наслаждается хорошей поэмой, чѣмъ необразованный? Не оттого-ли, что первый ближе знакомъ съ пред-

метами и дѣйствіями, которые изображены въ поэмѣ и находитъ въ нихъ красоты, которыя невидимы для невѣжды? Изъ этого видно, что прежде нужно освоиться съ предметами, чтобы умѣть оцѣнить ихъ изображеніе, и не остается никакого сомнѣнія, что изображеніе можетъ быть достойно оцѣнено только при условіи полнаго пониманія изображеннаго предмета. Несомнѣнно и то, что чѣмъ болѣе правды въ произведеніи художника, тѣмъ болѣе оно доставляетъ наслажденія развитому уму,—наслажденія совсѣмъ непонятнаго для необразованнаго человѣка. Чѣмъ естественѣе, и справедливѣе твореніе художника, тѣмъ оно производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе пробуждаетъ мыслей въ головѣ, тѣмъ болѣе приноситъ удовольствія. Для испытанія всего этого зритель, слушатель и читатель обязаны понимать истины, которыя имъ открываетъ художникъ, и для пониманія ихъ, надо быть посвященнымъ въ тайны науки.

Наука поэтична. Нельзя обойти тотъ важный фактъ, что на наукѣ не только зиждется скульптура, живопись, музыка и поэзія, но что она поэтична сама по себѣ. Общепринятое мнѣніе, что наука и поэзія двѣ противоположности, большое заблужденіе. *) Несомнѣнно то, что знанія и душевные порывы, какъ двѣ сознательныя силы, борются между собой; точно также справедливо и то, что чрезмѣрная дѣятельность мыслительныхъ способностей стремится заглушить чувства и, наоборотъ, чрезмѣрно развитая дѣятельность чувствъ стремится ослабить способности мысли. Въ этомъ смыслѣ, конечно, два рода дѣятельности враждебны между собою. Но положительно неправда, чтобы истины науки были лишены поэзіи или, чтобы изученіе науки заставляло смотрѣть враждебно на развитіе воображенія и любовь къ прекрасному. Нѣтъ.

*) Такое мнѣніе дѣйствительно общепринято; это одно изъ странныхъ, но весьма распространенныхъ заблужденій, происходящихъ отъ слишкомъ односторонняго и поверхностнаго взгляда на дѣло.

Примѣч. переводч.

напротивъ, наука раскрываетъ передъ нами цѣлый міръ поэзіи, тогда какъ для невѣжества, въ противоположность того, все мракъ; люди, которые посвятили себя ученымъ изысканіямъ всегда доказываютъ намъ, что они не только такъ, какъ и другіе люди, но даже много живѣе ихъ, воспринимаютъ поэзію предметовъ, ими изучаемыхъ. Кто прочтетъ сочиненіе Гуго Миллера о геологіи, этюды Луиса „На берегу моря", тотъ непремѣнно увидитъ, что наука вызываетъ поэзію, а не заглушаетъ ее.

Прослѣдите жизнь Гете и вы поймете, что поэтъ и ученый могутъ соединиться въ одной личности.

Нелѣпо предполагать, что чѣмъ больше человѣкъ изучаетъ природу, тѣмъ менѣе онъ благоговѣетъ предъ нею. Неужели вы предполагаете, что на каплю воды, которая въ глазахъ невѣжды есть именно капля воды, также равнодушно смотритъ и физикъ, который понимаетъ, что ея элементы или составныя части сдерживаются между собою и что эта сила, будучи освобождена произведетъ молнію? *) Неужели вы предполагаете, что снѣжный хлопокъ, на который такъ беззаботно смотрятъ люди, непосвященныя въ тайны науки, не возбуждаютъ высокихъ мыслей въ головѣ ученаго, который любуется черезъ микроскопъ на поразительно разнообразныя изящныя формы снѣжныхъ кристалликовъ? Неужели вы предполагаете, что округленная скала, испещренная паралельными царапинами, вызоветъ въ умѣ невѣжды такія-же поэтическія мысли, какъ и въ умѣ геолога, который знаетъ, что милліонъ лѣтъ тому назадъ по этой скалѣ сползъ ледникъ? Справедливо то, что люди, никогда незанимавшіеся учеными изслѣдованіями, остаются слѣпы ко многимъ предметамъ поэ-

*) Весьма странное и непонятное выраженіе. Правда, капля, освободившись отъ силы сцѣпленія (т. е. обратившись въ паръ), войдетъ въ составы облака, которое, зарядившись электричествомъ, произведетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, молнію,—но, даже и при такомъ объясненіи, слова почтеннаго автора все-же неточны и неудачны.

Примѣч. переводч.

тической красоты, ихъ окружающей. Тотъ, кто въ юности не собиралъ растеній и насѣкомыхъ, не имѣетъ понятія объ интересѣ, который представляется проселочными дорогами и живыми изгородями; тотъ, кто не рылся въ землѣ, отыскивая ископаемыхъ, не можетъ себѣ представить, на сколько поэтична обстановка тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ скрыты эти сокровища. Тотъ, кто находясь на берегу моря, не имѣлъ при себѣ микроскопа и акваріума, тотъ не знаетъ всѣхъ красотъ прибрежной жизни. Грустно видѣть, какими пошлостями занимаются люди, оставаясь хладнокровными къ великимъ явленіямъ природы. Они съ критически-научными пріемами разбираютъ греческую оду и проходятъ мимо великой эпопеи, которая начертана перстомъ Божіимъ на пластахъ земли, и даже не взглянутъ на нее. Итакъ, мы видимъ, что для этого, послѣдняго, отдѣла человѣческой дѣятельности, ученая культура — лучшее руководство. Мы доказали, что эстетика вообще должна имѣть своимъ основаніемъ принципы науки и, что она можетъ быть изучена съ большимъ успѣхомъ лишь съ помощью близкаго знакомства съ этими принципами.

Мы нашли также, что для полученія права на критику и должную оцѣнку художественныхъ произведеній, требуется знаніе свойствъ предметовъ или, иначе, научныя знанія. Наконецъ, мы пришли къ убѣжденію, что наука не только является помощью во всѣхъ родахъ искусствъ и поэзіи, но что и сама по себѣ она вполнѣ поэтична.

Какія знанія болѣе пригодны для дисциплины? До сихъ поръ мы занимались разработкой вопроса, какимъ знаніемъ мы должны больше дорожить, какъ руководствомъ; теперь приступимъ къ обсужденію сравнительной цѣнности различныхъ родовъ знанія относительно дисциплины. Обзоръ этого отдѣла будетъ у насъ, сравнительно много короче предъидущаго, да здѣсь и нѣтъ надобности въ длинныхъ обсужденіяхъ. Отыскавъ лучшее руководство для одной цѣли, мы, сравнивая, найдемъ то, что полезно и для другой. Можно вполнѣ увѣриться

что въ число пріобрѣтеній того разряда знаній, которыя всего полезнѣе для руководства дѣйствіями человѣка, входитъ и умственное упражненіе, какъ лучшее средство для развитія способностей ума. Было-бы въ высшей степени несогласно съ экономіей природы, если-бы для пріобрѣтенія знаній требовалась одна культура, а для умственной гимнастики—другая. Мы видимъ сами, что способности всѣхъ тварей міра развиваются чрезъ выполненіе тѣхъ функцій, къ которымъ онѣ предназначены природой, а вовсе не посредствомъ искусственныхъ упражненій, которыя придуманы для подготовки къ этимъ функціямъ. Краснокожій индѣецъ пріобрѣтаетъ гибкость и проворство, вслѣдствіе котораго онъ становится искуснымъ охотникомъ, неутомимо преслѣдуетъ звѣрей и птицъ и, благодаря самой разнообразной дѣятельности, уравновѣшиваетъ свои физическія силы лучше любого гимнаста; способность преслѣдовать врага и добычу, выработанная въ немъ продолжительной практикой, свидѣтельствуетъ о его необыкновенной чуткости, которая никогда не могла-бы развиться искусственнымъ воспитаніемъ. То-же самое мы видимъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Начиная съ башмена, глаза котораго съ самаго ранняго дѣтства привыкаютъ различать на дальнемъ разстояніи добычу или опасность и достигаютъ почти силы телескопа и кончая счетчикомъ, развивающимъ ежедневной практикой свою способность считать до того, что онъ въ одно мгновеніе можетъ сложить нѣсколько столбцовъ цифръ,— мы всюду находимъ доказательства, что высшее развитіе способностей вырабатывается постояннымъ выполненіемъ обязанностей, которыя возложены на насъ условіями жизни. Можно сказать навѣрное à priori, что тотъ-же самый законъ примѣнимъ и къ воспитанію, въ обширномъ смыслѣ слова, т. е. что воспитаніе, оказавшееся самымъ полезнымъ руководствомъ, относительно образованія, окажется тѣмъ-же и относительно дисциплины. Обсудимъ очевидныя доказательства этого.

Единственная выгода, которая получается отъ нашей чрез-

мѣрной слабости къ изученію языковъ, — слабости, сильно обнаруживающейся въ современномъ „порядкѣ жизни“, —заключается въ томъ, что этимъ способомъ, весьма изощряется память, вслѣдствіе чего, въ школахъ придерживаются, главнымъ образомъ, заучиванья большаго количества словъ наизусть. Но на практикѣ оказывается, что науки представляютъ еще болѣе обширное поле для упражненія памяти. Весьма трудно, напримѣръ, запомнить все, что относится до нашей солнечной системы, а еще труднѣе удержать въ памяти все то, что намъ до сихъ поръ извѣстно о млечномъ пути. Число составныхъ веществъ въ химіи, хотя оно ежедневно пополняется новыми открытіями, такъ велико, что немного найдется людей, за исключеніемъ профессоровъ, могущихъ ихъ всѣ перечислить, а помнить атомный вѣсъ и взаимное отношеніе всѣхъ этихъ веществъ, едва-ли возможно иначе, какъ сдѣлавъ изъ химіи постоянное занятіе. Въ безчисленныхъ явленіяхъ, которыя представляетъ земная кора и еще болѣе большой массѣ явленій, которыя представляются содержащимися въ ней ископаемыми, заключается такой богатый запасъ матеріала, что для изученія ихъ студенту - геологу нужны цѣлые годы усиленныхъ трудовъ. Каждый главный отдѣлъ физики: звукъ, теплота, свѣтъ электричество,—содержитъ въ себѣ такое множество фактовъ, что они могутъ привести въ ужасъ любого ученаго, задумавшаго изучить ихъ всѣ. Въ наукахъ объ организмахъ требуется, сравнительно, еще болѣе усилій памяти. Въ одной анатоміи тѣла человѣка такое множество подробностей, что молодой медикъ долженъ перечитывать ихъ разъ по десяти, чтобы удержать навсегда въ своей памяти. Число видовъ растеній, которыя извѣстны ботаникамъ, доходитъ до 320 тысячъ, и разнообразные виды животныхъ, изслѣдованіемъ которыхъ занимаются зоологи, достигли уже цифры 2-хъ милліоновъ. Собраніе фактовъ, которые подлежатъ разсмотрѣнію ученыхъ, до того велико, что они раздѣляются и подраздѣляютъ ихъ, для болѣе удобнаго разрабатыванья. Къ

подробнымъ свѣдѣніямъ, которыя собраны въ отведенномъ ему отдѣлѣ, каждый ученый присовокупляетъ только общія понятія изъ родственныхъ отдѣловъ, да, можетъ быть, еще краткія понятія о нѣкоторыхъ другихъ. Итакъ ясно, что наука которая разработана даже въ самыхъ скромныхъ началахъ, доставляетъ слишкомъ достаточно упражненій для памяти. Наконецъ, наука такая-же хорошая дисциплина для развитія этой способности, какъ и изученіе языковъ.

Слѣдуетъ впрочемъ, замѣтить, что если для развитія необыкновенной памяти, наука такъ-же полезна, какъ и языки, а, пожалуй, и еще болѣе, то у ней громадное преимущество предъ ними въ томъ отношеніи, что она развиваетъ особаго рода память. Когда изучаютъ языки, то связь идей, воспринимаемыхъ умомъ, соотвѣтствуетъ фактамъ, большею частью, случайнымъ, тогда какъ при знакомствѣ съ наукой связь тѣхъ-же идей соотвѣтствуетъ фактамъ, большею частью, непреложнымъ. Справедливо, что отношенія словъ къ ихъ значенію, въ нѣкоторомъ смыслѣ, нормальны, что за происхожденіемъ этихъ отношеній можно прослѣдить на извѣстное разстояніе назадъ, хотя рѣдко до самаго корня слова и, наконецъ, что законы этого происхожденія образуютъ одну изъ отраслей единственной науки филологіи; но если нельзя доказать, что принятая система изученія языковъ поясняетъ эти нормальныя отношенія между словами и ихъ значеніемъ и что она даетъ учащемуся точныя понятія о законахъ происхожденія словъ, то надо согласиться, что изученіе этихъ отношеній весьма непрочно, сравнительно съ отношеніями, которыя представляются наукой, вполнѣ основательными и, при правильномъ преподаваніи, понимаемыми въ истинномъ смыслѣ. Итакъ, изученіе языковъ знакомитъ насъ съ нераціональными, а наука, съ раціональными отношеніями и въ первомъ случаѣ упражняется одна память, а во второмъ упражняются память и умъ.

Замѣтьте еще, что большое преимущество науки надъ язы-

ками, какъ средства дисциплины, заключается въ томъ, что она развиваетъ въ человѣкѣ способность разсуждать. Профессоръ Фарадей, въ одной изъ своихъ лекцій объ умственномъ воспитаніи, которую онъ читалъ въ королевскомъ институтѣ, очень вѣрно замѣтилъ, что *нашъ общій умственный недостатокъ состоитъ въ отсутствіи способности сужденія.* „Люди, говоря вообще, замѣчаетъ онъ, не только невѣжды относительно сужденій, но даже невѣжды относительно своего собственнаго невѣжества.“ Причина, которой онъ приписываетъ такое состояніе общества, заключается въ недостаткѣ *научнаго* образованія. *)

Справедливость его вывода очевидна,—правильное сужденіе о предметахъ, которые насъ окружаютъ, о событіяхъ и ихъ послѣдствіяхъ вырабатывается не иначе, какъ посредствомъ знанія, въ какой степени зависимости одно отъ другого находятся явленія, которыя насъ окружаютъ. Самое обстоятельное знакомство со значеніемъ словъ не даетъ точнаго понятія причинъ и дѣйствій. Способность правильнаго сужденія можно пріобрѣсти только привычкой, дѣлая выводы изъ данныхъ и провѣряя затѣмъ эти выводы наблюденіемъ и опытомъ. Главное преимущество науки и состоитъ именно въ томъ, что она побуждаетъ насъ къ этой привычкѣ.

Необходимость науки для нравственной дисциплины. Наука не только въ высшей степени полезна для умственной дисциплины, но также и для дисциплины нравственной. Изученіе языковъ приводитъ скорѣе всего къ увеличенію и безъ того непомѣрнаго уваженія къ авторитетамъ. Слова эти означаютъ то-то и то-то, говоритъ учитель или словарь; въ такомъ случаѣ придерживайтесь такого-то правила, говоритъ грамматика.

*) Именно въ недостаткѣ *научнаго* образованія—т. е. стройнаго послѣдовательнаго, всесторонняго и логическаго знанія, а не образованія вообще въ смыслѣ запаса тѣхъ или иныхъ свѣдѣній,—и заключается причина многихъ заблужденій въ сужденіяхъ современнаго общества. *Примѣч. переводч.*

Ученикъ считаетъ всѣ эти наставленія за неоспоримыя истины и въ продолженіе цѣлаго урока, онъ напрягаетъ свой умъ на то только, чтобъ безмолвно подчиняться догматическому преподаванію. Результатомъ подобнаго состоянія является стремленіе принимать на вѣру безъ разбора все, что уже установлено другими. При научномъ образованіи обнаруживается совершенно противоположное направленіе ума. Наука постоянно обращается съ запросами къ индивидуальному разсудку; ея истины принимаются въ силу не однихъ авторитетовъ; каждому дана свобода провѣрять ихъ; кромѣ того, часто случается такъ, что учитель даетъ ученику дѣлать свои собственныя заключенія по поводу какого-либо факта. Каждый шагъ научныхъ изслѣдованій дается прямо ему на судъ; онъ не долженъ съ ними соглашаться, покуда самъ не убѣдится въ ихъ истинѣ. Зародившаяся въ ученикѣ увѣренность въ своихъ силахъ, растетъ все больше и больше, вслѣдствіе неизмѣннаго постоянства, съ которымъ природа подтверждаетъ всѣ его выводы, если они сдѣланы. Вотъ какимъ способомъ образуется самостоятельность — этотъ дорогой элементъ въ человѣческомъ характерѣ. Если человѣкъ вѣренъ научному методу, т. е., если онъ будетъ слѣдовать путемъ самобытныхъ изслѣдованій, то въ немъ разовьются устойчивость и правдивость. Вотъ, что сказано профессоромъ Тиндалемъ объ индуктивномъ изслѣдованіи: „Оно требуетъ терпѣливаго труда и покорнаго добросовѣстнаго усвоенія того, что намъ открываетъ природа. Первое условіе успѣха это честное воспринятіе ея откровеній и готовность отречься отъ всѣхъ предвзятыхъ мнѣній, хотя-бы излюбленныхъ, если только окажется, что они противорѣчатъ истинѣ. Знайте, что примѣры высокаго самоотверженія, о которыхъ свѣтъ никогда даже не услышитъ нерѣдко проявляются въ частныхъ изслѣдованіяхъ истиннаго приверженца науки.“ *)

*) Раболѣпное паданье ницъ передъ авторитетами,—дѣйствительно характерная черта современнаго общества, весьма часто приво-

Религіозное вліяніе науки. Въ заключеніе намъ остается заявить,—хотя мы не сомнѣваемся, что это заявленіе вызоветъ всеобщее удивленіе,—что научная дисциплина несравненно выше дисциплины обыкновеннаго школьнаго воспитанія, такъ какъ первая даетъ человѣку религіозную культуру. Весьма понятно, что мы употребили здѣсь слова: *научная* и *религіозная* не въ обыкновенномъ смыслѣ, но въ высшемъ и обширнѣйшемъ смыслѣ ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для суевѣрія, которое выдаютъ за религію, наука представляется зломъ: но не такъ смотритъ на нее истинная религія, которая только затемняется суевѣрными предразсудками. Несомнѣнно также, что наука, которая принята современниками, большею частью, проникнута антирелигіознымъ духомъ, но истинная наука не такова,—она не скользитъ по поверхности, а углубляется, такъ сказать, въ нѣдра каждаго предмета, который изслѣдуется ею. *)

„Истинная наука и истинная религія, сказалъ профессоръ Гёксли, заканчивая недавно курсъ своихъ лекцій, — сестры -близнецы; разлучить одну съ другою, значитъ, навѣрно, убить обѣихъ. Наука разцвѣтетъ настолько, насколько она религіозна, а религія процвѣтаетъ соразмѣрно научной глубинѣ и прочности своего базиса. Великія дѣла философовъ были много менѣе плодомъ ихъ ума, чѣмъ плодомъ необыкновеннаго религіознаго духа, который руководилъ ихъ умомъ; истина скорѣе уступила ихъ терпѣнію, любви, простосердію и самоотверженію, чѣмъ ихъ логической проницательности“.

дящая къ курьезнымъ и комичнымъ нелѣпостямъ. На эту статью почтеннаго автора о нравственной дисциплинѣ, обращаемъ особенное вниманіе читателя: это глубоко-вѣрное, и въ то-же время совершенно чуждое многимъ, мнѣніе.

Примѣч. переводч.

*) Вопросъ объ отношеніяхъ религіи и науки,—старый и жгучій вопросъ. Нужно еще много времени, чтобы мнѣніе,—что истинная наука укрѣпляетъ, а не расширяетъ религіозныя основы,—стало-бы общимъ.

Примѣч. переводч.

Не наука нечестива, какъ думаютъ многіе, а нечестиво пренебреженіе къ ней, нежеланіе изучать міръ и творенія, насъ окружающія. Возьмемъ для сравненія самый скромный примѣръ. Представьте себѣ писателя, котораго привѣтствовали бы ежедневно похвалами самаго отборнаго достоинства, расточали-бы диферамбы его мудрости, величію и красотѣ его твореній; представьте себѣ, что эти люди, безъ утомленія хвалящіе его сочиненія, ограничились-бы только созерцаніемъ ихъ обертокъ и ни одну изъ книгъ не развернули-бы не разу и никогда не сдѣлали-бы попытки познакомиться съ ними. Можно-ли цѣнить похвалу такихъ людей? Что можно думать объ ихъ искренности? Поставивъ въ параллель съ малымъ великое, мы увидимъ, что все человѣчество точно такъ-же ведетъ себя по отношнію къ вселенной и ея Творцу; если не такъ же, то еще хуже. Люди не только не трудятся надъ изученіемъ предметовъ, которые они ежедневно провозглашаютъ удивительными, но часто осуждаютъ тѣхъ, которые посвящаютъ свою жизнь наблюденіямъ надъ природой, называютъ ихъ пустыми людьми и даже сердятся на тѣхъ, кто выказываетъ слишкомъ живой интересъ къ чудесамъ природы. Опять повторяемъ, не наука нечестива, а нечестиво пренебреженіе къ ней. Быть преданнымъ наукѣ, означаетъ безмолвно преклоняться передъ нею, безмолвно признавать величіе изучаемыхъ предметовъ, а слѣдовательно и ихъ причины. Это не есть благоговѣніе на словахъ, а благоговѣніе на дѣлѣ, неголословное уваженіе, т. е. уваженіе, доказанное жертвою времени, мысли и труда. Истинная наука не только по этому совершенно религіозна, но и по тому, что порождаетъ въ человѣкѣ глубокое уваженіе и безотчетную вѣру въ то единообразіе дѣйствій. которое обнаруживается всѣми предметами. Вслѣдствіе многочисленныхъ опытовъ, ученый пріобрѣтаетъ непоколебимую вѣру въ неизмѣняемость отношеній между явленіями, въ неизмѣняемость связи между причиной и слѣдствіемъ и, наконецъ, въ неизбѣжность хорошихъ и дурныхъ результатовъ.

Вмѣсто наградъ и наказаній, обѣщанныхъ традиціоннымъ вѣрованьемъ и смутно ожидаемыхъ людьми, съ надеждой получить первыя и избѣгнуть вторыхъ, не смотря на проявляемое ими ослушаніе,—ученый находитъ, что награды и наказанія заключаются въ установленномъ строѣ вещей и что дурные результаты ослушанія въ этомъ случаѣ неизбѣжны. Онъ видитъ, что законы, которымъ мы обязаны подчиняться неумолимо строги и благодѣтельны; въ-то же время онъ видитъ, что подчиненіе имъ влечетъ всегда къ высшему достоинству и полному счастью, вотъ почему онъ постоянно стоитъ за нихъ и негодуетъ, когда ихъ нарушаютъ. Итакъ, признавая вѣчные принципы природы и необходимость подчиненія имъ, ученый заявляетъ себя существенно-религіознымъ. Отмѣтьте, наконецъ, еще черту религіознаго характера науки, именно ту, что она одна можетъ дать намъ понятіе о самихъ себѣ и о нашихъ отношеніяхъ къ тайнамъ существованія; она открываетъ все то, что можетъ быть открыто и указываетъ предѣлъ, за которымъ должно кончаться наше знаніе. *Не путемъ догматическихъ доказательствъ доводитъ она насъ до сознанія невозможности постичь конечную причину вещей, а ясно указываетъ на эту невозможность*, подводя насъ со всѣхъ сторонъ къ рубежамъ, чрезъ которые мы не въ силахъ перешагнуть. Ничто съ такой очевидностью, какъ наука, не убѣждаетъ насъ въ ничтожествѣ ума человѣка передъ тѣмъ, что недоступно ему. Какъ-бы она гордо ни относилась къ людскимъ традиціямъ и авторитетамъ, она смиренно преклоняется передъ непроницаемой завѣсой, которая скрываетъ отъ насъ непостижимое; и тутъ и тамъ она справедливо горда и смиренна, только *дѣйствительно-ученый* (подъ этимъ названіемъ мы подразумѣваемъ ни математика-землемѣра, ни физика-лаборанта и ни кропотливаго зоолога, а такого ученаго, который путемъ низшихъ истинъ доходитъ до высшихъ). *)

*) Какъ видно, подъ терминомъ „дѣйствительно-ученый", авторъ разумѣетъ человѣка съ широкими и глубокими взглядами а не тѣхъ

только настоящій человѣкъ науки можетъ вполнѣ сознавать, на сколько Всемірная Сила стоитъ выше человѣческаго разума и эта сила проявляется въ природѣ жизни и мысли. Изъ всего приведеннаго понятно, что для дисциплины такъ-же, какъ и для руководства, наука неоцѣненна. Во всѣхъ отношеніяхъ много полезнѣе изучать значеніе предметовъ, чѣмъ значеніе словъ; точно также въ умственномъ, нравственномъ и религіозномъ воспитаніи, изученіе окружающихъ явленій неизмѣримо полезнѣе изученія грамматики или словарей.

Отвѣтъ на вопросъ. Итакъ, на вопросъ, который мы задали въ началѣ главы, какимъ знаніемъ мы должны дорожить болѣе всего? единственный отвѣтъ будетъ: **наукой**. Другого приговора во всѣхъ пунктахъ быть не можетъ. Для самосохраненія, т. е. для сохраненія жизни и здоровья, самое необходимое знаніе—это наука; для косвеннаго самосохраненія, которое мы назвали добываніемъ средствъ къ существованію, самое полезное знаніе— это наука; для исполненія родительскихъ обязанностей, лучшимъ руководствомъ служитъ—наука; необходимый ключъ для разъясненія національной жизни, прошедшей и будущей, безъ чего ни одинъ гражданинъ не можетъ регулировать свой образъ дѣйствій—есть наука; необходимую подготовку для созданія совершеннѣйшаго художественнаго произведенія и для умѣнья извлекать высшее наслажденіе изъ искусствъ разнаго рода, мы находимъ опять-таки въ наукѣ; для цѣлей дисциплины умственной, нравственной и религіозной, самымъ существеннымъ знаніемъ опять будетъ наука. Вопросъ, который казался намъ въ началѣ та-

---

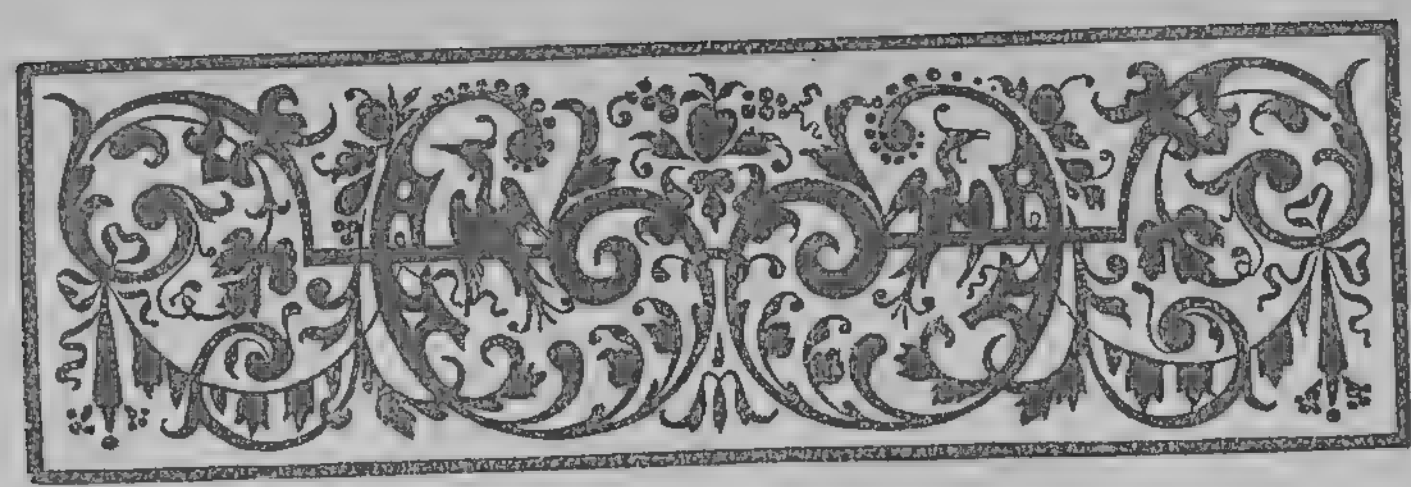
тендеціозныхъ и педантичныхъ работниковъ, которымъ узкость и прямолинейность понятій, мѣшаетъ широко взглянуть на дѣло. По этому поводу намъ припоминается черта покойнаго знаменитаго математика Остроградскаго, который дѣлилъ своихъ слушателей въ Ник. Инж. Академіи (какъ разсказывалъ намъ одинъ академикъ того времени) на *геометровъ* и *землемѣровъ*.

Примѣч. переводч.

кимъ сложнымъ, въ концѣ нашего разбора оказывается, сравнительно, очень простымъ. Намъ не нужно оцѣнивать степени важности различныхъ родовъ дѣятельности человѣка и различныхъ предметовъ знанія, могущихъ подготовитъ насъ къ нимъ, когда мы уже убѣдились, что изучать науку въ самомъ обширномъ ея значеніи—лучшее руководство для всѣхъ родовъ дѣятельности, о которыхъ мы уже упоминали. Намъ нечего рѣшать вопросъ, что необходимѣе: знаніе, которое имѣетъ большую, но условную цѣнность или знаніе, которое имѣетъ меньшую, но существенную цѣнность, такъ какъ мы уже представили доказательства, что знаніе, оказывающееся болѣе цѣннымъ во многихъ отношеніяхъ, есть, конечно, и наиболѣе существенно-цѣнное. Высокое значеніе его не зависитъ отъ чьего-либо мнѣнія; оно точно такъ-же опредѣлено, какъ отношенія человѣка къ міру, его окружающему. Такъ-какъ истины науки необходимы и вѣчны, то весьма понятно, что наука связана неразрывно съ человѣчествомъ. Какъ теперь, такъ прежде и въ будущемъ, человѣчеству всегда было, есть и будетъ необходимо, для регулированія своихъ дѣйствій, изучать науку физической, умственой и соціальной жизни и признавать, что наука жизни есть ключъ ко всѣмъ остальнымъ наукамъ.

И все-же, на это изученіе, которое безконечно превышаетъ своей важностью всѣ другія изученія, въ нашъ вѣкъ суетнаго воспитанія, не обращаютъ почти никакого вниманія. То, что мы называемъ цивилизаціей, никогда-бы не могло возникнуть безъ науки, и между тѣмъ, наука—едва-ли вѣскій элементъ въ воспитаніи, которое у насъ называется цивилизованнымъ. Хотя мы обязаны научному прогрессу, тѣмъ что милиліоны людей находятъ себѣ пропитаніе тамъ, гдѣ въ древнія времена могли прокормиться только тысячи людей, однако изъ этихъ милліоновъ развѣ нѣсколько тысячъ отдаютъ должную справедливость тому, что сдѣлало возможнымъ ихъ существованіе. Не смотря на то, что развитіе знанія о свойствахъ

и взимныхъ отношеніяхъ предметовъ, не только способствовало разрощенію кочующихъ племенъ въ многолюдныя націи. но и доставило безчисленнымъ членамъ этихъ націй, такія удобства и наслажденія, о которыхъ ихъ немногіе голые предки не имѣли и не могли имѣть понятія,—это знаніе только теперь начинаетъ признаваться необходимымъ въ нашихъ высшихъ воспитательныхъ учрежденіяхъ. Мы обязаны своимъ освобожденіемъ отъ цѣпей грубаго суевѣрія постепенному, хотя медленно возростающему, существованію съ систематической послѣдовательностью явленій, а также съ непреложно-установленными законами природы. Если-бы не наука, то мы до сихъ поръ были-бы идолопоклонниками и умилостивляли-бы злыхъ духовъ, принося имъ жертву груды человѣческихъ тѣлъ. И, не смотря на все это, науку, которая дала намъ взамѣнъ нелѣпыхъ понятій о вещахъ, нѣкоторыя идеи о мірозданіи и величіи, богословы преслѣдуютъ въ своихъ сочиненіяхъ и громятъ съ высоты каѳедръ. По этому поводу мы приведемъ одну восточную сказку: въ семьѣ знаній наука является Сандріемоной-работницей, которая скрываетъ всѣ свои непризнанныя достоинства; на нее взвалена вся домашняя работа; благодаря ея уму, искусству и усердію всѣ члены семьи пользуются различными удобствами; неутомимо служа каждому изъ домашнихъ, она всегда остается въ тѣни, между тѣмъ, какъ ея высокомѣрныя сестры щеголяютъ своими тряпками въ глазахъ свѣта. Это еще не конецъ параллели. Мы спѣшимъ къ развязкѣ сказки, т. е. къ тому времени, когда всѣ роли перемѣнятся,—высокомѣрныя сестры очутятся у всѣхъ въ пренебреженіи, которое ими вполнѣ заслужено, а наука, превозглашенная царицей за свою красоту и за свои достоинства, будетъ властвовать безраздѣльно.



ГЛАВА II.

Воспитаніе умственное.

Невозможно, чтобы не было родственной связи между послѣдовательными системами воспитанія и одновременными имъ послѣдовательными условіями общественной жизни. Точно также и учрежденія каждой эпохи, каково-бы ни было ихъ спеціальное назначеніе, должны непремѣнно носить на себѣ отпечатокъ родственнаго сходства, такъ какъ у нихъ одинъ и тотъ-же источникъ происхожденій — національный характеръ. Въ настоящее время уже ребенка не такъ стѣсняютъ разными запрещеніями, какъ бывало прежде, и стараются исправить его не только наказаніями, но другими средствами. Въ эпоху аскетизма, когда люди руководствовались принципами „строгаго воздержанія", и отказывали себѣ въ удовольствіяхъ, думая доказать этимъ свою добродѣтель—они, естественно, считали лучшей системой воспитанія ту, которая больше всего шла наперекоръ проявленіямъ въ дѣтяхъ желаній и словами: „этого не нужно дѣлать", рѣзко останавливали каждый порывъ къ самопроизвольной дѣятельности. Теперь-же, напротивъ, когда счастье признанно законной цѣлью жизни, когда рабочіе часы сокращены и устраиваются народныя развлеченія,—родители и наставники стали понимать, что дѣти

имѣютъ полное право, на удовлетворенія многихъ своихъ желаній, что слѣдуетъ поощрять дѣтскія игры и что въ стремленіяхъ молодого развивающаго ума нѣтъ ничего дурного, какъ думали прежде. Тотъ вѣкъ, въ который всѣ вѣрили, что ремесла надо поддерживать льготами и запрещеніями, что фабрикантовъ надо связать предписаніями относительно количества, качества и цѣны матеріаловъ, которые они производятъ, что денежная валюта должна быть установлена закономъ,—тотъ вѣкъ былъ вѣкомъ общей излюбленной идеи, что умъ ребенка можно развить по своему произволу, что отъ учителя зависитъ надѣлить его всевозможными способностями, что ученикъ,—пріемникъ, куда знанія вкладываются въ видѣ сырого матеріала, изъ котораго учитель сооружаетъ впослѣдствіи зданіе по своему идеалу. Такимъ образомъ старая воспитательная система своимъ гуманнымъ догматизмомъ, суровой дисциплиной и безчисленными ограниченіями была совершенно тождественна съ совершенными ей соціальными системами и, наоборотъ, измѣненіе всѣхъ этихъ характеристическихъ чертъ въ настоящей культурѣ вполнѣ отвѣчаетъ настоящимъ, болѣе раціональнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, учрежденіямъ.

Но существуетъ одно сходство, о которомъ мы до сихъ поръ еще не упомянули, именно,—сходство процессовъ. при помощи которыхъ вырабатывались эти относительныя перемѣны и сходства между разнородными мнѣніями, къ которымъ они привели. Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ существовало полнѣйшее однообразіе религіозныхъ вѣрованій, а также политическихъ и воспитательныхъ принциповъ. Никому и въ голову не приходило усомниться въ достоинствѣ школьной рутины, въ которой воспитывались дѣти. Одна и та-же сила замѣнила однообразіе выше сказанныхъ трехъ направленій постепенно возрастающимъ разнообразіемъ. Стремленіе изъявить свою индивидуальность много способствовало сначала развитію протестанскаго движенія, а затѣмъ порожденію безчисленныхъ сектъ; оно создало политическія партіи, и изъ первоначаль-

ныхъ двухъ *) расплодило ихъ въ настоящее время, множество; оно привело къ беконовскому возстанію противъ школъ, вызвавъ въ Англіи и заграницей большое разногласіе на этотъ счетъ; наконецъ, оно-же произвело раздробленіе однихъ воспитательныхъ методовъ и размноженіе другихъ. Какъ внѣшнія послѣдствія одной и той-же внутренной перемѣны, всѣ эти процессы происходили болѣе и менѣе одновремено. Паденіе авторитетовъ философовъ и учителей представляетъ, въ сущности, одно и то-же явленіе; стремленіе къ свободѣ дѣйствій проявляется одинаково, какъ въ выработкѣ самой перемѣны, такъ и въ новыхъ формахъ теоріи и практики, порожденныхъ ею.

Настоящее составляетъ переходную эпоху. Нѣкоторые, можетъ быть, пожалѣютъ о такомъ размноженіи системъ образованія юношей, но либеральный наблюдатель увидитъ въ этомъ средство, которое обезпечиваетъ окончательное установленіе раціональной системы. Расколъ въ вопросѣ о воспитаніи несомнѣнно долженъ дать хорошіе результаты, такъ какъ раздѣленіе труда помогаетъ его изслѣдовать. Если-бы у насъ существовалъ уже выработанный методъ воспитанія, то, конечно, было-бы весьма вредно уклоняться отъ него, но такъ какъ этого мѐтода еще не доискались, то усилія многихъ, независимыхъ другъ отъ друга, искателей, производящихъ свои изысканія въ различныхъ направленіяхъ, представляютъ лучшее средство для достиженія желаемой цѣли. Каждый изъ насъ, задавшись какой-нибудь новой идеей, болѣе или менѣе основанной на фактахъ, горитъ желаніемъ доказать правиль-

---

*) Т. е. партіи виговъ и партіи торіевъ. Изъ этого и изъ дальнѣйшаго видно, что въ своемъ бѣгломъ очеркѣ исторіи воспитательныхъ принциповъ, авторъ говоритъ только объ Англіи; но то-же самое пережила и вся Западная Европа. Только у насъ въ Россіи все упоминаемое авторомъ совершалось лишь въ теченіе нынѣшняго вѣка, хотя, въ общихъ чертахъ, сходственно съ прочими странами.

Примѣч. переводч.

ность своего плана, усердно трудится надъ разработкой его отдѣльныхъ частей, ничего не жалѣетъ, чтобы громче огласить свой успѣхъ и при этомъ, конечно, безпощадно критикуетъ своихъ конкурентовъ. Безъ сомнѣнія, что усилія, направленныя къ одной цѣли, должны постепенно привести къ истинѣ. Какую-бы часть нормальнаго метода ни открылъ тотъ или другой изслѣдователь, она, при постоянномъ предъявленіи полученныхъ результатовъ, будетъ непремѣнно принята, при чемъ всѣ ошибочныя примѣненія, которыя ранѣе входили въ ея составъ, будутъ, конечно, отвергнуты послѣ нѣкоторыхъ опытовъ, окончившихся неудачами. Изъ этого сочетанія истинъ, очищенныхъ отъ ошибокъ, выработался-бы правильный и полный сводъ педагогическихъ правилъ. Изъ трехъ фазисовъ, черезъ которыя проходятъ человѣческія мнѣнія—единодушіе невѣждъ, разногласіе изслѣдователей, и единогласіе свѣдующихъ людей—очевидно, что второй фазисъ имѣетъ связь съ третьимъ. Они не только послѣдовательны во времени, но и въ причинахъ; поэтому съ какимъ-бы чувствомъ досады мы ни относились къ существующимъ противорѣчіямъ въ воспитательныхъ системахъ, какъ-бы насъ ни огорчало зло, сопровождающее эти противорѣчія, мы все-же должны признать подобное положеніе вещей необходимой переходной ступенью, которая всегда бываетъ благотворна по своимъ результатамъ. Посмотримъ, не сдѣлали-ли мы уже нѣсколько шаговъ впередъ къ цѣли и не принесли-ли намъ пользу пятидесятилѣтнія разсужденія, опыты и сравненія добытаго? Нѣсколько устарѣлыхъ методовъ уже успѣли за это время выйти изъ употребленія, а новые приняты или утверждены; сопоставивъ всѣ происшедшія перемѣны, мы, безъ всякаго сомнѣнія, найдемъ въ нихъ тождественную характеристическую черту—общее стремленіе къ одной цѣли и, такимъ образомъ, съ помощью выводовъ, мы найдемъ нить того направленія, куда насъ ведетъ опытъ, соберемъ указанія, какъ намъ докончить наше дальнѣйшее усовершенствованіе. Въ

видѣ-же вступленія къ болѣе серьезному обсужденію вопроса, посмотримъ, какія существуютъ главныя различія между воспитаніемъ прошедшаго и настоящаго времени.

Упадокъ механическаго метода. Послѣ искорененія одного заблужденія, всегда слѣдуетъ временное увлеченіе другимъ, совершенно противоположнымъ ему. Такимъ образомъ случилось, что послѣ вѣка. когда только и обращали вниманіе на физическое развитіе дѣтей, насталъ другой вѣкъ, въ который ихъ умственное развитіе стало единственной цѣлью родителей, когда двухъ-лѣтнихъ дѣтей сажали уже за книгу, считая нужной вещью пріобрѣтеніе знаній. Затѣмъ, какъ всегда бываетъ. что послѣ одной изъ такихъ реакцій слѣдующій шагъ кончается согласованіемъ противоположныхъ заблужденій. вслѣдствіе сознанія, что это не болѣе, какъ двѣ крайнія точки одной и той же истины,—мы пришли къ убѣжденію, что тѣло и умъ ребенка должны быть предметомъ нашихъ совершенно одинаковыхъ попеченій и что то и другое должны развиваться одновременно. Насильственная система обученія совсѣмъ оставлена очень многими, а преждевременное развитіе дѣтей устрашило всѣхъ своими послѣдствіями. Люди теперь начинаютъ убѣждаться, что самое необходимое для успѣха въ жизни это быть „здоровымъ животнымъ.“ Наилучшій мозгъ, какъ оказывается, мало принесетъ пользы, если въ человѣкѣ недостаточно жизненной энергіи, чтобы заставить его работать. Добиваться развитія ребенка въ ущербъ его мозгу—этому источнику мыслительныхъ способностей—признано теперь безуміемъ, неоспоримымъ доказательствомъ котораго служатъ постоянныя неудачи съ дѣтьми-геніями. *)

*) Здѣсь авторъ намекаетъ на одно изъ весьма печальныхъ явленій: дѣти, считаемые въ школѣ геніями, впослѣдствіи рѣдко выходятъ за предѣлы заурядности. Такого рода ошибки педагоговъ или родителей происходятъ по тому, что они принимаютъ чрезмѣрное, развитіе мозга въ ребенкѣ за геніальность, но это раннее развитіе не только не приноситъ пользы, но даже служитъ во вредъ.

Примѣч. переводч.

Итакъ подтверждается мудрость поговорки, что весь секретъ воспитанія заключается *въ умѣньѣ разумно расходовать время.*

Съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе старинная общепринятая метода заучиванья наизустъ. Всѣ современные авторитеты строго осуждаютъ прежній механическій способъ преподаванія азбуки; таблицу умноженія теперь нерѣдко заставляютъ заучивать практически. Прежняя школьная система изученія языковъ замѣнилась новой, основанной на безсознательномъ процессѣ, посредствомъ котораго ребенокъ выучивается родному языку. При описаніи различныхъ методовъ преподаванія, помѣщенномъ въ отчетѣ одной изъ англійскихъ элементарныхъ школъ (School at Betlbrsea) говорится: „Обученіе у насъ во всѣхъ приготовительныхъ классахъ преимущественно устное, а учителя въ своихъ объясненіяхъ бо̀льшею частью ссылаются на природу.“ То-же самое мы видимъ вездѣ. Система заучиванья наизустъ, подобно другимъ старинным системамъ, придавала болѣе значенія формамъ и символамъ, чѣмъ тому, что подразумѣвалось подъ ними. Отъ дѣтей требовалось только точное повтореніе словъ, а понимаютъ они ихъ или нѣтъ до этого никому не было дѣла. Ясно, что, такимъ образомъ, умъ приносился въ жертву буквѣ. Наконецъ, замѣтили въ этомъ вопросѣ, какъ и въ другихъ, что подобный результатъ не есть случайность: онъ неизбѣженъ—что чѣмъ болѣе вниманія ученикъ обращаетъ на языки, тѣмъ менѣе вникаетъ онъ въ смыслъ того, что они изображаютъ. Не даромъ давно уже Монтаномъ сказано: „Savior par coeur n'est pas savoir“ (затвердить наизустъ не значитъ знать).

Рядомъ съ системой заучиванья наизустъ начинаетъ падать и другая, родственная ей, система преподаванія грамматики. Сначала частности, а затѣмъ обобщенія — таковъ новый методъ, который, по словамъ отчета вышеназванной англійской школы, „составляетъ обратную сторону общепринятаго стариннаго метода—преподавать ребенку прежде всего

правила". Опытъ показалъ, что новая система совершенно раціональна. Заучиванье грамматическихъ правилъ теперь оставлено, какъ чисто-эмпирическое знаніе, которое даетъ дѣтямъ лишь кажующееся, а недѣйствительное понятіе о предметѣ. Получать готовый продуктъ изслѣдованія, обходя самое изслѣдованіе, признано теперь безполезной работой. Чтобы общія истины приносили должную и постоянную пользу, до нихъ нужно дойти самому. Пословица говоритъ: „легко пришло, легко и уйдетъ" и она можетъ быть примѣнена одинаковой къ богатству, и къ знанію. Тогда какъ правила, появившіяся въ умѣ безъ правильнаго обсужденія ихъ безпрестанно забываются, принципы, которые выражены этими правилами, будучи обдуманы и поняты, остаются надолго достояніемъ ума. Молодой человѣкъ, затвердившій одни правила, станетъ втупикъ, попавъ за предѣлы ихъ, тогда какъ сверстникъ его, который обученъ принципамъ, рѣшаетъ всякій новый вопросъ такъ-же быстро, какъ и старый. Между духомъ правилъ и духомъ принциповъ существуетъ точно такая-же разница, какъ между безпорядочной грудой матеріаловъ и тѣми-же самыми матеріалами, расположенными въ одно цѣлое, всѣ части котораго прочно связаны. Изъ этихъ двухъ родовъ знаній, послѣдній не только имѣетъ то преимущество, что составныя части его лучше удерживаются въ памяти, но и то, еще болѣе важное, что этотъ родъ знаній служитъ учащемуся самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ для изслѣдованій, для самостоятельнаго мышленія и для открытій, тогда, какъ первый родъ знаній для подобныхъ цѣлей совершенно безполезенъ. Это не простое сравненіе, а буквальная истина. Организація знаній есть обобщеніе фактовъ и это знаніе взято въ обыкновенномъ смыслѣ; умственная сила измѣряется границами, до которыхъ будетъ доведена упомянутая организація. Замѣна правилъ принципами и обыкновеніе, неизбѣжно возникшее изъ этого—не обременять ребенка отвлеченными выводами, покуда онъ не усвоитъ себѣ фактовъ, изъ которыхъ получились эти выводы,

послужило тому, что нѣкоторые предметы, слишкомъ рано преподававшіеся дѣтямъ, отложены теперь до болѣе поздняго времени. Примѣромъ этого можетъ служить обученіе маленькихъ дѣтей грамматикѣ. Марсель говоритъ: „Можно утвердительно сказать, что грамматика не основной камень знанія а только орудіе для окончательной его отдѣлки". Уайзъ говоритъ: „Грамматика вообще и синтаксисъ въ частности—это собраніе законовъ и правилъ; правила-же почерпаются изъ практики; они—результатъ индукціи, до которой мы доходимъ путемъ долгаго наблюденія и сравненія фактовъ. Въ сущности, эта наука—*философія языка*. Слѣдуя естественному процессу, ни отдѣльныя личности, ни даже цѣлыя націи никогда ни начинали прямо съ науки говорить, и писать стихи начали много лѣтъ раньше, чѣмъ принялись за грамматику и просодію. Люди не держались логики Аристотеля, чтобы разсуждать." Словомъ, такъ какъ языкъ существовалъ уже до появленія грамматики, то изъ этого слѣдуетъ что ее можно преподавать не ранѣе, какъ по хорошемъ ознакомленіи съ языкомъ. Неизбѣжность этого вывода понятна для каждаго, кто признаетъ родство между развитіемъ племенъ и развитіемъ отдѣльныхъ личностей.

Зарожденіе новыхъ методъ. Изъ новыхъ системъ, которыя возникли одновременно съ паденіемъ вышеупомянутыхъ старыхъ, самой главной можно считать систематическое упражненіе наблюдательныхъ способностей. Послѣ ослѣпленія въ теченіи долгихъ вѣковъ люди увидѣли наконецъ, что самопроизвольная дѣятельность наблюдательныхъ способностей въ дѣтяхъ имѣетъ значеніе, и притомъ небезполезное. Что прежде считали безцѣльнымъ дѣйствіемъ, забавой, даже вредной шалостью, смотря по обстоятельствамъ,—теперь признается за процессъ пріобрѣтенія знанія, которое служитъ основаніемъ для послѣдующихъ знаній. Вотъ гдѣ началась *хорошо придуманная*, но *дурно выполняемая* система **нагляднаго обученія.** *) Выраженіе

*) Пресловутая метода нагляднаго обученія, дѣйствительно, за-

Бекона, что „физика мать всѣхъ наукъ", получило теперь значеніе въ дѣлѣ воспитанія. Безъ яснаго ознакомленія съ видимыми и осязаемыми свойствами предметовъ, наши понятія о нихъ будутъ ошибочны, наши дѣйствія ложны и наши выводы безуспѣшны. Вслѣдствіе небрежнаго воспитанія чувствъ, все остальное воспитаніе заражается вялостью, туманностью, узкостью, отъ которыхъ трудно избавиться. Въ самомъ дѣлѣ, если внимательно вникнуть въ дѣло, то убѣдимся, что *изощренная наблюдательность—главный элементъ каждаго большого успѣха.* *) Она необходима для художника, натуралиста и для всѣхъ вообще людей науки, а также и для врача, для правильнаго діогноза; мало того, можно замѣтить что даже философъ основательно наблюдаетъ за родствами предметовъ, которыя не замѣчены другими; можно видѣть, что даже поэтъ открываетъ въ природѣ красоты, на которыя люди тогда только смотрятъ, когда имъ ихъ укажутъ. Да, намъ необходимо признать, какъ существенно нужны эти живыя, полныя впечатлѣнія. Изъ полусгнившаго сухого матеріала нѣтъ возможности создать полный здоровый умъ.

Послѣ того, какъ совсѣмъ вышла изъ употребленія метода представленія дѣтямъ истинъ въ абстрактной или отвлеченной формѣ, былъ принятъ новый методъ опредѣленнаго и конкретнаго представленія предметовъ. Дѣтямъ теперь преподаются основные факты точныхъ наукъ путемъ созерцательнаго изслѣдованія, посредствомъ котораго изучаются вкусы и цвѣта. Возьмемъ для примѣра систему шариковъ,

---

мѣчательна по раціональности своихъ основныхъ положеній, но въ то-же время до какихъ абсурдовъ искусственности дошли утрировщики этой методы въ Германіи и, въ особенности, наши доморощенныя Фребели, бывшіе въ большой модѣ въ 70-хъ годахъ!

Примѣч. переводч.

*) Замѣчательно глубокое и характерное положеніе, которое несомнѣнно должно лечь въ основу раціональной методы воспитанія.

Примѣч. переводч.

употребляемыхъ при урокахъ ариѳметики или способъ, который придумалъ профессоръ де-Моргань для объясненія десятичнаго счисленія. Старая система таблицъ была вполнѣ справедливо отвержена Марселемъ; онъ началъ знакомить дѣтей съ вѣсомъ и мѣрою, показывая имъ настоящіе ярды и фунты, футы и унціи, галлоны и кварты и предоставляя имъ самимъ дѣлать заключенія, чтобы узнать отношенія различныхъ вѣсовъ и мѣръ между собою. Географическія модели могутъ служить для подобной цѣли, а также и модели правильныхъ по своей формѣ тѣлъ, составляющія какъ-бы введеніе въ географію и геометрію. Извѣстно, что общій характеръ этихъ методъ,—подвергать умъ ребенка вліянію тѣхъ процессовъ, чрезъ которые прошелъ умъ всего человѣчества, въ бо̀льшихъ размѣрахъ; конечно, первоначально были выведены изъ наблюденій надъ предметами числовыя истины, законы формъ и ихъ взаимныя отношенія; представлять эти истины и законы ребенку конкретно, значитъ заставлять его итти тою-же дорогою, какою шли его предки наставники; со временемъ увидятъ, что ребенокъ иначе не можетъ усвоить ихъ себѣ. такъ-какъ сколько-бы его ни заставляли повторять отвлеченныя истины, онѣ не будутъ имѣть для него никакого значенія до тѣхъ поръ, пока онъ не удостовѣрится, что онѣ подтверждаютъ то, что онъ видитъ въ дѣйствительности.

Изъ всѣхъ перемѣнъ въ воспитательныхъ началахъ имѣетъ наибольшое значеніе всегдашнее стремленіе наставниковъ и родителей сдѣлать пріятнымъ для дѣтей пріобрѣтеніе знаній, а не дѣлать знаніе для нихъ мучительнымъ. Это стремленіе основано на болѣе или менѣе ясномъ сознаніи, что въ каждомъ возрастѣ здорово только то умственное занятіе, которое нравится и наоборотъ. Въ обществѣ составилось мнѣніе, что проявленіе въ ребенкѣ наклонности къ какому-либо роду знаній служитъ доказательствомъ того, что развивающійся сдѣлался способенъ къ усвоенію такого рода знаній и даже проситъ этого для своего дальнѣйшаго роста, а съ

другой стороны, что отвращеніе къ нѣкоторымъ знаніямъ есть признакъ или того, что ихъ преподаютъ преждевременно ребенку или что ихъ ему сообщаютъ въ неудобопонятной формѣ. Вотъ что послужило поводомъ для педагоговъ сдѣлать раннее воспитаніе пріятнымъ, а слѣдующее за тѣмъ занимательнымъ; вотъ откуда появились лекціи о значеніи игръ, вотъ что послужило началомъ старанію распространять дѣтскія стихотворенія и волшебныя сказки. Мы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе приноравливаемъ наши системы воспитанія къ дѣтскимъ вкусамъ. Теперь очень часто можно услышать вопросы: „будетъ-ли интересовать ребенка то или другое занятіе? Полюбитъ-ли онъ его?“ „Мы не должны стѣснять наклонность дѣтей къ разнообразію, говоритъ Марсель,—но удовлетвореніе ихъ любознательности должны соединять съ пользой“... „Уроки, продолжаетъ онъ, должны прекращаться прежде, чѣмъ ребенокъ выкажетъ признаки утомленія“... Мы замѣчаемъ теперь то-же самое и въ послѣдующемъ воспитаніи. Краткіе, но частые промежутки между уроками, загородныя прогулки, занимательное чтеніе вслухъ, пѣніе хоромъ и другія подобныя нововведенія свидѣтельствуютъ о возникшей перемѣнѣ. Аскетизмъ уничтожается въ воспитаніи, какъ и въ жизни. Всегдашнія попытки настоящаго законодательства поднять уровень народнаго благосостоянія становятся мало-по-малу цѣлью законодателей школы и дѣтской.

Какая общая характеристическая особенность этихъ различныхъ перемѣнъ? Не есть-ли это постоянное усиліе, сообразоваться, насколько возможно строже, съ естественнымъ методомъ. Для этого лучшимъ подтвержденіемъ служитъ отмѣна ранняго насилія ума, противъ чего сама природа явно возстаетъ и предоставленіе полной свободы ребенку въ упражненіи своихъ членовъ и внѣшнихъ чувствъ, замѣна системы заучиванья наизусть словесными уроками и практическими обученіями въ полѣ, во время игръ, замѣна преподаванія правилъ преподаваніемъ принциповъ, т. е. не знакомить ре-

бенка съ обобщеніями, до знакомства съ частными фактами, на которыхъ они основаны, введеніе системы нагляднаго обученія, объясненіе основъ науки въ опредѣленной, а не въ отвлеченной формѣ. Сверхъ того вышеупомянутое стремленіе наставниковъ и родителей обнаруживается въ различныхъ усиліяхъ представить дѣтямъ знаніе въ привлекательной формѣ и этимъ обратить ученіе въ удовольствіе. По закону природы, наслажденіе, сопровождающее удовлетвореніе всѣхъ потребностей, необходимыхъ для живыхъ существъ, служитъ стимуломъ къ ихъ выполненію. То-же самое мы видимъ и въ періодъ самообученія ребенка: удовольствіе, имъ испытываемое, кусая корольки, которые ему надѣты на шею, или ломая игрушки, дѣлается для него своего рода стимуломъ, побуждающимъ его къ такимъ дѣйствіямъ, которыя раскрываютъ ему свойства предметовъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что при выборѣ предметовъ обученія, наиболѣе интересныхъ для ребенка, мы выполняемъ предписанія природы и приноравливаемъ наши дѣйствія къ законамъ жизни. *)

Естественный методъ. Такъ мы приближаемся къ доктринѣ, которая была давно провозглашена знаменитымъ Песталоцци, — методъ и порядокъ воспитанія дѣтей должны неуклонно согласоваться съ естественнымъ процессомъ умственнаго развитія, для самопроизвольнаго развитія способностей существуетъ извѣстная послѣдовательность и нужны извѣстнаго рода знанія и, наконецъ, долгъ воспитателей понять это и дать ученику нужныя знанія. Всѣ раньше упомянутыя улучшенія суть ничто иное, какъ примѣненіе част-

---

*) Основной тезисъ воспитательной системы знаменитаго швейцарскаго педагога Песталоцци,—сдѣлать обученіе ребенка пріятнымъ для него самаго,—есть ничто иное, какъ частное примѣненіе извѣстнаго латинскаго общаго принципа жизни,—„мѣшать пріятное съ полезнымъ.“ Несомнѣнно, что принципъ этотъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлѣ обученія, вполнѣ раціоналенъ, но вопросъ въ опредѣленіи способа, какъ приложить его на практикѣ, согласуя съ другими важными

постей общаго правила; о немъ педагоги имѣютъ очень смутное понятіе, не смотря на то, что педагогическія сочиненія налегаютъ все болѣе и болѣе на эту тему. „Естественный методъ есть первообразъ всѣхъ методовъ", говоритъ Марсель. „Нашимъ жизненнымъ принципомъ должно быть стремленіе къ знанію, какъ приспособить ребенка къ правильному самообученію", пишетъ Уайзъ.

Чѣмъ болѣе знакомитъ насъ наука со строемъ вещей, тѣмъ болѣе открываемъ мы въ нихъ присущей имъ самобытности. Высшее знаніе постоянно преграждаетъ наше вмѣшательство въ процессы жизни. Какъ въ медицинѣ старый „геройскій" способъ лѣченія уступилъ мѣсто лѣченію болѣе осторожному, замѣняемому въ иныхъ случаяхъ, простой, нормальной діетой, безъ всякихъ лѣкарствъ, какъ въ дѣлѣ ухода за новорожденными дѣтьми признается вреднымъ пеленать ихъ на подобіе папуасовъ, какъ признано теперь въ тюрьмахъ, что никакая хитро-придуманная дисциплина не вліяетъ такъ благотворно на заключенныхъ, какъ естественная дисциплина само-поддержки при помощи производительнаго труда,—точно такъ и въ дѣлѣ воспитанія пришли къ убѣжденію, что успѣха можно достигнуть лишь тогда, когда мы подчинимъ свои дѣйствія тому самопроизвольному развитію, чрезъ которое проходитъ умъ каждаго человѣческаго существа на пути къ зрѣлости.

Порядокъ развитія способностей. Безъ сомнѣнія, люди прежде обращали нѣкоторое вниманіе на тотъ основной принципъ обученія, чтобы порядокъ распредѣленія предметовъ и

задачами воспитанія. Этого вопроса не разрѣшилъ и самъ Песталоцци т. е не далъ намъ правильной теоріи обученія, хотя самъ онъ на практикѣ, въ силу своихъ индивидуальныхъ способностей и достигалъ успѣха, который, даже и въ самый ничтожной степени, не дается его послѣдователямъ. Что-же касается до дальнѣйшихъ развитій теоріи Песталоцци, то о нихъ и говорить не стоитъ, такъ какъ они не только не исправляютъ ея недостатковъ, но утрируютъ и даже шаржируютъ ее до смѣшного.

Примѣч. переводч.

метода соотвѣтствовали вполнѣ порядку развитія и степени дѣятельности способностей ребенка, такъ какъ этотъ принципъ до такой степени очевиденъ, что будучи разъ установленнымъ, онъ бросается въ глаза самъ собою.

Наставники неизбѣжно должны были согласовать съ нимъ, до нѣкоторой степени, свои школьные курсы, по той простой причинѣ, что воспитаніе только лишь и возможно при этомъ условіи. Мальчикамъ никогда не преподавали тройнаго правила, пока они не знали хорошо сложенія; ихъ не засаживали за письменныя работы, пока они не умѣли списывать съ прописей; коническимъ сѣченіемъ всегда предшествовалъ Эвклидъ. Но ошибка старыхъ методъ состоитъ въ томъ, что онѣ не признавали въ частности того, что должны были признавать въ цѣломъ, а между тѣмъ означенный принципъ долженъ одинаково примѣняться, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ. Если съ того времени, когда ребенокъ сдѣлается способнымъ понимать относительное положеніе двухъ предметовъ, необходимо, чтобы прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ онъ будетъ въ состояніи усвоить себѣ понятіе о землѣ, какъ о планетѣ, состоящей изъ земли и воды, покрытой, горами, лѣсами, рѣками и городами и вращающейся на своей оси вокругъ солнца; если ребенокъ только лишь постепенно переходитъ отъ одного понятія къ другому и если промежуточныя понятія, имъ пріобрѣтаемыя, послѣдовательно расширяются и усложняются,—не вѣрно-ли, что существуетъ, общій порядокъ, безъ котораго немыслимо такое развитіе, что каждое широкое понятіе образуется отъ соединенія малыхъ, въ немъ-же самомъ заключающихся и что давать мозгу ребенка переваривать всю эту смѣсь понятій прежде, чѣмъ онъ усвоитъ себѣ ея отдѣльныя части, почти также безразсудно, какъ представлять общій выводъ ранѣе начальныхъ понятій. При усвоеніи каждаго знанія нужна извѣстная послѣдовательность въ пріобрѣтеніи все болѣе и болѣе сложныхъ идей. Развитіе соотвѣтствующихъ способностей состоитъ изъ усвое-

ній этихъ идей, что, въ точномъ смыслѣ, невозможно, пока онѣ не улягутся въ мозгу въ нормальномъ порядкѣ.

Если сказанный порядокъ, не будетъ соблюденъ, то получается апатія и отвращеніе къ знанію и если ученикъ не настолько даровитъ, чтобы съумѣть въ будущемъ пополнить пробѣлы,—всѣ сообщенныя ему свѣдѣнія останутся въ его памяти мертвымъ капиталомъ, приносящимъ очень мало пользы, а чаще всего и никакой.

„Такъ для чего-же хлопотать о какомъ-бы то ни было порядкѣ жизни? спросятъ насъ. Если вѣрно, что умъ подобно тѣлу, имѣетъ предназначенный путь къ развитію, если онъ самопроизвольно развивается, если его послѣдовательныя стремленія къ пріобрѣтенію того или другого рода свѣдѣній, зарождаются въ немъ не ранѣе, какъ въ то время, когда они становятся необходимыми для его питанія, если въ немъ самомъ скрывается стимулъ, побуждающій его въ данную пору къ надлежащимъ родамъ дѣятельности,—то для чего вмѣшиваться въ эти процессы? Не лучше-ли предоставить дѣтей всецѣло дисциплинѣ природы? Не лучше-ли намъ сохранять пассивную роль и позволять дѣтямъ пріобрѣтать знанія безъ нашей помощи, насколько хватитъ у нихъ умѣнья? Не лучше-ли намъ оставаться послѣдовательными до конца?“ Странно и задавать подобные вопросы. Съ перваго взгляда, правда, кажется, что система предоставленія полнѣйшей свободы дѣйствій (laisser faire), будучи логическимъ выводомъ изъ вышесказанныхъ доктринъ, сама-же ихъ опровергаетъ, обративъ въ абсурдъ. Но на самомъ дѣлѣ эти доктрины, правильно понятыя, никогда не приведутъ человѣка въ подобное безпомощное состояніе. Одинъ взглядъ на физическія апологіи намъ это ясно докажетъ. На основаніи общаго закона жизни, чѣмъ сложнѣе развивающійся организмъ, тѣмъ продолжительнѣе для него бываетъ то время, когда онъ находится въ зависимости отъ родственнаго ему организма относительно пищи и защиты. Разница между крошечной быстро

зарождающейся и самодвигающейся спорою питчатки и медленно развивающимся сѣменемъ дерева съ его многосложными покровами и обильнымъ запасомъ пищи, предназначенной для питанія зародыша во время первыхъ степеней его роста, лучше всего объясняетъ этотъ законъ, въ его примѣненіи къ царству растительному. Тотъ-же самый процессъ можно прослѣдить и въ царствѣ животныхъ и притомъ въ цѣлой серіи противоположностей, начиная съ монады, самопроизвольно отдѣлившіяся половинки которой, съ первой минуты ихъ отдѣленія, дѣлаются такъ-же, самостоятельны какъ и первоначальное цѣлое, до человѣка включительно, плодъ котораго, ребенокъ, не только проходитъ черезъ длинный періодъ зачаточнаго состоянія, и затѣмъ, долго кормится груднымъ молокомъ, но тогда даже, когда выучится самъ питаться, требуетъ, чтобы пища, одежда и жилище доставлялись для него другими, такъ-какъ способность къ самоподдержкѣ пріобрѣтается имъ не ранѣе, какъ въ возрастѣ между 15 и 20 годами. Законъ этотъ примѣненъ одинаково, какъ къ уму, такъ и тѣлу. Относительно умственной пищи, каждое существо высшаго разряда и, главнымъ образомъ, человѣкъ, вначалѣ вполнѣ зависитъ отъ помощи взрослыхъ. Не умѣя еще двигаться, ребенокъ такъ-же безсиленъ добывать себѣ матеріалы для упражненія своихъ понятій, какъ и добывать пищу для своего желудка. Неспособный еще изготовлять себѣ пищу, онъ точно также не способенъ къ усвоенію различныхъ знаній и нуждается въ приведеніи ихъ предварительно въ правильный порядокъ. Языкъ, съ помощью котораго передаются всѣ высшія истины, и тотъ берется имъ всецѣло отъ окружающихъ людей.

Примѣръ дикаго мальчика изъ Эвейрона показываетъ, до какой степени можно задержать умственное развитіе ребенка, если онъ лишенъ помощи родителей или няньки. *) Лучшее

---

*) Еще лучшимъ доказательствомъ этого положенія можетъ служить случай въ Индіи, удостовѣренный лондонскимъ антрополог.

средство для развитія ума и тѣла дѣтей состоитъ въ умѣньѣ запасать изо-дня въ день необходимый разрядъ фактовъ, распредѣленныхъ въ надлежащемъ порядкѣ и питать ими въ достаточномъ количествѣ дѣтей въ опредѣленное время. Первою обязанностью родителей является соблюденіе всѣхъ условій, необходимыхъ для роста ребенка. Какъ при снабженіи его пищей, одеждой и жилищемъ они могутъ выполнять эту обязанность, нисколько не препятствуя самопроизвольному развитію его членовъ и пищеварительныхъ органовъ, точно также доставляя ему звуки для подражанія, предметы для взора, книги для чтенія, задачи для рѣшенія,—они могутъ все это исполнить, не насилуя ни прямо, ни косвенно умъ ребенка, отнюдь не нарушая естественнаго процесса, умственнаго развитія, а наоборотъ, содѣйствуя и помогая ему. Изъ этого видно, что принятіе вышесказанныхъ доктринъ ни мало не отрицаетъ обученіе дѣтей, какъ могли-бы подумать нѣкоторые, а наоборотъ оно скрываетъ обширное поле для дѣятельнаго курса образованія.

Система Песталоцци. Переходя отъ общихъ мѣстъ къ частнымъ соображеніямъ, мы не можемъ не замѣтить, что система Песталоцци едва-ли осуществила на практикѣ обѣщаніе своей теоріи. Говорятъ, что дѣти, которыхъ воспитываютъ по этой системѣ, мало интересуются уроками и даже какъ-бы имѣютъ къ нимъ отвращеніе. Изъ собранныхъ свѣдѣній оказывается, что изъ школъ, которыя основалъ Песталоцци вышло немного замѣчательныхъ людей. Для насъ это нисколько не удивительно. Успѣхъ каждаго дѣла зависитъ отъ разумнаго веденія его; всѣмъ извѣстно, что худой ремесленникъ, какіе-бы дорогіе инструменты ему ни были даны, непремѣнно испортитъ

обществомъ. Мальчикъ (двухъ-трехъ мѣс. отъ рожд.), унесенный волчицею и воспитываемый ею до 10—12 лѣтъ не проявлялъ никакихъ человѣческихъ способностей и даже ползалъ на четвереникахъ.

Примѣч. переводч.

свою работу; то-же самое плохой учитель, при наилучшемъ методѣ, ничего путнаго не сдѣлаетъ: въ этомъ случаѣ главной причиной неуспѣха бываетъ достоинство метода. Простая механически-рутинная система, которая никогда не измѣняется, можетъ быть ввѣрена людямъ обыкновенныхъ способностей и она въ ихъ рукахъ принесетъ нѣкоторую пользу, но законченная система, разнообразная въ своихъ примѣненіяхъ въ такой-же степени, какъ разнообразны умъ и способности, система, которая предлагаетъ спеціальныя знанія для всякой спеціальной цѣли человѣка, требуетъ такихъ дарованій для своего успѣшнаго выполненія, какія имѣютъ весьма немногіе преподаватели. Каждая учительница женской школы съумѣетъ дать урокъ чтенія по складамъ; самый плохой школьный учитель можетъ заставить мальчиковъ затвердить таблицу умноженія; но, толкуя значеніе буквъ вмѣсто ихъ названій, для того, чтобы дѣти знали правильно склады, или для пріученія ихъ къ численному соображенію практическими задачами, для этого необходима извѣстная степень пониманія дѣла. Для веденія такого раціональнаго курса, въ программу котораго входятъ всѣ научные предметы, нужно столь много соображенія, изобрѣтательности, разумнаго сочувствія къ дѣлу и способности къ анализу, что мы рискуемъ никогда не встрѣтить подходящей личности къ этому идеалу, покуда учительская должность будетъ у насъ находится въ такомъ пренебреженіи. Только настоящій философъ можетъ дать настоящее воспитаніе. Судите сами, какіе шансы въ данное время имѣетъ философскій методъ для своего существованія. На какой успѣхъ при столь недостаточныхъ познаніяхъ въ психологіи и даже при полномъ невѣжествѣ учителей по этой части, можетъ разсчитывать система, основанная на психологіи?

Ошибочность системы Песталоцци въ примѣненіи ея на практикѣ. Промахи и неудачи, которые обнаружились впослѣдствіи, возникли изъ-за того, что принципъ Песталоцци стали

смѣшивать съ пріемами, которые его выражали. Оттого только, что частные планы не оправдали ожиданій, родилось недовѣріе къ доктринѣ, тѣсно съ ними связанной; но никто не доискивался, вполнѣ-ли эти планы согласны съ доктриной. Обсуждая, по обыкновенію, эту теорію съ опредѣленной, а не съ отвлеченной точки зрѣнія, люди осудили ее за то, что она оказалась нелѣпой на практикѣ. Невольно вспоминаешь при этомъ, какъ первые неудачные опыты надъ паровой машиной были приняты за доказательство того, что паръ нельзя употреблять какъ двигательную силу. *) Надо всегда имѣть въ виду, что Песталоцци, не взирая на справедливость основныхъ идей своего метода, часто самъ ошибался въ примѣненіи ихъ къ дѣлу. По словамъ его приверженцевъ, онъ былъ односторонній изслѣдователь, у котораго иногда проявлялись проблески прозорливости, но систематикомъ его никакъ нельзя назвать. Его первый громадный успѣхъ въ Станцѣ (городъ кантона Унтервальдена, въ Швейцаріи) былъ пріобрѣтенъ въ такое время, когда у него не было ни книгъ, ни другихъ руководствъ къ обученію и когда,—по его собственнымъ словамъ,—единственной цѣлью его было доискаться, въ какихъ именно свѣдѣніяхъ больше всего нуждаются дѣти въ каждомъ возрастѣ и какой лучшій способъ связать эти свѣдѣнія съ тѣми знаніями, которыя бываютъ у дѣтей. Главная сила Песталоцци заключалась не въ зрѣло обдуманныхъ планахъ дѣтскаго образованія, а въ глубокой симпатіи его къ дѣтямъ, помогавшей ему всегда быстро угадывать ихъ потребности и затрудненія. У него не хватало способности логически согласовать и развивать истины, которыя открывались отъ времени до времени и въ большинствѣ случаевъ, онъ предоставлялъ разработку

---

*) Дѣйствительно, надо сознаться, что послѣдователи Песталоцци развивая его теоретическія положенія (а въ развитіи ихъ онъ и самъ запутывался), дошли до геркулесовыхъ столповъ нелѣпости, раболѣпствуя передъ формами и совершенно игнорируя самую суть доктрины.

Примѣч. переводч.

ихъ своимъ помощникамъ Краузе, Таблеру, Буссу, Нидереру и Шмидту; вслѣдствіе этого его собственные планы въ частностяхъ и ихъ дополненія, которыя придумали его ассистенты, отличаются иногда крайнею незрѣлостью и необстоятельностью. Его „методъ для дѣтскихъ", который описанъ въ „Руководствѣ матерямъ", начинается какъ и слѣдуетъ перечисленіемъ различныхъ частей человѣческаго тѣла, затѣмъ идетъ объясненіе ихъ относительнаго положенія и взаимной связи, но въ сущности этотъ методъ не вполнѣ согласуется съ первоначальными степенями развитія ума.

Его способъ преподаванія родного языка, посредствомъ рутинныхъ упражненій въ заучиваньѣ словъ и въ построеніи фразъ, совершенно безполезенъ и ведетъ ученика къ напрасной потери времени и труда. Его образцовые уроки географіи совершенно не въ духѣ его метода; нерѣдко самые здравые его планы или страдаютъ неполностью свѣдѣній, или испорчены примѣсью остатковъ старой системы. Оттого, отдавая должную справедливость достоинствамъ доктринъ Песталоцци въ цѣломъ, мы думаемъ, что можетъ произойти большой вредъ, если его отдѣльные методы будутъ приняты безъ всякой оцѣнки. Стремленіе, которое выказываютъ люди постоянно,— благоговѣть передъ формами и примѣненіями, въ образѣ которыхъ имъ была завѣщана какая либо истина, ихъ привычки падать ницъ передъ пророкомъ и клясться каждымъ его словомъ, ихъ наклонность смѣшивать оболочку идеи съ самой идеей,—вызываютъ необходимость еще разъ напомнить и подтвердить, что между основными принципами системы Песталоцци и рядомъ способовъ, которые предназначаются для примѣненій, существуетъ большая разница. На первую мы должны смотрѣть какъ на фактъ, который уже установился, а на вторые, какъ на слегка набросанный очеркъ нормальнаго курса. И, правда, стоитъ только обратить вниманіе на уровень нашихъ знаній для убѣжденія, что справедливо, мнѣніе которое мы сейчасъ высказали. Прежде того, чѣмъ добиться со-

гласованія характера и порядка воспитательныхъ методовъ съ формой и порядкомъ развитія человѣческихъ способностей, нужно точно узнать, какъ именно *развиваются* эти способности. До сихъ поръ мы имѣли объ этомъ лишь нѣкоторыя общія понятія; эти общія понятія нужно разсмотрѣть подробно въ видѣ множества частныхъ задачъ, чтобы мы имѣли право сказать, что обладаемъ той *наукой,* на которой зиждется искуство воспитанія. И тогда, когда мы окончательно узнаемъ, въ какой послѣдовательности, при какихъ условіяхъ умственныя способности начинаютъ свою дѣятельность, намъ останется только выбрать изъ различныхъ способовъ упражненій въ каждой изъ нихъ тотъ, который ближе всего подходитъ къ естественному процессу. Изъ всего этого видно, что наши самые усовершенствованные способы преподаванія не только не правильны, но даже и не близки къ правильнымъ.

Получивъ понятіе о различіи между принципами и практическими пріемами Песталоцци и сдѣлавъ изъ предъидущихъ доказательствъ выводъ, что пріемы эти весьма неудовлетворительны,—читатель надлежащимъ образомъ оцѣнитъ недовольство системой Песталоцци, которое уже многіе заявили и убѣдится, что осуществленіе его идей—еще пока задача будущаго. Если-бы кто сталъ утверждать, на основаніи всего вышесказаннаго, что въ настоящее время нечего и думать о подобномъ осуществленіи и, что намъ нужно посвятить себя всецѣло предварительнымъ изслѣдованіямъ, то мы возразимъ на это, что хотя и нѣтъ возможности усовершенствовать содержаніе или пріемы полной системы образованія, пока не установится раціональная психологія, однако, все-таки существуетъ способъ, при помощи извѣстныхъ руководящихъ принциповъ, сдѣлать эмпирическія попытки, приближенія къ совершенству. Для приготовленія пути къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ разберемъ эти принципы подробно. Относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ мы болѣе или менѣе упомянули выше, а теперь изложимъ ихъ въ логическомъ порядкѣ.

Законы умственнаго развитія: 1) Въ воспитаніи мы должны переходить отъ простого къ сложному — это такая истина, которая до нѣкоторой степени, всегда соблюдалась, хотя безсознательно и непослѣдовательно. Умъ, развиваясь подобно всѣмъ развивающимся предметамъ, идетъ прогрессивно отъ однороднаго къ разнородному и, значитъ, нормальная воспитательная система, будучи объективно соотвѣтственной частью субъективнаго процесса, должна итти тѣмъ-же путемъ. Сверхъ того, объясняя ее подобнымъ образомъ, мы замѣтимъ, что упомянутая формула имѣетъ гораздо болѣе обширное примѣненіе, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. *Сущность* ея требуетъ нетолько нашего перехожденія отъ простого къ сложному при изученіи каждой отрасли знанія, но и того, чтобы мы точно такъ-же поступали и относительно знанія въ цѣломъ. Человѣческій умъ въ раннемъ возрастѣ, обладаетъ очень немногими дѣятельными способностями; впослѣдствіи, въ немъ постепенно начинаютъ выказывать свою дѣятельность новыя, позднѣе пробудившіяся, способности и, наконецъ, проявляется ихъ одновременная совмѣстная дѣятельность. Точно такъ-же и въ воспитаніи нужно начинать обученіе съ нѣсколькихъ предметовъ, къ нимъ постепенно надо прибавлять другіе и, наконецъ, одновременно учить всѣмъ предметамъ. Итакъ, повторяемъ, воспитаніе должно итти отъ простого къ сложному нетолько въ частностяхъ, но и въ цѣломъ. *)

2) Переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, составляетъ сущность всякаго и развитія вообще развитія ума въ частности. Слѣдуя общему порядку развитія человѣческаго ор-

*) Это положенія, за рѣдкими исключеніями, всегда упускается изъ виду составителями программъ учебныхъ курсовъ. По каждому отдѣльному предмету у насъ болѣе или менѣе соблюдается послѣдовательность перехода отъ простого къ сложному, но въ общемъ эта послѣдовательность нарушается, ослабляя такимъ образомъ значеніе послѣдовательности въ частностяхъ.

Примѣч. переводч.

ганизма, мозгъ бываетъ окончательно развитъ только въ пору человѣческой зрѣлости; сообразно этой неоконченности, въ дѣятельности его обнаруживается неопредѣленность. Вотъ и причина, отчего первыя попытки ребенка говорить, первыя понятія и мысли очень нерѣшительны и неопредѣленны. Какъ зрѣніе неразвитаго глаза не идетъ дальше отличія свѣта отъ темноты и затѣмъ уже прогрессивно доходитъ до способности зорко различать разнаго рода степени цвѣтовъ и подробности формъ, точно такъ-же и умъ, въ цѣломъ и въ каждой отдѣльной своей способности, начинаетъ съ грубаго различенія предметовъ и дѣйствій, и послѣ того переходитъ къ бо̀льшей точности.

Всѣ наши курсы и методы должны согласоваться съ этимъ общимъ закономъ. Неразвитый умъ дѣтей не слѣдуетъ набивать преждевременными идеями. Дѣтямъ передаютъ съ малолѣтства словесныя формы, которыя облекаютъ эти идеи, и учителя, прибѣгающіе къ такому способу обученія, воображаютъ, что когда словесныя формы заучены твердо, то вмѣстѣ съ ними усвоиваются и идеи, которыя заключены въ нихъ; но бѣглый экзаменъ любого ученика этой школы докажетъ сейчасъ-же противное: вы увидите, что ребенокъ, или затвердилъ наизусть слова, не понимая ихъ смысла, или получилъ весьма неясное понятіе о томъ, что его принудили выучить. Точное опредѣленіе какого-нибудь болѣе точнаго знанія тогда только дѣлается доступно учащемуся, когда, благодаря многочисленнымъ опытамъ, онъ получилъ достаточное количество матеріаловъ для опредѣленныхъ понятій, когда онъ изъ году въ годъ, при помощи наблюденій, откро̀етъ неясные для него признаки, которые отличаютъ предметы отъ процессовъ, до сихъ поръ смѣшиваемые имъ, когда онъ изучитъ каждый отдѣлъ одновременныхъ существованій и ихъ послѣдовательность посредствомъ повторенія относящихся къ нему явленій и, наконецъ, когда различные роды отношеній будутъ имъ точно опредѣлены посредствомъ ихъ взаимнаго

ограниченія. При элементарномъ воспитаніи дѣтей мы должны довольствоваться передачей дѣтямъ самыхъ поверхностныхъ понятій; по мѣрѣ того, какъ дѣти станутъ рости, надо стараться глубже разъяснить эти понятія, облегчая имъ пріобрѣтенія опытности, при помощи которой, они исправятъ сначала самыя грубыя свои ошибки, а затѣмъ прогрессивно будутъ исправлять и менѣе очевидныя свои заблужденія. Что-же касается до трудныхъ научныхъ формулъ, то ихъ не слѣдуетъ сообщать дѣтямъ ранѣе, чѣмъ ихъ умственныя понятія достаточно разовьются.

3) Говорить, что при обученіи дѣтей слѣдуетъ начинать съ опредѣленныхъ знаній и кончать отвлеченными, значитъ, повторять то, что уже сказано у насъ въ первомъ изъ предыдущихъ положеній. Между тѣмъ это повтореніе необходимо, хотя-бы ради той цѣли, чтобы опредѣлить до извѣстной степени, что именно подразумѣвается подъ словами: простое или сложное, ибо, къ сожалѣнію, въ этомъ случаѣ встрѣчается много недоразумѣній. Люди вообразили, что придуманныя ими общія формы для выраженія нѣсколькихъ группъ подробностей, чрезвычайно упрощающія понятія, вслѣдствіе соединенія нѣсколькихъ фактовъ въ одинъ, точно также упростятъ и понятія дѣтей. Они забыли, что обобщеніе *просто* только по сравненію съ цѣлой массой отдѣльныхъ истинъ, которыя въ нихъ заключаются, но, что оно болѣе *сложно*, чѣмъ всѣ эти истины, взятыя отдѣльно, что оно облегчаетъ память и помогаетъ разсудку, тогда только, когда умъ человѣческій усвоилъ себѣ многія отдѣльныя истины, и что, наконецъ, для ума, который незнакомъ съ этими простыми истинами, всякое обобщеніе останется недоступной тайной. Смѣшивая эти два рода упрощеній, учителя всегда ошибались въ томъ отношеніи, что начинали обученіе дѣтей съ „основныхъ принциповъ“; такой образъ дѣйствій отклоняется существенно, хотя незамѣтно, отъ основнаго закона, который требуетъ, чтобы принципы врѣзывались въ умъ ребенка чрезъ посредство примѣровъ и такимъ образомъ, па-

правляли-бы его отъ частнаго къ общему отъ опредѣленнаго (конкретнаго) къ отвлеченному (абстрактному).

Умственное развитіе человѣчества: 1) Воспитаніе ребенка, какъ относительно формы, такъ и относительно порядка, должно вполнѣ соотвѣтствовать воспитанію человѣчества, которое разсматривается съ исторической точки зрѣнія. Другими словами, зарожденіе и развитіе знанія въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ должно итти тѣмъ-же путемъ, какимъ шло зарожденіе и развитіе знанія въ цѣлой расѣ. Въ строгомъ смыслѣ слова, на этотъ принципъ можно уже смотрѣть, какъ на осуществившійся отчасти, потому что оба означенные процесса, будучи процессами развитія, должны подчиняться однимъ и тѣмъ-же общимъ вышеупомянутымъ законамъ и, слѣдовательно, должны согласоваться между собой. Эта замѣчательная параллель драгоцѣнна для насъ, какъ специфическое руководство. Позитивистъ Контъ, кажется, первый указалъ на него и мы смѣло можемъ принять этотъ пунктъ его философіи, отнюдь не обязываясь соглашаться съ остальными ея пунктами. Эту доктрину могутъ поддержать два довода, которые совершенно не зависятъ отъ какой-бы то ни было отвлеченной теоріи, или ихъ двухъ, даже взятыхъ отдѣльно, вполнѣ достаточно для безусловнаго ея признанія. Изъ закона наслѣдственной передачи вытекаетъ первый доводъ, который разсматривается въ самомъ обширномъ смыслѣ, такъ какъ, если правда, что люди напоминаютъ своихъ предковъ или наружностью или характеромъ, если правда, что извѣстныя умственныя явленія, какъ напримѣръ, сумасшествіе, обнаруживаются въ цѣломъ поколѣніи одного и того-же семейства, въ одинъ и тотъ-же возрастъ; если переходъ отъ отдѣльныхъ случаевъ, гдѣ черты многихъ умершихъ предковъ, сливаясь въ чертахъ живыхъ потомковъ, какъ-будто опровергаютъ законъ наслѣдственной передачи, мы обратимся къ національнымъ типамъ и замѣтимъ, какъ упорно держится различіе между ними; когда мы вспомнимъ, что всѣ націо-

пальные типы происходятъ отъ одного общаго корня и что существующее теперь рѣзкое различіе между ними, по всей вѣроятности, произошло отъ вліянія видоизмѣняющихъ обстоятельствъ на послѣдовательныя поколѣнія, передавая, въ свою очередь накопленные признаки своимъ потомкамъ, при нашемъ убѣжденіи, что типическое разнообразіе сдѣлалось теперь органическимъ, т. е. что французскій ребенокъ выростаетъ французомъ, хотя-бы онъ былъ воспитанъ среди иностранцевъ, на чужой сторонѣ и если, наконецъ, общій фактъ, который объяснили эти примѣры, вѣренъ во всѣхъ отношеніяхъ,—то изъ этого слѣдуетъ, что при существованіи порядка, которому человѣчество подчинило различные роды знаній, въ каждомъ ребенкѣ непремѣнно должна проявляться наклонность къ пріобрѣтенію всѣхъ этихъ знаній въ томъ-же порядкѣ. Если-бы этотъ порядокъ, по существу своему не былъ такъ важенъ, то все-же онъ много-бы помогалъ воспитанію, облегчая проведенію ума каждой отдѣльной личности по всѣмъ ступенямъ, пройденнымъ умомъ человѣчества. Но дѣло въ томъ, что означенный порядокъ и по существу своему въ высшей степени важенъ и вотъ гдѣ скрывается основная причина, отчего воспитаніе дѣтей должно быть повтореніемъ цивилизаціи всего человѣчества въ малыхъ размѣрахъ. Существуютъ доказательства на оба факта, какъ на тотъ, что историческая послѣдовательность, въ своихъ главныхъ чертахъ, была необходима для развитія человѣчества, такъ и на тотъ, что причины, которыя ее опредѣляли, имѣли такое-же вліяніе на ребенка, какъ и на расу. Мы не станемъ подробно разбирать эти причины, а ограничимся только указаніемъ одной,—именно: такъ какъ умъ всего человѣчества, поставленный въ среду явленій и постоянно стремящійся постигнуть ихъ, дошелъ, наконецъ, специфическимъ путемъ, послѣ безконечныхъ сравненій, соображеній, опытовъ и теорій, до настоящаго пониманія каждаго предмета, то мы изъ этого можемъ вывести разумное заключеніе, что тѣсное родство между умомъ и явленіями

никогда не допустило-бы человѣка достигнуть этого понимания какимъ-либо инымъ путемъ,—таково его свойство. А такъ какъ умъ каждаго ребенка состоитъ въ такомъ-же родствѣ съ явленіями, то и ему, для доступа къ пониманію ихъ, открытъ тотъ-же путь. Слѣдовательно, при выборѣ вѣрнаго метода обученія дѣтей, намъ много можетъ помочь изслѣдованіе метода цивилизаціи человѣчества.

5) Такой родъ изслѣдованія, приведетъ насъ между прочимъ, къ тому заключенію, что въ каждой отрасли образованія мы должны начинать съ эмпирическаго и кончать раціональнымъ. При общечеловѣческомъ прогрессѣ, каждая наука развивалась изъ соотвѣтстующаго ей искусства *). Вслѣдствіе необходимости, въ которую поставлены, какъ отдѣльныя личности такъ и цѣлыя расы, достичь обстрактнымъ путемъ конкретнаго, оказывается, что практическія упражненія и увеличивающаяся опытность съ ея эмпиричискими обобщеніями должны предшествовать наукѣ. Наука есть знаніе, которое преведено въ систему; но для этого надо сначала пріобрѣсти знаніе. Итакъ, изученіе каждаго предмета есть ничто иное, какъ экспериментальное введеніе въ науку, обсужденіе-же его начинается не раньше, какъ по накопленіи значительнаго запаса наблюденій. Какъ на примѣръ, объясняющій способъ примѣненія этого правила, мы можемъ указать на принятое въ нынѣшнихъ школахъ обыкновеніе прежде обучать дѣтей языку, а затѣмъ уже грамматикѣ и давать имъ первыя понятія о перспективѣ посредствомъ практическихъ упражненій въ рисованіи, а не наоборотъ. Приведемъ дальнѣйшія примѣненія этого правила.

---

*) Чтобы уяснить себѣ мысль почтеннаго автора, необходимо понимать слово *искусство* не въ узкомъ его значеніи, какъ артистической способности доставлять эстетическое наслажденіе, а въ болѣе широкомъ, — въ смыслѣ всякаго вообще умѣнья дѣлать то или другое практическое дѣло. Въ этомъ смыслѣ, медицина (искусство лечить) развила анатомію, физіологію, химію и т. д., строительное искусство, — механику, математику и т. д., астрологія (искусство гадать

Польза самообученія. 6) Второй выводъ изъ предыдущаго общаго правила, еще болѣе важный по своему значенію, состоитъ въ томъ, что родители должны содѣйствовать всѣми мѣрами процессу саморазвитія въ своихъ дѣтяхъ, должны всегда заставлять ихъ дѣлать свои собственныя изслѣдованія и выводить свои собственныя заключенія. *Разсказывать* дѣтямъ нужно какъ можно меньше и какъ можно больше понуждать ихъ самихъ дѣлать открытія. Человѣчество шло впередъ единственно при помощи самообученія, и, для достиженія наибольшихъ успѣховъ въ жизни, умъ каждаго человѣка долженъ развиваться отчасти тѣмъ-же порядкомъ, — это постоянно подверждается успѣхами людей-*самоучекъ*. Тотъ, кто воспитывался по рутинной системѣ старинныхъ школъ и вынесъ убѣжденіе, что воспитаніе возможно только въ этомъ духѣ, никогда не добьется, чтобы изъ дѣтей его вышли *самоучки*. Если-же, наоборотъ, люди хорошенько обдумаютъ, что самонужнѣйше знаніе—понятіе объ окружающихъ предметахъ—пріобрѣтается ребенкомъ въ самые ранніе годы безъ посторонней помощи, если они вспомнятъ, что дитя привыкаетъ самоучкой понимать родной языкъ, если они оцѣнятъ какъ слѣдуетъ, то количество житейской опытности—этой внѣшкольной мудрости,—которое каждый мальчикъ пріобрѣтаетъ самъ собой, если они захотятъ обратить вниманіе на необычайную сметливость заброшенныхъ всѣми уличныхъ мальчишекъ Лондона,—сметливость, которая обнаруживается при

по звѣздамъ),—астрономію, небесную механику и т. д. Такимъ образомъ, авторъ утверждаетъ, что человѣчество тогда только развивало ту или иную отрасль знаній, когда являлось практическое дѣло, для выполненія котораго она необходима. По нашему мнѣнію, это не совсѣмъ справедливо и хотя, дѣйствительно, тѣ или другія практическія задачи представляютъ собою могучій стимулъ къ развитію соотвѣтствующихъ отраслей знаній, но тѣмъ не мѣнѣе часто простая любознательность, жажда познаванія порождаетъ знаніе ради самого знанія, а не ради выполненія практическихъ задачъ.

Примѣч. переводч.

каждомъ удобномъ случаѣ, если они дадутъ себѣ трудъ подумать, сколько умовъ вышло безъ посторонней помощи съ побѣдой и славой изъ борьбы не только съ тайнами нашей неразумно-сложившейся жизни, но и съ тьмою другихъ препятствій,—они вполнѣ убѣдятся въ разумности слѣдующаго заключенія: какъ-бы ученикъ ни былъ малоспособенъ, но если ему правильно объяснять предметъ съ самаго начала, то онъ побѣдитъ всѣ послѣдующія затрудненія, почти безъ постороней помощи. Есть-ли возможность слѣдить за посторонними наблюденіями, изслѣдованіями, выводами, которые происходятъ въ умѣ ребенка, слышать его остроумныя, замѣчанія о тѣхъ предметахъ, которые доступны его пониманію и не убѣдиться, что если-бы эту понятливость систематически направить на научные предметы, также *доступные* его пониманію, то онъ скоро достигъ-бы ихъ безъ содѣйствія другихъ? Необходимость объяснять понѣскольку разъ одно и то-же происходитъ отъ нашей собственной безтолковости, а не отъ тупости ребенка. Мы отрываемъ его отъ интересныхъ для него фактовъ, которые онъ дѣятельно набираетъ самъ собой и предлагаемъ ему взамѣнъ ихъ другіе, слишкомъ трудные для его разума и потому возбуждающіе въ немъ отвращеніе. Замѣчая, что предложенныя нами свѣдѣнья воспринимаются ребенкомъ неохотно, мы стараемся вбить ихъ ему въ голову посредствамъ угрозъ и наказаній, лишаемъ его знаній, которыя для него пріятны, пичкаемъ такими, которыхъ его мозгъ не въ состояніи переварить, вслѣдствіе чего обнаруживается болѣзненное ослабленіе способностей, которое сопровождается отвращеніемъ къ знанію вообще. Ребенокъ, по нашей милости, дѣлается апатиченъ и лѣнивъ; подавленный непосильными затѣями, онъ положительно ничего не можетъ понять безъ объясненій и становится пассивнымъ пріемникомъ нашего обученія; видя все это, мы продолжаемъ утверждать, что воспитаніе непремѣнно должно держаться метода толкованій. Этимъ методомъ мы сдѣлали ребенка безпомощнымъ и увѣряемъ, что мы при-

бѣгли къ нему вслѣдствіе этой безпомощности. Понятно, что не одинъ опытный педагогъ не станетъ опровергать защищаемой нами системы. Для каждаго изъ нихъ понятно теперь, что мы безъ опасенія можемъ слѣдовать во всѣхъ случаяхъ дисциплинѣ природы, что мы можемъ, ловко направляя умъ дѣтей, заставлять его саморазвиваться въ позднѣйшемъ возрастѣ такъ-же, какъ и въ раннемъ и, наконецъ, что при такомъ способѣ мы можемъ вызвать въ дѣтяхъ высшее проявленіе силы и дѣятельности ума.

Естественный методъ всегда возбуждаетъ интересъ въ дѣтяхъ. 7) Послѣднимъ мѣриломъ, при обсужденіи какой-бы то ни было воспитательной системы, является вопросъ: произведетъ-ли она пріятное впечатлѣніе на воспитанника? Если есть хотя малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что принятый способъ обученія вполнѣ согласуется съ вышеупомянутыми принципами, то можно въ этомъ случаѣ положиться на чутье дѣтей. Хотя-бы предложенная система или учебный курсъ, разсмотрѣнные теоретически, показались намъ наилучшими, но если они не возбуждаютъ интереса въ дѣтяхъ или даже только менѣе ихъ интересуютъ, чѣмъ другіе системы и курсы, мы обязаны отвергнуть ихъ, такъ-какъ интеллектуальные инстинкты дѣтей всегда надежнѣе нашихъ собственныхъ разсужденій. *) По отношенію къ способностямъ познаванія мы вполнѣ можемъ положиться на общій законъ, что, при нормальныхъ условіяхъ, здоровая дѣятельность доставляетъ удовольствіе, тогда какъ дѣятельность мучительная—

*) Такой выводъ, по нашему мнѣнію, крайне рискованъ. Почтенный авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что въ возбужденіи интереса въ дѣтяхъ къ тѣмъ или инымъ знаніямъ, помимо *прямыхъ* причинъ т. е. метода, надлежащаго умственнаго развитія ученика и т. п., играютъ роль еще и причины *косвенныя*, каковы напр. исключительная склонность ученика къ той или иной отрасли знаній (у даровитыхъ учениковъ это явленіе заурядно), поглощеніе въ данное время всѣхъ мыслительныхъ способностей ученика какимъ-либо частнымъ вопросомъ, возбуждающимъ въ немъ особенный ин-

нездорова. Хотя съ этимъ закономъ не совершенно согласуется природа душевныхъ движеній ребенка, но его природа умственная, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ ее выказываетъ, совсѣмъ подчиняется ему. Отвращеніе къ тому и другому предмету занятій, которое обыкновенно вызываетъ досаду въ учителѣ, не есть прирожденное ребенку чувство, но результатъ неблагоразумной системы наставника. Феленбергъ говоритъ: „Опытъ научилъ меня, что вялость въ молодыхъ людяхъ такъ радикально противоположна ихъ естественной наклонности къ дѣятельности, что если она не есть послѣдствіе дурного воспитанія, то она непремѣнно находится въ связи съ какимъ-нибудь органическимъ порокомъ. Самопроизвольная дѣятельность, къ которой дѣти выказываютъ такую наклонность, есть просто стремленіе къ удовольствіямъ, которыя получаются черезъ здравое упражненіе физическихъ и умственныхъ способностей. Правда, нѣкоторыя изъ умственныхъ силъ, еще мало развитыя вообще въ человѣчествѣ и составляющія принадлежность только небольшого числа передовыхъ, особенно развитыхъ личностей, неохотно иногда подчиняются усиленнымъ упражненіямъ, которымъ ихъ подвергаютъ; но онѣ, вслѣдствіе ихъ сложности, при нормальномъ курсѣ образованія, всегда упражняются послѣдними, поэтому на нихъ не бываетъ спроса до тѣхъ поръ, пока ученикъ не достигнетъ того возраста, когда могутъ быть пущены въ ходъ побудительныя средства, и тогда косвенное удовольствіе перетянетъ прямое удовольствіе. Имѣя дѣло съ дѣтьми мало развитыми, нужно привыкать къ самому нормальному стимулу,—немедленному удовольствію послѣ уси-

---

тересъ и т. д. Вообще при примѣненіи какой-бы то ни было теоріи, а теоріи воспитанія въ частности, крайне рискованно отвергать самую теорію, если опытъ почему-либо не удается; въ этомъ случаѣ гораздо благоразумнѣе доискаться причинъ неудачи и постараться устранить ихъ.

Примѣч. переводч.

ленной дѣятельности; у благоразумнаго и умѣлаго педагога въ другомъ стимулѣ не окажется надобности; если-же приходится искать другого, то это вѣрное доказательство, что наставникъ на ложномъ пути. Ежедневный опытъ ясно свидѣтельствуетъ, что нужно всегда стараться, чтобы методъ обученія былъ не только занимателенъ, но чтобы онъ доставлялъ наслажденіе ребенку, потому что по всѣмъ даннымъ этотъ методъ самый нормальный и полезный."

Для большинства людей, изложенные нами руководящіе принципы будутъ всегда имѣть мало значенія, если мы ихъ оставимъ въ такой отвлеченной формѣ. Отчасти для того, чтобы упростить ихъ примѣненіе примѣрами, отчасти съ цѣлью дать читателю нѣсколько полезныхъ совѣтовъ мы предложимъ ему перейти отъ теоріи воспитанія къ практикѣ.

Умственное воспитаніе необходимо начинать съ дѣтства. *) Мнѣніе, которое высказалъ Песталоцци и до сихъ поръ сильно распространенное, заключается въ томъ, что всякаго рода воспитаніе должно начинаться съ колыбели. Тотъ, кто наблюдалъ внимательно за взглядомъ широко-раскрытыхъ глазъ малютки при разсматриваніи окружающихъ его предметовъ, конечно, согласится, что воспитаніе уже начинается съ этой поры, совершенно независимо отъ воли родителей, что способности хватать и брать въ ротъ каждую вещь, какая попадется ему подъ руку, прислушиваться съ раскрытымъ

---

*) На эти строки и на статью о наглядномъ обученіи обращаемъ особенное вниманіе читателя: это чуть-ли не единственная безпристрастная, строго-позитивная разработка этой, какъ мы уже упоминали, раціональной системы воспитанія, такъ изуродованной прямолинейностью и раболѣпствованіемъ передъ внѣшними формами и пріемами авторитетовъ, безъ всякаго пониманія сути дѣла и безъ логичности выводовъ. Все это сдѣлало систему нагляднаго обученія искусственной до смѣшного, прямо даже нелѣпой, не только въ практическихъ ея примѣненіяхъ безталанными воспитателями, но даже и въ педагогической литературѣ.

Примѣч. переводч.

ротикомъ къ каждому звуку,—составляютъ первую ступень способностей, которыя проявляются впослѣдствіи въ открытіи невидимыхъ планетъ, въ изобрѣтеніи счетныхъ машинъ, въ созданіи художественныхъ произведеній живописи, въ сочиненіи симфоній и оперъ. Такъ-какъ дѣятельность всѣхъ этихъ способностей первоначально самопроизвольна и неизбѣжна, то вопросъ заключается въ томъ, не обязаны-ли мы доставлять матеріалы въ надлежащемъ разнообразіи, на которыхъ могли-бы упражняться эти способности сами собою? На вопросъ, который такъ поставленъ, нельзя отвѣтить иначе, какъ утвердительно. Мы уже говорили выше, что, соглашаясь съ теоріей Песталоцци, мы нисколько не обязаны соглашаться съ его практическими пріемами; теперь, именно, и является такой случай. Разсуждая объ обученіи ребенка складамъ, онъ говоритъ такъ: „азбука должна заключать въ себѣ всѣ звуки родного языка, а изученіе ихъ должно начинаться съ ранняго дѣтства, надо, чтобы ребенокъ, учащійся азбукѣ, какъ можно чаще повторялъ эти звуки другому ребенку, который еще въ колыбели, прежде даже чѣмъ тотъ будетъ въ состояніи произнести одинъ изъ нихъ; это необходимо для того, чтобы звуки, вслѣдствіе частаго повторенія, крѣпче запечатлѣлись въ его умѣ“.

Песталоцци включилъ все это въ число другихъ наставленій, которыя изложены въ его книгѣ „Руководство для матерей“, въ отдѣлѣ „методъ для дѣтской“, гдѣ онъ совѣтуетъ съ перваго-же урока объяснять ребенку названія, положеніе, связь, число, свойства и назначеніе членовъ человѣческаго тѣла. Этимъ онъ высказывалъ свои незрѣлыя понятія о раннемъ умственномъ развитіи дѣтей, а потому нечего было ждать отъ него разумнаго плана воспитанія.

Разсмотримъ теперь курсъ, который устанавливаетъ психологія. Самыя раннія впечатлѣнія, которыя воспринимаются умомъ ребенка, состоятъ изъ неразложимыхъ ощущеній, производимыхъ свѣтомъ, звукомъ и т. д. Понятно, что

разложимое состояніе сознанія не можетъ существовать до самаго сознанія, изъ котораго оно образуется. Невозможно получить никакой идеи о формѣ, пока не усвоишь нѣкотораго понятія о свѣтѣ, о различныхъ степеняхъ и свойствахъ его, равно какъ и о различныхъ силахъ сопротивленія предметовъ. Точно также нельзя понять составного звука, пока не изучишь простыхъ звуковъ, которые его образуютъ. То-же самое происходитъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Слѣдуя указаннымъ образомъ необходимому закону прогрессивнаго перехода отъ простого къ сложному, мы должны доставлять ребенку достаточное количество предметовъ, которые представляютъ различные роды и степени сопротивленія, достаточное количество предметовъ, которые отражаютъ свѣтъ различной силы и различныхъ свойствъ, наконецъ, достаточное количество звуковъ, которые различны по силѣ, тону и тембру.

Насколько такое заключеніе à priori подтверждается дѣтскими инстиктами, будетъ для всякаго понятно, кто вспомнитъ удовольствіе, съ которымъ каждый ребенокъ грызетъ свои игрушки, ощупываетъ блестящія пуговицы на курточкѣ брата, дергаетъ отца за усы, пристально разглядываетъ ярко раскрашенный предметъ, называя его „цаца“, какъ его личико весело улыбается во время припѣвовъ и прибаутокъ няни или прищелкиванія пальцами гостя или вообще при какомъ-нибудь звукѣ, который онъ услышалъ въ первый разъ. По счастью обыкновенные пріемы кормилицъ и нянекъ удовлетворяютъ до извѣстной степени этимъ первымъ требованіямъ воспитанія. Многое, впрочемъ, предстоитъ выполнить впослѣдствіи, и то, что остается сдѣлать, гораздо важнѣе, чѣмъ это кажется съ перваго раза. Каждая способность, въ періодъ самопроизвольной дѣятельности, которая сопровождаетъ развитіе ребенка, воспринимаетъ всѣ впечатлѣнія гораздо живѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ возрастѣ. Кромѣ того, такъ какъ ребенку нужно усвоить эти простые элементы

и такъ-какъ на ихъ усвоеніе нужно время, то для сбереженія его необходимо посвятить первые годы младенчества— когда невозможна никакая другая умственная дѣятельность,— на полнѣйшее ознакомленіе съ этими началами, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ. Не забудемъ и того случая, что здоровье и характеръ ребенка очень много выигрываютъ отъ постояннаго удовлетворенія его достаточнымъ количествомъ впечатлѣній, которыя всегда имъ жадно воспринимаются.

Здѣсь можно-бы дать нѣсколько совѣтовъ относительно систематическаго содѣйствія развитію этихъ простѣйшихъ понятій, но размѣръ предлагаемаго сочиненія не позволяетъ входить въ такія подробности и оттого укажемъ только на то, что каждое подобное содѣйствіе, на основаніи общаго закона перехода отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, должно руководиться слѣдующимъ правиломъ: такъ-какъ при развитіи всякой способности самыя рѣзкія противоположныя впечатлѣнія познаются ранѣе прочихъ, то, значитъ, ребенку раньше всего надо давать понятія о звукахъ, которые наиболѣе различны между собою по силѣ, а затѣмъ о цвѣтахъ, которые рѣзко противоположны другъ другу, о веществахъ, которыя далеко неодинаковы по мягкости и твердости; во всякомъ случаѣ переходъ къ болѣе близкимъ по сходству между собой впечатлѣніемъ долженъ совершаться постепенно.

Наглядное обученіе. Наглядное обученіе, очевидно, составляетъ естественное продолженіе элементарнаго курса начальнаго развитія внѣшнихъ чувствъ. Нобходимо при этомъ замѣтить что система, этого обученія, которую мы здѣсь приняли, идетъ въ разрѣзъ съ методомъ природы, который проявляется въ одинаковой формѣ въ дѣтствѣ, въ зрѣломъ возрастѣ и во всемъ ходѣ человѣческой цивилизаціи. Вотъ, что пишетъ Марсель: „Ребенку надо *показывать* какимъ образомъ связаны между собою всѣ части каждаго предмета“ и т. д. а въ различныхъ руководствахъ, которыя касаются нагляднаго обученія, мы видимъ обширные перечни фактовъ, о которыхъ намъ совѣ-

туютъ *разсказывать* ребенку по поводу каждаго изъ окружающихъ его предметовъ; между тѣмъ довольно одинъ разъ взглянуть на ежедневную жизнь ребенка, чтобы убѣдиться, что всѣ понятія о вещахъ, которыя пріобрѣтены имъ раньше, чѣмъ онъ выучится говорить, пріобрѣтаются сами собою; что твердость и вѣсъ извѣстныхъ предметовъ, особыя формы и примѣты близкихъ ему людей, издаванія извѣстнаго рода звуковъ животными извѣстнаго вида,—все это явленія, которыя подмѣчаетъ самъ ребенокъ. Точно такъ-же и въ зрѣломъ возрастѣ, когда уже подъ рукою нѣтъ болѣе учителей, наблюденія и выводы, которые ежечасно необходимы для нашего руководства, должны дѣлаться безъ посторонней помощи; *успѣхъ въ жизни зависитъ отъ точности и полности, съ которыми они совершаются.* *) Возможно-ли, чтобы въ періодъ развитія человѣка, между дѣтствомъ и возмужалостью, происходилъ процессъ, который совершенно противоположенъ процессу, происходящему въ развитіи всего человѣчества вообще и обнаруживающемуся одинаково, какъ въ ребенкѣ, такъ и во взросломъ, притомъ въ такихъ простыхъ вещахъ, какъ понятія о свойствахъ предметовъ? Не ясно-ли, наоборотъ, что и тамъ и здѣсь нужно держаться одного и того-же метода? Не навязываетъ-ли намъ этотъ методъ сама природа?

Намъ не хватаетъ только смѣтливости и покорности, чтобы угадать ея желаніе и понять его. Не бросается-ли въ глаза стремленіе ребенка найти въ старшихъ умственное сочувствіе? Посмотрите, какъ онъ, сидя у васъ на колѣняхъ, суетъ вамъ свою игрушку прямо въ лицо, чтобы вы обратили на нее свое вниманіе; какъ онъ оглядывается и смотритъ на васъ, проведя по столу своимъ мокрымъ пальчикомъ и производя

---

*) Это весьма мѣткое замѣчаніе авторъ уже высказалъ выше (см. стр. 79 и прим.). Мы вторично обращаемъ вниманіе читателя на это основное положеніе раціональной системы воспитанія, игнорированіе котораго,—существенный недостатокъ современныхъ методовъ.
Примѣч. переводч.

скрипъ; проведетъ и оглянется, точно хочетъ сказать: „слышишь,какъ скрипитъ?“ Посмотрите теперь на дѣтей постарше; они толпою ворвались въ комнату и кричатъ: „мама, погляди, какая странная штука! мама, посмотри на то, посмотри на это!“ Они никогда-бы не кончили, если-бы безтолковая мать не запретила-бы имъ ее безпокоить. Замѣчайте дальше: дѣтей отпустили гулять съ няней; каждый изъ дѣтей бѣжитъ показать нянѣ цвѣтокъ, который онъ нашелъ, восхищается его красотой и требуетъ, чтобъ она такъ-же сказала, что онъ хорошенькій. Послушайте, съ какимъ увлеченіемъ, и какъ бойко иной мальчуганъ описываетъ что-нибудь новое, которое онъ видѣлъ въ первый разъ, особенно, если встрѣтитъ внимательнаго слушателя. Не есть-ли это прямой результатъ индукціи? Не понятно-ли послѣ этого, что мы должны согласовать курсъ обученія съ этими умственными инстинктами, должны систематизировать природный процессъ, обязаны спокойно выслушивать все, что ребенокъ хочетъ намъ сказать о каждомъ предметѣ, должны заставлять его высказывать все то, что онъ объ нихъ думаетъ, должны, при случаѣ, обращать его вниманіе на факты, которые онъ не успѣлъ еще замѣтить, съ цѣлью, чтобы онъ ихъ самъ замѣтилъ, гдѣ-бы и въ какое-бы время они ни попались ему на глаза; должны постепенно ему указывать на новые факты, для такого-же внимательнаго изслѣдованія ихъ? Вотъ, какъ умная мать, руководствуясь этимъ правиломъ, должна воспитывать своего маленькаго мальчика. Шагъ за шагомъ она его знакомитъ съ названіями самыхъ простыхъ свойствъ предметовъ: твердостью, мягкостью, цвѣтомъ, вкусомъ и размѣромъ и т. д. при этомъ она замѣчаетъ, что ребенокъ самъ усердно помогаетъ ей; принесетъ одну вещь, чтобы показать, что она красная, приметъ другую для пробы, что она жесткая и все это онъ дѣлаетъ такъ быстро, что мать едва поспѣваетъ называть ему, каждое свойство предметовъ. Замѣтивъ какой-нибудь новый отличительный признакъ въ предметѣ, который принесенъ

ему, она старается обратить на него вниманіе ребенка и указать на связь между этимъ признакомъ и другими, извѣстными ему такъ что по прирожденной склонности къ подражанію, мальчикъ незамѣтно привыкаетъ повторять названіе свойствъ одно за другимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда при опредѣленіи добытаго предмета онъ забудетъ назвать одно или нѣсколько извѣстныхъ ему свойствъ, мать спрашиваетъ его, нѣтъ-ли еще чего сказать объ этомъ предметѣ. Если ребенокъ не вдругъ пойметъ вопросъ матери, она дастъ ему время подумать, за тѣмъ назоветъ то, что онъ забылъ и, подъ часъ посмѣется надъ его забывчивостью. Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ опытовъ мальчикъ смекаетъ въ чемъ дѣло и когда въ слѣдующій разъ, мать скажетъ, что она знаетъ болѣе, чѣмъ онъ, о принесенной имъ вещи, это задѣнетъ его самолюбіе, онъ пристально посмотритъ на мать, припоминая то, что она прежде ему говорила и такъ-какъ задача нетрудна, то онъ вскорѣ ее рѣшаетъ. Мальчикъ въ восторгѣ отъ своей побѣды и мать искренно ему сочувствуетъ; со свойственнымъ всѣмъ дѣтямъ увлеченіемъ онъ радуется открытію въ себѣ способности угадывать, жаждетъ новыхъ побѣдъ и бѣжитъ отыскивать новые предметы, чтобы имѣть случай показать ихъ матери. По мѣрѣ того, какъ развертываются способности ребенка, мать сообщаетъ ему одно свойство за другимъ, пополняя перечень ихъ; отъ твердыхъ и мягкихъ тѣлъ она переходитъ къ шероховатымъ и гладкимъ, отъ цвѣта къ лоску, отъ однородныхъ тѣлъ къ составнымъ; постепенно усложняя задачу, соразмѣрно развитію въ мальчикѣ способностей разсуждать, мать постоянно возбуждаетъ его вниманіе и память, всегда поддерживаетъ въ немъ интересъ новымъ запасомъ впечатлѣній, которые доступны дѣтскому уму и всегда радуетъ его, доставляя ему случаи преодолѣвать трудности, которыя соразмѣрны его силамъ.

Дѣйствуя такимъ образомъ, она, собственно говоря, осуществляетъ только тотъ самопроизвольный процессъ, проис-

ходящій въ болѣе ранній періодъ или иначе, она помогаетъ саморазвитію ребенка тѣмъ именно способомъ, который указываютъ ей инстинктивныя побужденія. Очевидно также, что усвоенный ею пріемъ лучше всего приспособленъ къ развитію основательнаго наблюденія — этой главной цѣли нагляднаго обученія. *Разсказывать* и *показывать* ребенку то и другое не значитъ учить его наблюдать, а значитъ дѣлать его просто пріемникомъ чужихъ наблюденій; такого рода образъ дѣйствій скорѣе ослабляетъ, чѣмъ усиливаетъ способность къ самообученію; онъ лишаетъ дѣтей удовольствія,—непремѣннаго послѣдствія успѣшной дѣятельности; онъ обращаетъ то, что составляетъ привлекательную сторону знанія, въ форменное обученіе. *) Вотъ отсюда и происходитъ равнодушіе, даже отвращеніе, которое нерѣдко чувствуется дѣтьми къ урокамъ нагляднаго обученія, тогда, какъ, слѣдуя вышеприведенному способу, мы даемъ уму дѣтей свойственную пищу, умственнымъ стремленіямъ—ихъ естественныхъ помощниковъ—самолюбіе и потребность сочувствія; совокупнымъ дѣйствіемъ всего этого мы возбуждаемъ въ дѣтяхъ напряженную внимательность, которая ведетъ къ живому и полному разумѣнію; главное-же, мы пріучаемъ умъ съ самаго начала къ самодѣятельности, которая необходима каждому человѣку во всѣ періоды его жизни. Наглядное обученіе не только должно преподаваться совершенно инымъ образомъ, чѣмъ тѣмъ, который принятъ у насъ, но должно кромѣ того распространяться на гораздо болѣе обширный рядъ предметовъ и продолжать много дальше, чѣмъ это принято въ нашихъ школахъ. Уроки

---

*) Эта основныя причины непригодности и даже нелѣпости *разсказываній* и *показываній*, такъ горячо отстаиваемыхъ узировщиками системы нагляднаго обученія, ускользаютъ отъ вниманія многихъ и они, видя искусственность фребелевскихъ ухищреній (да еще въ топорной переработкѣ нашихъ доморощенныхъ фребелистовъ), отрицаютъ и самую основую этой системы воспитанія.

Примѣч. переводч.

не должны ограничиваться внутренностью жилища,—въ ихъ рамку должны входить и поля, и луга съ изгородями и каменоломни, и морской и рѣчной берегъ. Ихъ не нужно прекращать въ первые годы дѣтства, но продолжать и въ годы юности, чтобъ ученика незамѣтно довести до степени любознательности натуралиста или ученаго. Здѣсь опять-таки мы должны итти по пути, который указала намъ природа. Нельзя себѣ представить ничего выше восторга дѣтей, когда имъ попадется новый цвѣтокъ или новое насѣкомое, неизвѣстный камушекъ или незнакомая раковина! Вы тотчасъ замѣтите, что, выказавъ сочувствіе этимъ восторгамъ, вы поощряете дѣтей къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ свойствъ и строеній предметовъ, которыя уже были названы раньше. Каждый ботаникъ, котораго дѣти сопровождали по полямъ и лугамъ, конечно, замѣчалъ, съ какимъ увлеченіемъ они раздѣляли его труды, какъ старательно отыскивали растенія для него, какъ внимательно наблюдали за нимъ, пока онъ ихъ разсматривалъ, какимъ множествомъ вопросовъ засыпали его. Каждый серьезный послѣдователь Бэкона — служитель и толкователь природы — согласится, что мы должны принять безъ разсужденій вышеуказанный курсъ образованія. Познакомивъ ребенка съ простѣйшими свойствами неорганическихъ веществъ, нужно вести его тѣмъ-же путомъ къ внимательному изслѣдованію предметовъ, которые ежедневно попадаются ему во время прогулокъ, при чемъ надо указывать ему сначала на наименѣе сложные факты, такъ, напримѣръ, въ растеніяхъ: на цвѣтъ, число, форму лепестковъ, строеніе стеблей и листьевъ; у насѣкомыхъ: на число крыльевъ, ногъ, усиковъ и окраску тѣла. Когда ребенокъ все это пойметъ и усвоитъ прочно, можно постепенно сообщать ему дальнѣйшіе факты: говоря о цвѣтахъ, называть число тычинокъ и пестиковъ, обращать его вниманіе на формы цвѣтовъ, на лучистую и двухстороннюю симметрію ихъ вѣнчиковъ, на расположеніе и свойство листьевъ, на то, попеременные они или ростутъ

въ противоположныя стороны, сидятъ ли они на стеблѣ или на своемъ собственномъ черешкѣ, гладкіе они или шероховатые, пильчатые, зазубренные или зубчатые; говоря о насѣкомыхъ. можно называть всѣ части ихъ тѣла, объяснять раздѣленіе брюшной стѣнки, особыя мѣтки на крыльяхъ, число суставовъ въ ихъ ножкахъ и форму прочихъ, болѣе мелкихъ органовъ; словомъ, надо всегда придерживаться такой системы, чтобы ребенокъ могъ съ гордостью похвалиться, что онъ въ состояніи разсказать о каждомъ найденномъ имъ предметѣ все, что только есть въ немъ замѣчательнаго.

Позднѣе, по достиженіи ребенкомъ извѣстнаго возраста, можно показать, въ видѣ награды ему, какимъ образомъ сохраняются растенія,—занятіе, очень сильно интересующее его, вслѣдствіе уже пріобрѣтенныхъ имъ познаній въ ботаникѣ; затѣмъ, какъ еще высшую награду за прилежаніе, можно подарить ему приборъ, который необходимъ для храненія обыкновенныхъ бабочекъ и мотыльковъ въ періодъ ихъ превращенія и ухода за ними,—занятіе, какъ мы это лично готовы засвидѣтельствовать, которое доставляетъ дѣтямъ невыразимое наслажденіе въ теченіи многихъ послѣдующихъ лѣтъ. Такой приборъ, вмѣстѣ съ составленной коллекціей насѣкомыхъ, придаетъ большую прелесть энтомологическимъ экскурсіямъ и служитъ превосходнымъ введеніемъ къ физіологіи. Мы такъ и ждемъ возраженій, что занятіе подобнаго рода есть только потеря времени и напрасная трата дѣтскихъ силъ, что было-бы гораздо полезнѣе занимать дѣтей перепиской прописей или заучиваньемъ цифръ для подготовленія ихъ въ практической, дѣловой жизни. Намъ грустно всей душой, что до сихъ поръ у насъ еще господствуютъ такія незрѣлыя идеи о задачѣ воспитанія и такія узкія понятія о пользѣ. Не говоря уже о необходимости систематической культуры мыслительныхъ способностей и о цѣнности вышеупомянутыхъ занятій, которыя вполнѣ удовлетворяютъ этой культурѣ. мы готовы отстаивать ее хотя-бы ради знанія, которое пріобрѣ-

тается чрезъ ея посредство. *) Если-бы людямъ было предназначено быть только чиновниками-счетоводами, безъ всякихъ понятій о чемъ-либо другомъ, кромѣ своего ремесла, то имъ ничего не оставалось-бы дѣлать, какъ слѣдовать примѣру тѣхъ тунеядцевъ, для которыхъ понятіе объ удовольствіяхъ сельской жизни заключается только въ возможности сидѣть въ общественномъ саду съ трубкой въ зубахъ и съ кружкою эля передъ собой, или усвоить себѣ взгляды тѣхъ помѣщиковъ, которые считаютъ лѣса ничѣмъ инымъ, какъ мѣстомъ охоты, а дикія растенія сорными травами и подраздѣляютъ животныхъ на дичь, гадовъ и скотовъ. Тогда, весьма понятно, не было-бы никакой надобности изучать предметы, которые не прямо способствуютъ наполненію денежныхъ ларцевъ и кладовыхъ. Если-же существуетъ въ жизни другая, болѣе высокая, цѣль, чѣмъ быть поденьщикомъ, если предметы, которые насъ окружаютъ, могутъ намъ доставить другую пользу, кромѣ денежной, если въ человѣкѣ могутъ быть развиваемы болѣе благородныя стремленія, чѣмъ жажда пріобрѣтенія и чувственныя удовольствія, если удовольствія, которыя доставляются поэзіей, искусствами, наукой и философіей, имѣютъ какое-нибудь значеніе,—то очень желательно, чтобы наставники и родители энергически поощряли инстинктивную наклонность почти каждаго ребенка наблюдать красоты при-

---

*) Мы вполнѣ соглашаемся съ почтеннымъ авторомъ, что естествознаніе, преподаваемое указаннымъ способомъ, представляетъ собою могучій стимулъ умственной культуры въ широкомъ смыслѣ этого слова; въ возрастѣ до 13—14 лѣтъ естествознаніе,—даже единственная развивающая отрасль наукъ, но позднѣе на первомъ планѣ (опять-таки въ смыслѣ умственной культуры) должны стоять математика, логика, словесность, теологія, и т. п. Что-же касается до значенія первоначальныхъ занятій по естествовѣденію, какъ *знанія*, то всѣ доводы автора по этому вопросу мы считаемъ только лишь личнымъ взглядомъ, и при томъ взглядомъ нелишеннымъ партійности и запальчивости.

Примѣч. переводч.

роды и добиваться причинъ всѣхъ явленій. Послѣдователи грубаго утилитаризма, которые проповѣдуютъ, что человѣку надо довольствоваться своимъ появленіемъ на свѣтъ, и покидать его, не давъ себѣ труда узнать, что такое обитаемый нами міръ и изъ чего онъ состоитъ,—могутъ быть разбиты на ихъ-же собственной почвѣ. Рано или поздно всѣ признаютъ, что знаніе законовъ жизни много важнѣе всякаго другого знанія, что на законахъ жизни основаны не только физическіе и умственные процессы, но и, косвеннымъ путемъ, даже все, что происходитъ въ человѣческихъ жилищахъ и внѣ ихъ, всѣ торговыя сдѣлки, политическіе переговоры, нравственные перевороты, и что, слѣдовательно, безъ пониманія этихъ законовъ нѣтъ возможности регулировать ни личный, ни общественный образъ дѣйствій. Современемъ, также будетъ понято людьми, что законы жизни, въ сущности, одни и тѣ-же для всего органическаго міра и, затѣмъ, что они не могутъ быть поняты, какъ слѣдуетъ, въ ихъ сложныхъ проявленіяхъ, пока мы не изучимъ ихъ въ простыхъ; когда люди убѣдятся въ этомъ, то увидятъ также, что помогая ребенку пріобрѣтать внѣшнія свѣдѣнія, къ которымъ онъ выказываетъ такое горячее стремленіе, и поощряя увеличеніе этихъ свѣдѣній въ пору его юности, мы просто побуждаемъ его къ накопленію сырого матеріала, который онъ впослѣдствіи приведетъ въ порядокъ, къ накопленію фактовъ, съ помощью которыхъ онъ дойдетъ, современемъ, до великихъ обобщеній науки, которыя могутъ правильно руководить его дѣйствіями.

Первыя попытки въ рисованіи. Мнѣніе, что рисованіе составляетъ одинъ изъ элементовъ воспитанія, уже принятое многими, служитъ отраднымъ признакомъ того, что въ обществѣ начинаютъ распространяться болѣе раціональные взгляды на умственное образованіе дѣтей. Кромѣ этого, можно сказать, что и учителя пошли, наконецъ, по пути, который имъ давно уже указала природа. Всѣ знаютъ самопроизвольныя попытки дѣтей рисовать человѣчковъ, дома, деревья и живот-

ныхъ, которые имъ попадались на глаза, на аспидной доскѣ, а не то карандашемъ на бумагѣ, если имъ удается выпросить его у старшихъ. Для ребенка нѣтъ бо̀льшего удовольствія, какъ разсматривать книги съ картинами; непобѣдимая наклонность къ подражанію всегда вызываетъ въ немъ желаніе нарисовать самому точно такія-же картинки. Это усиліе передать на бумагѣ тѣ предметы, которые его поразили, свидѣтельствуютъ о дальнѣйшемъ инстинктивномъ упражненіи мыслительныхъ способностей, ведущемъ къ еще болѣе точной и полной наблюдательности. Своимъ стараніемъ заинтересовать насъ сдѣланнымъ ими открытіемъ, что такіе-то предметы имѣютъ такіе то признаки и своими попытками изобразить все это на картинкѣ, дѣти намъ прямо указываютъ, какого рода должно быть образованіе, въ которомъ они нуждаются больше всего.

Если-бы учителя руководствовались внушеніями природы не только въ признаніи рисованія элементомъ воспитанія, но и въ выборѣ метода въ преподаваніи его, они-бы добились лучшихъ результатовъ. Что именно охотнѣе всего рисуетъ ребенокъ? Крупные, особенно, ярко раскрашенные предметы или такіе, съ которыми связаны самыя пріятныя для него воспоминанія: маленькихъ, большихъ, худенькихъ, толстыхъ человѣчковъ, коровъ, кошекъ и собакъ, такъ знакомыхъ ему дома, которые каждую минуту торчатъ у него передъ глазами и поражаютъ его своими размѣрами и разнообразіемъ. А какой изъ процессовъ рисованія доставляетъ ребенку больше всего наслажденія? Раскрашиваніе красками. Бумага и карандашъ хороши за недостаткомъ чего-нибудь лучшаго; но карточки и ящикъ съ красками—это истинное сокровище; рисованіе контуровъ тогда сейчасъ-же отходитъ на второй планъ; ребенокъ прибѣгаетъ къ нему только ради того, чтобы было, что покрыть красками; если-же ему позволятъ раскрасить книгу съ картинами—восторгу его нѣтъ конца. Какъ-бы господамъ учителямъ-спеціалистамъ подобный порядокъ ни казался-бы смѣшонъ,—они всегда откладываютъ рас-

крашиваніе красками до старшихъ классовъ, а въ маленькихъ классахъ они надоѣдаютъ дѣтямъ сухими уроками копировки контуровъ съ моделей,—мы утверждаемъ, что порядокъ, который мы указали есть настоящій и что имъ то и нужно было-бы руководствоваться въ школахъ. Предпочтеніе краски надъ формой, какъ было сейчасъ нами доказано, основано на психологической причинѣ и это нужно имѣть въ виду съ первыхъ уроковъ рисованія; точно также для копированія слѣдуетъ давать маленькимъ ученикамъ, съ самаго начала, реальные предметы. Удовольствіе рисовать красками, которое проявляется не только у дѣтей, но и у взрослыхъ, иногда въ теченіе всей ихъ жизни, должно постоянно служить стимуломъ, при сравнительно трудномъ и скучномъ копированіи формъ; пріятная мысль, что впереди предстоитъ окрашиваніе контуровъ, вполнѣ вознаграждаетъ учащагося за невеселую работу. Необходимо поощрять дѣтей рисовать интересующіе ихъ предметы на томъ основаніи, что по достиженіи ими опытности и ихъ начнутъ занимать предметы болѣе простые, практическіе и они непремѣнно пожелаютъ ихъ изобразить; такъ, у нихъ постепенно будетъ развиваться стараніе подойти какъ можно ближе къ оригиналу. Если эти первыя попытки окажутся неопредѣленными, даже невѣрными—что вполнѣ согласно съ законами развитія—все-таки нѣтъ причины пренебрегать ими. Что за бѣда, если контуры будутъ даже каррикатурны? Что за бѣда, если картинка окажется нераскрашенной?

Вопросъ не въ томъ, хорошо ли рисуетъ ребенокъ, а въ томъ, развиваются-ли его способности. Прежде всего ему нужно научиться владѣть пальцами и пріобрѣсти самыя первоначальныя понятія о сходствѣ; мазаньемъ и уродованіемъ формъ ребенокъ лучше всего достигаетъ цѣли, такъ-какъ такого рода упражненія самопроизвольны и, слѣдовательно, занимательны.

Формальные уроки рисованія немыслимы въ первые годы дѣтства; но изъ этого не слѣдуетъ, что мы должны отказы-

вать въ содѣйствіи стремленіямъ дѣтей къ самообученію и тормозить ихъ; наоборотъ, намъ слѣдуетъ поощрять и направлять ихъ стремленія, какъ нормальныя упражненія понятій и ручныхъ движеній. Если мы будемъ давать ребенку дешовыя деревянныя игрушки для раскрашиванія или простые чертежи ландкартъ съ тѣмъ, чтобы онъ расцвѣтилъ красками хотя-бы границы земель, онъ незамѣтно познакомится съ очертаніями предметовъ и странъ и пріобрѣтетъ нѣкоторую ловкость при владѣніи кистью, а если мы начнемъ давать маленькому рисовальщику болѣе занимательные оригиналы, то въ немъ будетъ постепенно развиваться желаніе дѣлать уже не копіи, а оригинальныя изображенія, въ началѣ, конечно, самыя грубыя, но кончится все-таки тѣмъ, что, при наступленіи такого возраста, когда уже пора начать формальные уроки рисованія, дѣло пойдетъ чрезвычайно легко, чего нельзя ожидать при другихъ условіяхъ, а благодаря этому, сбережется время; ученикъ-же и учитель избавятся отъ лишнихъ трудовъ.

Изъ всего сказаннаго можно видѣть ясно, что мы осуждаемъ обыкновеніе начинать съ копировки моделей уроки рисованія, а еще болѣе—формальный способъ черченія прямыхъ, кривыхъ и смѣшанныхъ линій, чѣмъ, обыкновенно, нѣкоторые учителя начинаютъ свои уроки. Нельзя не пожалѣть, что „Общество искусствъ“ въ своей серіи руководствъ къ первоначальному обученію искусствъ одобрительно отозвалось объ одномъ элементарномъ рисовальномъ альбомѣ,—самой вредной, по принципу, книгѣ, изъ всѣхъ какія только мы видывали. Мы говоримъ о сочиненіи скульптора Джона Бэлль: „Outline from Outline or from the Flat“. Въ предисловіи къ книгѣ сказано, что авторъ намѣренъ представить дѣтямъ самый простой и логическій способъ обученія рисованію и съ этою цѣлью онъ начинаетъ дѣлать опредѣленія слѣдующаго рода:

„Простая линія въ рисованіи есть тонкая черта, проведенная отъ одной точки къ другой“.

„Линіи могутъ быть подраздѣлены, по своему положенію въ рисункахъ, на два рода: 1) „Прямыя линія или черты, идущія самымъ короткимъ путемъ между двумя точками А и В". 2) „Кривыя, т. е. черты, идущія не самымъ короткимъ путемъ между двумя точками Е и Д".

Затѣмъ авторъ переходитъ къ горизонтальнымъ, перпендикулярнымъ и наклоннымъ линіямъ, къ разнаго рода угламъ и разнообразнымъ фигурамъ, которыя образуются изъ угловъ и линій. Словомъ все это сочиненіе есть ничто иное, какъ граматика формъ съ упражненіями. Такимъ образомъ система— начинать первый урокъ сухимъ анализомъ элементовъ, которую уже давно признали негодною при обученіи языкамъ, должна быть введена снова при обученіи рисованію.

Мы должны начинать съ опредѣленнаго, вмѣсто неопредѣленнаго, абстрактное будетъ предшествовать конкретному, научныя понятія поставятся впереди эмпирическихъ опытовъ. Нужно-ли повторять, что это является полнымъ извращеніемъ естественнаго метода? Весьма вѣрно было кѣмъ-то замѣчено, что обыкновеніе предпосылать изученію языка затверживанье наизустъ частей рѣчи и ихъ значенія точно такъ-же не благоразумно, какъ если-бы вздумали заставлять дѣтей, передъ тѣмъ, какъ они начнутъ учиться ходить, прослушать цѣлый курсъ о костяхъ, мускулахъ и нервахъ ногъ. Почти то-же самое можно сказать о системѣ, которую предлагаетъ авторъ вышеназваннаго альбома — начинать преподаваніе рисовальнаго искусства номенклатурой и опредѣленіемъ линій, чего, по настоящему, ученикъ долженъ достигать путемъ анализа. Всѣ эти техническія названія способны только оттолкнуть ребенка отъ науки; да притомъ, они совершенно безполезны, такъ-какъ съ перваго-же раза возбуждаютъ отвращеніе ученика къ уроку. И все это дѣлается съ цѣлью научить дѣтей тому, чему они сами безсознательно выучились-бы на практикѣ! Какъ ребенокъ случайно, точно на лету, подхватываетъ смыслъ и значеніе обыкновенныхъ словъ, когда онъ

только прислушивается къ разговору окружающихъ его людей, отнюдь не прибѣгая къ словарю, точно такъ-же изъ подслушанныхъ имъ разговоровъ о различныхъ предметахъ и картинахъ, при пособіи своего собственнаго рисованія, онъ мало по малу усвоитъ, безъ всякихъ усилій, даже съ удовольствіемъ, тѣ самые ученые техническіе термины, остававшіеся непонятными для него и надоѣдавшіе ему, когда учитель насильно ихъ ему навязывалъ во время уроковъ. *)

Первые уроки перспективы. Если необходима нѣкотораго рода зависимость отъ общихъ принциповъ воспитанія, которые были изложены выше, то обученіе дѣтей рисованію должно вполнѣ согласоваться съ тѣми ранними стремленіями, поощреніе которыхъ, какъ уже мы доказали, очень полезно. Какъ скоро добровольныя упражненія придадутъ нѣкоторую твердость рукѣ ребенка и сообщатъ ему начальныя понятія о размѣрахъ, у него тотчасъ явится смутное представленіе о тѣлѣ въ трехъ его измѣреніяхъ; а когда послѣ неудачныхъ попытокъ и каррикатурной передачи различныхъ изображеній на бумагѣ, обнаружится у ребенка, наконецъ, довольно ясное пониманіе, какъ нужно рисовать и родится желаніе заняться этимъ дѣломъ, ему нужно дать первый урокъ эмпирической перспективы, при помощи прибора, который обыкновенно употребляется въ физикѣ, для объясненія перспективы. Нѣсколько странно звучатъ эти слова, но опыты, которые производятъ посредствомъ этого прибора, не только будутъ понятны, но и живо заинтересуетъ мальчиковъ и дѣвочекъ самыхъ обыкновенныхъ способностей. Передъ ученикомъ ставится на столъ стеклянная пластинка въ вертикальномъ по-

*) Это, на самомъ дѣлѣ, характерная черта нашихъ методъ обученія,—заставлять ученика заучивать сухую номенклатуру и опредѣленія терминовъ, которые всегда будутъ мертвы и скучны для него, пока онъ не ознакомится на практикѣ съ самымъ предметомъ, тогда какъ эти термины и номенклатура изучатся имъ незамѣтно при изученіи предмета и, такимъ образомъ, сохранится время, да и самое изученіе будетъ живымъ и интереснымъ.

Примѣч. переводч.

ложеніи, позади ея кладутъ книгу или какую нибудь другую вещь; затѣмъ, мальчику предлагаютъ, сохраняя глазъ въ одномъ положеніи, ставить на стеклѣ чернильныя точки такъ, чтобы онѣ совпадали съ углами предмета или закрывали ихъ. Затѣмъ ему говорятъ, чтобы онъ соединилъ эти точки линіями; сдѣлавъ это, онъ увидитъ, что линіи, которыя онъ провелъ, закрываютъ собой очертанія предмета; тогда, приложивъ листъ бумаги къ обратной сторонѣ стеклянной пластинки, мальчикъ убѣдится, что означенныя линіи обозначаютъ предметъ точно такимъ, какимъ онъ ему представлялся. Для него будетъ понятно, что его рисунокъ есть не только вѣрное изображеніе предмета, но, что линіи, имъ проведенныя, должны расположиться именно такъ, а не иначе, какъ онъ видѣлъ сквозь стекло, гдѣ онѣ вполнѣ совпадали съ контурами предмета. Этотъ новый и поразительный для ребенка фактъ послужитъ ему осязательнымъ доказательствомъ того, что линіи извѣстныхъ протяженій и расположенныя на плоскости извѣстнымъ образомъ представляютъ изображеніе тѣхъ-же линій въ пространствѣ, но расположенныхъ въ немъ иначе и имѣющихъ другое протяженіе. Измѣняя постепенно положеніе предмета, относительно стеклянной пластинки, можно показать ребенку, какъ нѣкоторыя линіи контура предмета укорачиваются или даже становятся невидимыми, а другія въ это время удлинняются и выступаютъ впередъ. Точно такъ-же можно объяснить ученику всѣ главныя условія перспективы, какъ, напримѣръ, отчего въ перспективномъ изображеніи параллельныя линіи сходятся въ одной точкѣ. Если мальчикъ пріученъ къ самодѣятельности, то онъ охотно вызовется попробовать срисовать прямо на бумагу, безъ помощи прибора, какой-нибудь изъ предметовъ, окружающихъ его и, конечно, будетъ стараться, чтобы его рисунокъ вышелъ такъ-же удачно, какъ и въ томъ случаѣ, когда онъ срисовывалъ черезъ стекло. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ безсмысленной, механической работѣ копированія съ чужихъ рисунковъ, можно, при помощи про-

стого и занимательнаго, практическаго, а не отвлеченнаго метода, ознакомиться шагъ за шагомъ съ линейными очертаніями предметовъ и пріобрѣсти способность передавать ихъ. Ко всему этому прибавьте еще то, что подобнымъ путемъ ученикъ съ раняго возраста почти безсознательно ознакомится съ самымъ точнымъ и вѣрнымъ способомъ изображенія предметовъ, который состоитъ въ томъ, чтобы это изображеніе представляло очертаніе предметовъ именно такъ, какъ оно является на плоскости, которая находится между предметами и глазомъ, и, наконецъ, когда ученикъ достигнетъ такого возраста, что пора будетъ начинать изученіе перспективы научнымъ путемъ, то окажется, что онъ коротко уже ознакомленъ съ тѣми фактами, которые составляютъ ея логическое основаніе.

Первые уроки геометріи. Чтобы дать понятіе читателямъ о раціональномъ способѣ сообщенія дѣтямъ первоначальныхъ понятій о геометріи, лучше всего привести слѣдующій отрывокъ изъ сочиненій Уайза: „Ребенка заставляютъ употреблять кубики при урокахъ ариѳметики; пусть онъ также пользуется ими для пріобрѣтенія элементарныхъ свѣдѣній изъ геометріи. Я началъ-бы съ изученія твердыхъ тѣлъ, т. е. совершенно наоборотъ противъ общепринятой системы; это избавило-бы учителя отъ необходимости прибѣгать къ неяснымъ опредѣленіямъ и дурнымъ объясненіямъ точекъ, линій и поверхностей,—понятій вполнѣ отвлеченныхъ. Кубъ заключаетъ съ себѣ самые главные элементы геометріи, въ немъ можно найти: точки, прямыя линіи, параллельныя линіи, углы, плоскости, параллелограммы и. т. д. Кубики могутъ состоять изъ нѣсколькихъ частей; ученикъ болѣе или менѣе ознакомился съ этими частями, когда учился считать по кубикамъ; теперь-же нужно заставить его сравнивать ихъ между собою и отыскивать отношенія одной части къ другой. Затѣмъ онъ переходитъ къ шару, посредствомъ котораго получаетъ начальныя понятія о кругѣ и о кривыхъ вообще. Ознако-

мясь достаточно съ твердыми тѣлами, ученикъ переходитъ къ плоскостямъ. Этотъ переходъ можетъ быть сдѣланъ очень незамѣтно. Разрѣжьте, для примѣра, кубъ на тоненькія пластинки и положите ихъ на бумагу: мальчикъ сейчасъ увидитъ, что у него столько-же плоскихъ прямоугольниковъ, сколько пластинокъ; тѣмъ-же способомъ можно показать ему и другія фигуры. Точно такъ-же поступаютъ и съ шаромъ; ученикъ пойметъ тогда происхожденіе поверхности и привыкнетъ легко опредѣлять ихъ въ каждомъ твердомъ тѣлѣ."

„Вотъ какимъ образомъ ребенокъ выучивается, такъ сказать, азбукѣ геометріи и чтенію ея. Затѣмъ приступаютъ къ черченію. Самый простой и, потому, начальный способъ состоитъ въ томъ, чтобъ положить пластинки на бумагу и обвести ихъ карандашемъ. Повторивъ это нѣсколько разъ, можно заставить ребенка уже не обводить, а срисовывать пластинки, отставя ихъ на нѣкоторое разстояніе."

Когда у ребенка окажется порядочный запасъ геометрическихъ свѣдѣній, которыя пріобрѣтены по системѣ Уайза или подобной ей, можно итти дальше,—пріучить его исправлять свои собственные чертежи, которые сдѣланы на глазъ; этимъ въ немъ возбудится желаніе срисовывать ихъ вѣрнѣе и получится навыкъ побѣждать трудности при выполненіи этого желанія. Почти нѣтъ сомнѣнія, что основаніемъ геометріи (какъ это видно изъ самаго ея названія) послужилъ придуманный плотниками и каменьщиками способъ для измѣренія пространствъ подъ фундаменты зданій, площадей оградъ и т. п. и, что истины геометрическія, которыя добыты такимъ образомъ, были немедленно оцѣнены людями, въ виду безусловной пользы. Ученика слѣдуетъ знакомить съ ними при аналогическихъ обстоятельствахъ. Вырѣзывая кусочки для своихъ карточныхъ домиковъ, рисуя геометрическія фигуры для того, чтобы послѣ раскрасить ихъ, вообще, отдаваясь тѣмъ поучительнымъ занятіямъ, которыя придумаетъ для него изобрѣтательный наставникъ, ребенку можетъ не-

вольно притти въ голову мысль испытать свои силы на процессѣ строительнаго искусства; конечно, онъ сейчасъ-же убѣдится въ трудности достигнуть цѣли безъ посторонней помощи.

По развитіи его, когда ученикъ выучится владѣть циркулемъ, который много поможетъ ему провѣрять свои измѣренія глазомѣромъ, такъ-что ребенокъ вполнѣ оцѣнитъ этотъ инструментъ, хотя и пойметъ очень скоро, что добытые имъ результаты приблизительно вѣрны. Пока на этомъ можно остановиться, частью потому, что ученикъ еще слишкомъ молодъ для болѣе серьезныхъ занятій, частью и для того, чтобы онъ понялъ необходимость систематической подготовки. Если считать, что лучшимъ способомъ преподаванія является тотъ, который поддерживаетъ постоянный интересъ въ ученикѣ и допустить, что въ первоначальномъ воспитаніи ребенка, также какъ и въ первыя эпохи циливизаціи человѣчества, наука оцѣнится только въ примѣненія ея къ искусству *), то будетъ понятно, что лучшимъ введеніемъ къ геометріи служитъ продолжительное упражненіе въ строительныхъ процессахъ, которые ею облегчаются. Замѣтьте, что тутъ сама природа указываетъ намъ на путь. Дѣти вообще любятъ вырѣзывать разныя фигурки изъ бумаги, клеить, строить; если мы будемъ одобрять и поощрять такого рода наклонности, то этимъ не только облегчится пріобрѣтеніе научныхъ понятій, но у ребенка разовьется также и ловкость въ рукахъ, которой не достаетъ многимъ изъ насъ.

Эмпирическая геометрія. **) По развитіи въ ребенкѣ наблю-

*) Относительно значенія науки, какъ практическаго знанія, служащаго основою того или другого искусства, отсылаемъ читателя, во избѣжаніе повтореній, къ стр. 97 и соотвѣтствующ. примѣчанію.

Примѣч. переводч.

**) Мы употребляемъ здѣсь не-научный терминъ подлинника,— «*эмпирическая геометрія*», подъ которою авторъ разумѣетъ коекакія элементарныя практическія геометрическія задачи.

Примѣч. переводч.

дательности и изобрѣтательности можно начать знакомить его съ эмпирической геометріей, которая занимается методическимъ рѣшеніемъ задачъ, а не доказательствами. Этотъ переходъ, какъ и всѣ вообще переходы въ дѣлѣ воспитанія, долженъ совершиться незамѣтно, причемъ не слѣдуетъ кончать занятія строительнымъ искусствомъ. Дайте ребенку четырехгранную пирамиду и скажите, чтобы онъ вырѣзалъ изъ картона точно такую фигуру; эта задача весьма заинтересуетъ его и можетъ послужить лучшей исходной точкой для послѣдующихъ за нятій. Когда мальчикъ примется за работу, то онъ увидитъ, что ему необходимо нарисовать четыре треугольника, расположивъ ихъ извѣстнымъ образомъ. Будучи не въ состояніи, по незнанію правильнаго метода, сдѣлать это аккуратно, онъ убѣдится, что при складываніи треугольниковъ, онъ не можетъ приладить одну къ другой ихъ сторонъ и свести ихъ вершинъ. Тогда нужно показать ребенку, какъ, при помощи двухъ круговъ, можно очень вѣрно и безъ всякихъ затрудненій начертить каждый изъ этихъ треугольниковъ; ребенокъ пойметъ въ чемъ дѣло и непремѣнно оцѣнитъ свѣдѣнія, которыя ему сообщены. Оказавъ ему содѣйствіе при рѣшеніи первой задачи, съ цѣлью объясненія геометрическихъ пріемовъ, надо на будущее время предоставлять ему самому рѣшать прочія задачи. Раздѣлить линію пополамъ, воставить перпендикуляръ, начертить квадратъ, раздѣлить уголъ пополамъ, провести линію, параллельную данной, описать шестиугольникъ, — все это такія задачи, которыя онъ, при небольшомъ запасѣ терпѣнія, можетъ выполнить легко. Послѣ того ему можно задавать все болѣе и болѣе трудные вопросы и онъ, если возмется за дѣло, какъ слѣдуетъ, непремѣнно рѣшитъ безъ посторонней помощи. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, кто воспитанъ по старой системѣ, отнесутся къ этому скептически; но мы говоримъ на основаніи фактовъ и нерѣдкихъ и неисключительныхъ. Намъ случалось замѣчать, какъ ученики цѣлаго класса были

заинтересованы до такой степени разрѣшеніемъ задачъ, что для нихъ урокъ геометріи считался главнымъ событіемъ недѣли. Недавно мы слышали объ одной женской школѣ, въ которой нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ занимались добровольно геометріей въ внѣклассные часы и о другой школѣ, въ которой одна дѣвочка просила даже на домъ задавать ей геометрическія задачи. Мы приводимъ оба эти факта, опираясь на свидѣтельство учителей. Это весьма серьезное доказательство практичности и громадной пользы саморазвитія. Отрасль знанія, которую всѣ считаютъ сухой и даже противной становится, при посредствѣ естественнаго метода, въ высшей степени интересной и чрезвычайно благодѣтельной. Мы говоримъ *чрезвычайно благодѣтельной* по тому, что результатомъ ея вліянія оказывается не только изученіе геометрическихъ истинъ, но часто совершенный прогрессъ во всемъ процессѣ мышленія. Случалось не разъ, что тѣ, кого старая школьная рутина притупляла своими отвлеченными формулами, скучными уроками и зубреніемъ,—благодаря геометріи, внезапно пробуждалась, такъ сказать, умственно, переставали безучастно воспринимать чужія мысли и становились дѣятельными изслѣдователями науки. Прежній упадокъ духа, какъ слѣдствіе худого преподаванія, уступалъ мѣсто живому сочувствію къ занятіямъ и вызывалъ въ ученикахъ достаточный запасъ устойчивости, для достиженія перваго успѣха. Въ нихъ пробуждалась бодрость духа, которая оживляла весь организмъ; они уже не считали себя ни къ чему неспособными, а сознавали, что могутъ, какъ и другіе, приносить пользу. По мѣрѣ того, какъ успѣхъ слѣдовалъ за успѣхомъ, отчаяніе въ нихъ исчезало и прежніе неумѣлые труженики преодолѣвали всѣ препятствія послѣдующихъ работъ съ мужествомъ, которое обезпечивало имъ побѣду.

Какимъ способомъ можно сдѣлать геометрію привлекательной наукой? Спустя нѣсколько недѣль послѣ появленія въ первый разъ въ печати предыдущихъ разсужденій, профессоръ

Тиндаль, въ лекціи, которую онъ читалъ въ королевскомъ институтѣ—„о важномъ значеніи физики, какъ одной изъ отраслей воспитанія“,—привелъ нѣсколько убѣдительныхъ доводовъ по этому-же вопросу. Его свидѣтельство, основанное на личномъ наблюденіи, драгоцѣнно до такой степени, что мы приводимъ его здѣсь цѣликомъ:

„Одною изъ обязанностей, выпавшихъ на мою долю въ тотъ періодъ времени, о которомъ я говорилъ, было преподаваніе математики въ одномъ училищѣ. Я всегда замѣчалъ что Эвклидъ и древняя геометрія вообще, объясняемая мною, весьма правились юношеству. Но я постоянно старался отвлекать мальчиковъ отъ рутиннаго заучиванья наизусть и вызывать въ нихъ самодѣятельность при обсужденіи вопросовъ, непонятныхъ для нихъ при старомъ методѣ. Сначала уклоненіе отъ избитой колеи возбуждало, обыкновенно, нѣкоторое отвращеніе; ученикъ чувствовалъ себя, какъ дитя среди чужихъ; но не было еще ни одного случая, чтобы это отвращеніе долго продолжалось. Когда мальчикъ падалъ духомъ, я ободрялъ его примѣромъ Ньютона, который говорилъ, что онъ отличается отъ другихъ людей только тѣмъ, что у него больше терпѣнія, чѣмъ у другихъ, или словами Мирабо, который приказалъ своему лакею, объявившему, что невозможно исполнить какого-то дѣла, никогда не употреблять этого глупаго выраженія; ободренный мною, ученикъ возвращался къ своей работѣ съ улыбкой, можетъ быть нѣсколько недовѣрчивой, тѣмъ-неменѣе выказывавшей рѣшимость испытать вновь свои силы. Я видѣлъ, какъ глаза мальчика оживлялись и, наконецъ, слышалъ, какъ онъ съ радостью, передъ которой меркнетъ восторгъ Архимеда восклицалъ: „Сэръ, я понялъ!“ Пробуждаемое такимъ способомъ сознаніе своихъ собственныхъ силъ имѣло огромное значеніе; одушевляемый этимъ, весь классъ дѣлалъ поразительные успѣхи.“

„Я часто держался правила давать мальчикамъ на выборъ, заниматься рѣшеніемъ задачъ по руководству, или испыты-

вать свои силы на такихъ задачахъ, рѣшенія которыхъ нельзя было найти въ книгѣ. Я не помню ни одного примѣра, чтобы выборъ остановился на книгѣ. Я постоянно предлагалъ ученикамъ свое содѣйствіе въ тѣхъ случаяхъ, когда считалъ это необходимымъ; но каждый разъ мои предложенія отклонялись ими,—дѣти уже вкусили сладость умственныхъ побѣдъ и домогались новыхъ. Мнѣ нерѣдко попадались на глаза геометрическія фигуры, нацарапанныя на стѣнахъ школы или вырѣзанныя на столбахъ площадки, гдѣ ученики играли; словомъ вездѣ и всюду я видѣлъ живыя доказательства интереса, возбуждаемаго геометріей въ дѣтяхъ. Что касается лично меня, то относительно опытности въ дѣлѣ воспитанія, я былъ, въ то время едва оперяющимся птенцомъ; я не имѣлъ понятія о педагогическихъ правилахъ, какъ ихъ называютъ нѣмцы, и держался только того направленія, о которомъ упомянуто въ началѣ моей рѣчи, стараясь сдѣлать изъ геометріи *орудіе* а не *отрасль* воспитанія. *) Мой опытъ удался вполнѣ и лучшими часами моей жизни я считаю тѣ, которые я проводилъ въ наблюденіи за могучимъ и смѣлымъ развитіемъ умственныхъ силъ въ дѣтяхъ, когда я вызывалъ ихъ описаннымъ мною способомъ".

Эмпирическая геометрія, представляющая непрерывный рядъ задачъ, должна быть преподаваема на ряду съ другими предметами знанія въ теченіи всего учебнаго курса. Полезно было-бы, чтобы преподаваніе геометріи сопровождалось практическими примѣненіями тѣхъ принциповъ, которые служатъ какъ-бы введеніемъ къ ней.

Послѣ куба, осьмигранника, пирамидъ и призмъ разныхъ

---

*) Вопросъ о значеніи математики вообще и въ особенности геометріи, какъ *орудія* воспитанія, кажется, уже рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, что врядъ-ли подлежитъ какому-либо сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе многіе педагоги признаютъ математику только, какъ *отрасль знанія*, полезную для тѣхъ или иныхъ практическихъ приложеній.

Примѣч. переводч.

формъ и величинъ, можно позволить ученику приступить къ изученію болѣе сложныхъ тѣлъ: двѣнадцатигранника, двадцатигранника, постройка которыхъ изъ отдѣльныхъ кусочковъ картона требуетъ значительной сметки. Затѣмъ можно перейти естественнымъ путемъ къ разнообразнымъ формамъ правильныхъ тѣлъ, которыя встрѣчаются въ кристаллахъ, къ усѣченному кубу, къ кубу съ усѣченными углами, осьмиграннику и разновиднымъ призмамъ, точно также измѣненнымъ.

Такъ-какъ различные кристаллы имѣютъ тѣ-же разнообразныя формы, какъ и твердыя тѣла, съ которыми знакомятъ ученика, то онъ незамѣтнымъ образомъ получаетъ первоначальныя понятія о минералогіи.

Послѣ продолжительныхъ упражненій въ этомъ родѣ, раціональная геометрія, вѣроятно, не будетъ уже представлять никакихъ затрудненій для учащагося. Привыкнувъ всматриваться въ отношенія между формой и величиной и смутно ощущая, по временамъ, потребность въ извѣстныхъ результатахъ, которые достигаются извѣстными способами, ученикъ начинаетъ смотрѣть на доказательства Эвклида, какъ на дополненіе къ близко знакомымъ ему задачамъ. При помощи хорошо выработаннаго соображенія, онъ очень скоро усвоиваетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ положенія геометріи Эвклида, вполнѣ оцѣниваетъ ихъ достоинство и при этомъ испытываетъ нерѣдко удовольствіе, убѣждаясь, что его собственные выводы оказываются совершенно вѣрными; такимъ образомъ, онъ находитъ наслажденіе въ томъ, что для неподготовленнаго ученика составляетъ лишь скучную работу.

Намъ остается сказать, что этимъ путемъ умъ ребенка пріобрѣтаетъ скоро возможность заняться самымъ драгоцѣннымъ упражненіемъ для мыслительныхъ способностей,—составленіемъ своихъ собственныхъ рѣшеній.

Теоремы такого рода, какъ и тѣ, которыя приложены къ отдѣльнымъ выпускамъ Эвклида(?), будутъ для него вполнѣ до-

ступны; разрѣшеніе ихъ сдѣлается процессомъ его саморазвитія и не только умственнаго, но и нравственнаго. *)

Правильность естественнаго метода. Продолжать эти наставленія значило-бы писать полный трактатъ о воспитаніи, чего мы вовсе не намѣрены дѣлать. На всѣ очерки правилъ, которые приведены выше, о томъ, какъ упражнять понятія дѣтей въ раннемъ возрастѣ, какимъ образомъ вести наглядное обученіе, какъ преподавать первые уроки рисованія и геометріи, надо смотрѣть, просто, какъ на комментаріи метода, который предписанъ общими, точно обозначенными, принципами; мы думаемъ, что послѣ внимательнаго обсужденія этихъ комментарій окажется вполнѣ очевиднымъ, что естественный методъ не только способствуетъ переходу отъ простого къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному, отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ эмпирическаго къ раціональному, но удовлетворяетъ также и дальнѣйшимъ требованіямъ, именно,—чтобы воспитаніе дѣтей было повтореніемъ цивилизаціи всего человѣчества, чтобы оно имѣло своимъ главнымъ основаніемъ саморазвитіе и было-бы пріятнымъ, а не скучнымъ процессомъ. Тотъ методъ, съ помощью котораго могутъ быть выполнены съ точностью всѣ перечисленныя условія, есть *самый правильный.* Замѣтьте также, что онъ есть прямой, логическій, выводъ изъ стремленія, проявляющагося рѣзко въ современныхъ улучшеніяхъ системы воспитанія, что онъ всецѣло усвоилъ въ себѣ естественный методъ, тогда-какъ прочія системы воспитанія усвоили его только частью; это полное усвоеніе метода обнаруживается, какъ въ

*) Т. е. процессъ саморазвитія имѣетъ значеніе не только могучаго орудія *умственнаго* совершенствованія въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, но и совершенствованія *нравственнаго*, такъ такъ порождаетъ самосознаніе, увѣренность въ своихъ силахъ, умѣнье обходится безъ посторонней помощи, а всему этому присуще такое нравственное значеніе, которое врядъ-ли дастъ какая-либо другая система обученія.

Примѣч. переводч.

тѣсной связи съ его, вышепоименованными, принципами, такъ и въ томъ, что онъ слѣдуетъ указаніямъ развивающагося ума ребенка, облегчая ему самопроизвольную дѣятельность и помогая, такъ сказать, природѣ. У насъ теперь достаточно поводовъ, чтобы вывести заключеніе, что вышеразъясненный методъ воспитанія подходитъ ближе всего къ естественному, т. е. къ самому правильному.

Необходимо прибавить еще нѣсколько замѣчаній при дальнѣйшемъ объясненіи двухъ общихъ принциповъ, которые одинаково важны и одинаково мало принимаемы нами во вниманіе, именно: принципа равномѣрнаго содѣйствія процессу самообученія, какъ въ раннемъ дѣтствѣ, такъ и въ юности, и въ зрѣломъ возрастѣ, и принципа, чтобы вызываемая умственная дѣятельность доставляла, какъ можно больше удовольствія. Если постепенный переходъ отъ простого къ сложному, отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному и т. д. считается главнымъ и непремѣннымъ требованіемъ отвлеченной психологіи, то изъ этого видно, что требованія добиваться знанія собственными силами и притомъ такъ, чтобы процессъ самообученія совершался съ удовольствіемъ, должны служить для насъ мѣриломъ, по которому мы можемъ судить, на сколько предписанія отвлеченной психологіи выполняются нами. Если первое требованіе воплощаетъ въ себѣ главное обобщеніе *науки* умственнаго роста, то вторыя требованія составляютъ главныя правила искусства, какъ укрѣплять этотъ ростъ. Если ступени порядка нашей жизни (curriculum vitae) такъ расположены, что ученикъ самъ можетъ одинъ подниматься по нимъ постепенно, при незначительной, и, пожалуй, даже и безъ всякой помощи, то онѣ, значитъ, совершенно соотвѣтствуютъ ступенямъ развитія его способностей; точно также очевидно и то, что, если ребенку доставляетъ существенное удовольствіе взбираться по этимъ ступенямъ, то намъ не остается ничего болѣе дѣлать, какъ только заботиться о нормальномъ упражненіи его физическихъ и умственныхъ способностей.

Польза отъ саморазвитія. Когда мы обратимъ воспитаніе въ процессъ саморазвитія, то мы получимъ кромѣ той выгоды, что ребенокъ привыкнетъ къ правильному распредѣленію уроковъ еще и другія выгоды: онъ пріобрѣтетъ такую живость и прочность впечатлѣній, какихъ не былъ-бы въ состояніи вызвать въ немъ ни одинъ изъ обыкновенныхъ методовъ воспитанія; затѣмъ, всякое знаніе, усвоенное ребенкомъ самимъ собой, каждая задача, рѣшенная безъ посторонней помощи, въ силу преодоленныхъ имъ трудностей, сдѣлаются вполнѣ его собственностью, чего, при другихъ условіяхъ никогда-бы не случилось.

Отъ усиленной дѣятельности ума, которая необходима для успѣха, отъ сосредоточенности мыслей, отъ радостнаго возбужденія, какъ результата побѣды, каждый фактъ врѣзывается въ памяти учащагося гораздо глубже, чѣмъ какое-либо другое свѣдѣніе, которое, онъ слышалъ отъ учителя или вычиталъ въ учебникахъ. Даже если ему не справиться съ задачей, то напряженіе, которому подвергались его мыслительныя способности во время работы, лучше запечатлѣетъ въ его мозгу услышанное рѣшеніе, чѣмъ если-бы учитель нѣсколько разъ показалъ-бы ему эту задачу. Замѣтьте также, что подобнаго рода дисциплина требуетъ постояннаго, правильнаго распредѣленія знаній, которыя пріобрѣтаетъ ученикъ.

Всѣ факты и выводы, которые усвоены этимъ естественнымъ путемъ, уже по природѣ своей подготовляютъ постепенно умъ ребенка къ дальнѣйшимъ заключеніямъ и дѣлаются, такъ сказать, ключемъ къ рѣшенію послѣдующихъ вопросовъ. Рѣшеніе вчерашней задачи, непремѣнно, поможетъ ученику рѣшить сегодняшнюю. Такимъ образомъ, просто-усвоенное знаніе становится незыблемымъ достояніемъ ума и, впослѣдствіи содѣйствуетъ общей мыслительной функціи, а не складывается въ архивъ умственнаго книгохранилища, подобно каждому знанію, которое заучено наизусть. Сверхъ того не надо забывать, какое *нравственное усовершенствованіе* ведетъ

за собой эта постоянная самодѣятельность. *) Мужество при преодолѣваніи трудностей, вниманіе, упорно сосредоточенное, устойчивость при неудачахъ,—все это характеристическія черты, въ высшей степени необходимыя въ послѣдующей жизни и выробатываемыя преимущественно при помощи системы побужденія ума къ добыванію для себя пищи. Мы лично собственнымъ опытомъ готовы засвидѣтельствовать полнѣйшую возможность осуществить на практикѣ обученіе по указанному методу, такъ какъ насъ самихъ въ юности заставляли рѣшать очень сложныя, относительно, задачи перспективы. Что первоклассные педагоги держатся того-же мнѣнія, это мы видимъ изъ словъ Фелленберга, который говоритъ, что „индивидуальная независимая дѣятельность ученика приноситъ несравненно болѣе пользы, чѣмъ обыкновенная суетливая услужливость тѣхъ господъ, которые берутъ на себя должности воспитателей", а также изъ мнѣнія, выраженнаго Гораціемъ Менъ, что „по несчастью въ настоящее время, воспитаніе дѣтей у насъ преимущественно основано на томъ, что ихъ не столько *учатъ*, сколько *разсказываютъ* имъ", и наконецъ изъ замѣчанія Марселя, что „учащійся гораздо лучше запоминаетъ то, чего онъ самъ добился умственнымъ упражненіемъ, чѣмъ то, что ему подсказали другіе."

Можно повторить то-же самое и относительно требованія, чтобы методъ развитія дѣтей вызывалъ существенно-пріятную для нихъ дѣятельность, пріятную не вслѣдствіе разсчета ребенка получить награду за прилежаніе, но вслѣдствіе здравыхъ началъ этой дѣятельности. Соображаясь съ такимъ требованіемъ, мы не только не затормозимъ сущности процесса развитія дѣтей, но даже обезпечимъ для нихъ положительныя выгоды. Не соглашаться съ тѣмъ, что поддержаніе въ дѣтяхъ счастливаго настроенія составляетъ уже само по себѣ

*) См. стр. 128 и соотвѣтствующее примѣч.

Примѣч. переводч.

высокую цѣль, значило-бы вернуться къ стариннымъ понятіямъ объ аскетической нравственности (или, лучше сказать, безнравственности). Мало того, хорошее расположеніе духа имѣетъ несравненно болѣе благодѣтельное вліяніе на умственную дѣятельность, чѣмъ состояніе равнодушія или чувство отвращенія къ труду. Кто изъ насъ не знаетъ, что все то, что мы слышали, видѣли или читали съ интересомъ, гораздо лучше запоминается, чѣмъ то, къ чему мы относились апатично. Въ первомъ случаѣ, всѣ наши способности, сосредоточенныя на одномъ предметѣ, находятся въ возбужденіи, а во второмъ онѣ увлечены имъ и потому наше вниманіе постоянно отвлекается отъ него болѣе интересными мыслями. Вотъ почему впечатлѣнія бываютъ, относительно, сильны и слабы. Сверхъ того, причиною умственнаго равнодушія ученика къ предметамъ, которые для него совсѣмъ незанимательны, нерѣдко бываетъ страхъ, чтобы его послѣ урока не наказали; чувство это парализуетъ въ немъ всякій интересъ, отвлекаетъ его вниманіе и увеличиваетъ для мальчика трудъ сосредоточивать на противныхъ для него фактахъ свои мысли. Очевидно, что польза ученія, при существованіи вышеупомянутыхъ условій, будетъ соразмѣрна удовольствію, съ которымъ слушается урокъ.

Также надо обратить вниманіе и на важныя нравственныя послѣдствія отъ того, доставляютъ-ли ежедневные уроки удовольствіе ребенку или служатъ для него мученіемъ. Сравните наружность и маперы двухъ мальчиковъ; одного, постоянно веселаго, счастливаго, потому что ему приходится всегда заниматься предметами, которые для него интересны и другого, который совершенно несчастенъ, который чувствуетъ отвращеніе къ урокамъ, который отупѣлъ отъ частыхъ выговоровъ, угрозъ и наказаній, — вы сейчасъ-же поймете, что воспитаніе перваго ребенка благодѣтельно отражается на его способностяхъ, а воспитаніе второго—вредно. Каждый, кто дѣлалъ наблюденія надъ вліяніемъ удачъ и неудачъ на чело-

вѣческій умъ и замѣчалъ, какъ велика власть ума надъ тѣломъ, пойметъ, что характеръ и здоровье перваго мальчика поставлены въ выгодныя условія, второму-же грозитъ опасность остаться на всегда угрюмымъ, робкимъ, а главное физически-слабымъ. Необходимо упомянуть объ одномъ косвенномъ, но важномъ обстоятельствѣ. Отношеніе между учителями и учениками, обыкновенно, бываютъ или дружескія т. е. авторитетныя съ одной стороны, или враждебныя т. е. лишенныя всякаго авторитета. Все зависитъ отъ того, благодѣтельна-ли или вредна система обученія и воспитанія въ извѣстной школѣ. *) Люди,—совершенные рабы своихъ впечатлѣній: личность, которая ежедневно намъ доставляетъ непріятности, неизбѣжно вызываетъ въ насъ тайныя отвращенія къ себѣ и если она продолжаетъ насъ огорчать, то кончается тѣмъ, что мы къ ней почувствуемъ ненависть. И наоборотъ, личность, помогающая дѣтямъ постепенно въ ихъ стремленіяхъ къ цѣли, часто доставляетъ имъ случаи наслаждаться умственными побѣдами, ежедневно поощряетъ ихъ къ труду и сочувствуетъ ихъ успѣхамъ,—такая личность возбуждаетъ въ дѣтяхъ искреннее расположеніе къ себѣ, а если она будетъ послѣдовательна въ своихъ дѣйствіяхъ, то дѣти горячо привяжутся къ ней. Если-же мы вспомнимъ, какъ вліятеленъ и благодѣтеленъ надзоръ учителя, считаемаго учениками за друга, въ сравненіи съ надзоромъ того, котораго они терпѣть не могутъ, или даже того, къ которому они равнодушны, то мы, конечно убѣдимся, что косвенныя выгоды воспитанія, основаннаго на принципѣ счастья, не многимъ уступаютъ прямымъ выгодамъ. Каждому, выразившему сомнѣніе въ возможности осуществить защи-

*) Намъ кажется, что здѣсь авторъ впадаетъ уже въ крайность и хотя въ слѣдующихъ строкахъ онъ и доказываетъ отчасти свое положеніе, но, надо сознаться, оно все-таки натянуто и весьма сомнительно.

Примѣч. перевод.

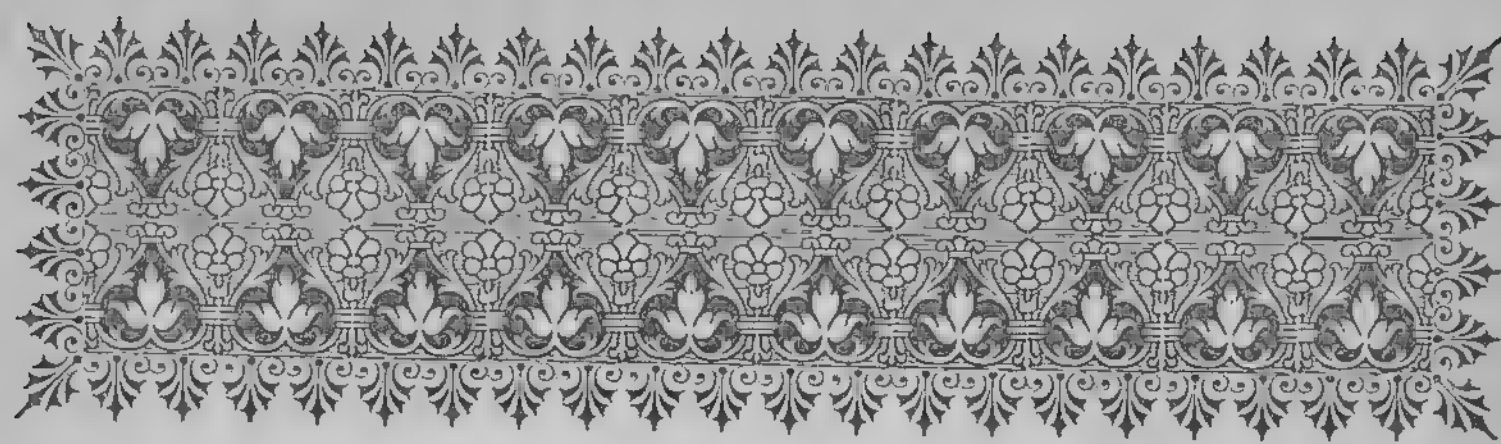
щаемую нами систему, мы отвѣтимъ, какъ прежде, что намъ не только указываетъ на нее исторія, но ее предписываетъ и самый опытъ жизни. Ко всѣмъ одобрительнымъ отзывамъ, которые выражены объ этой системѣ многими извѣстными педагогами послѣ Песталоцци, нужно прибавить и слѣдующее мнѣніе Pillans: „Тамъ, гдѣ молодыхъ людей учатъ такъ, какъ слѣдуетъ, говоритъ онъ, они чувствуютъ себя такими же счастливыми въ школѣ, какъ и во время игръ. Нормально направленное упражненіе ихъ умственныхъ силъ нравится имъ не менѣе, а часто даже и болѣе, упражненія мускульныхъ силъ.“

Какъ послѣднее доказательство необходимости сдѣлать изъ воспитанія процессъ самообученія, слѣдовательно, процессъ пріятнаго обученія, мы можемъ привести тотъ фактъ, что по мѣрѣ выполненія этой задачи, будетъ становиться все болѣе и болѣе вѣроятнымъ, что люди не перестанутъ учиться и по окончаніи школьнаго курса. До сихъ поръ, пока пріобрѣтеніе знаній не перестанетъ возбуждать при извѣстныхъ условіяхъ отвращенія, у многихъ молодыхъ людей будетъ обнаруживаться стремленіе бросить всѣ занятія, какъ только представится случай избавиться отъ родительской и учительской ферулы. Когда-же пріобрѣтеніе знаній обратится въ удовольствіе, тогда, конечно, проявится преобладающее стремленіе продолжать безъ верховнаго надзора самообразованіе, совершавшееся прежде подъ строгой опекой. Результаты такого рода неизбѣжны. Покуда законы умственной ассоціаціи останутся неизмѣненными, покуда люди будутъ чувствовать отвращеніе къ вещамъ и мѣстностямъ, которыя въ нихъ вызываютъ тяжелыя воспоминанія, и любить тѣ, съ которыми у нихъ связаны прошлыя радости,—до тѣхъ поръ скучные уроки будутъ дѣлать знаніе противнымъ, а пріятные—привлекательнымъ. Изъ людей, которые привыкли въ дѣтствѣ учиться изъ-подъ палки и которые не пріучены къ самостоятельнымъ занятіямъ, никогда не выйдетъ впослѣдствіи

серьезныхъ дѣльцовъ, между тѣмъ, какъ юноши, учившіеся по нормальной системѣ, умѣвшіе съ пользою употреблять время и вспоминающіе о своихъ учебныхъ годахъ, какъ о непрерывномъ рядѣ успѣховъ,—тѣ, конечно, въ теченіи всей своей послѣдующей жизни не прекратятъ самообученія, начиная съ юности. *)

*) Послѣдній доводъ автора въ пользу самообразованія указываетъ на одно изъ самыхъ важныхъ значеній этого послѣдняго. Дѣйствительно, надо согласиться, что школьное образованіе является только *основою образованія*, конвой, по которой наносится дальнѣйшее образовательное развитіе, а потому это послѣднее получаетъ громадное значеніе.

Примѣч. переводч.



ГЛАВА III.

Воспитаніе нравственное.

Мы положительно не обращаемъ никакого вниманія на существенный недостатокъ нашихъ программъ воспитанія. Вводя много улучшеній, какъ въ основу педагогическихъ системъ, такъ и въ способы ихъ практическаго примѣненія къ дѣлу, мы, до настоящаго времени, не признаемъ даже за пробѣлъ одинъ изъ ихъ самыхъ важныхъ пробѣловъ. Безпорно соглашаясь съ тѣмъ, что первой цѣлью стремленія родителей и наставниковъ должно быть подготовленіе юношества къ житейскимъ обязанностямъ, мы обсуждаемъ достоинства преподаваемыхъ предметовъ и пользу методовъ, которыми руководствуются при обученіи дѣтей, соотвѣтственно тому, насколько они содѣйствуютъ достиженію упомянутой цѣли. Оттого всѣ теперь заговорили о необходимости замѣнить исключительно-классическое воспитаніе такимъ, въ программу котораго входило-бы также и изученіе новыхъ языковъ; кромѣ того, выставляется на видъ необходимость расширить научный отдѣлъ. Но заботясь о томъ, чтобы выработать изъ молодыхъ людей обоего пола полезныхъ членовъ общества и хорошихъ гражданъ, мы не при-

лагаемъ ни малѣйшаго старанія къ тому, чтобы подготовить ихъ къ исполненію родительскихъ обязанностей. Повидимому, каждый изъ насъ убѣжденъ, что безъ основательной подготовки трудно добывать себѣ средства къ жизни и, въ то-же время, каждый думаетъ, что воспитывать дѣтей можно безъ всякой подготовки. Мальчика, напримѣръ, заставляютъ тратить нѣсколько лѣтъ жизни на пріобрѣтеніе такихъ знаній, главное достоинство которыхъ заключается только въ томъ, что они считаются неотъемлемой принадлежностью „свѣтскаго молодого человѣка", дѣвочку заставляютъ посвящать почти столько-же времени на развитіе изящныхъ талантовъ, которые обезпечиваютъ ей успѣхи въ обществѣ; но ни тому, ни другой, во время курса ихъ школьнаго воспитанія, не дадутъ ни одного часа на подготовку къ одной изъ самыхъ главныхъ обязанностей человѣка—*умѣнью вести семью*. Можетъ быть, на долю рѣдкаго изъ нихъ выпадетъ роль главы семьи? Напротивъ, изъ десяти человѣкъ, девяти выпадетъ эта роль. Можетъ быть ея выполненіе очень легко? Конечно, нѣтъ. Изъ всѣхъ обязанностей человѣка—эта самая трудная. Такъ, можетъ быть, есть данныя, которыя свидѣтельствуютъ, что каждый мужчина и каждая женщина могутъ самоучкой приспособиться къ выполненію родительскихъ обязанностей? Нисколько. Въ этомъ случаѣ самообученіе окажется совершенно безполезнымъ, такъ-какъ предметъ, самъ по себѣ, слишномъ сложенъ и самоучкамъ съ нимъ не сладить. Словомъ, нельзя привести никакого раціональнаго довода въ пользу исключенія искусства воспитанія изъ нашего „порядка жизни" (curriculum vitae). Имѣя въ виду счастье самихъ родителей и признавая силу ихъ вліянія на характеръ и на здоровье дѣтей, внуковъ, правнуковъ до послѣдняго колѣна, мы должны согласиться, что знаніе правильныхъ методовъ физическаго, умственнаго и нравственнаго воспитанія дѣтей—является знаніемъ первостепенной важности.

Это знаніе должно оканчивать курсъ образованія, кото-

рый проходится каждымъ мужчиной и каждой женщиной. Какъ *физическая зрѣлость обнаруживается способностью производить потомство*, такъ умственная зрѣлость обнаруживается умѣньемъ воспитывать это потомство.

И потому *предметъ, обнимающій всѣ остальные предметы и, слѣдовательно, составляющій высшую точку воспитанія есть теорія и практика воспитанія.*

Не подготовившись какъ слѣдуетъ, нельзя быть хорошимъ воспитателемъ дѣтей, тѣмъ болѣе, нельзя руководить нравственной стороной ихъ воспитанія. Взявшись за такое серьезное дѣло, родители, большею частью, дѣйствуютъ не разсуждая, и потому результаты отъ ихъ незрѣлаго, необстоятельнаго взгляда на воспитаніе получаются самые прискорбные. Очень часто мы замѣчаемъ, что матери, въ особенности, въ обращеніи со своими дѣтьми, поддаются впечатлѣнію данной минуты; не давая себѣ труда основательно обдумать, полезно это или вредно, для ребенка, онѣ дѣйствуютъ подъ вліяніемъ минутнаго ощущенія—хорошаго или дурного, все равно—и обращеніе ихъ съ дѣтьми мѣняется иногда ежечасно, сообразно съ перемѣною ощущеній. Мать то кричитъ на ребенка безъ толку, то сердится на него за пустяки, то ласкаетъ и хвалитъ его, угождаетъ каждой его прихоти, то читаетъ ему мораль, приводя примѣры изъ своего собственнаго дѣтства, словомъ, она примѣняетъ на практикѣ всѣ методы, которые она почерпнула или изъ своей собственной жизни, или изъ наставленія старыхъ нянекъ и окружающей прислуги; короче сказать, она руководствуется правилами, которыя придумали невѣжды и которыя идутъ въ разрѣзъ съ истиннымъ просвѣщеніемъ. Вотъ, что пишетъ Рихтеръ о хаотическомъ состояніи мнѣній и практическихъ пріемовъ, которые господствуютъ въ нынѣшнихъ системахъ домашняго воспитанія дѣтей:

„Если-бы можно было предать гласности всѣ разпорѣчивыя распоряженія отцовъ семействъ и составить изъ нихъ,

по часамъ, родъ руководства для нравственнаго воспитанія дѣтей, съ изложеніемъ плана занятій и обращиковъ правоученій, то мы прочли-бы нѣчто въ такомъ родѣ:

Первый часъ. Самъ отецъ или воспитатель объясняетъ ребенку правила чистой нравственности. Второй часъ. Ребенку толкуютъ, что есть нравственность смѣшанная, т. е. такая, которая не выпускаетъ изъ виду и личную выгоду. Третій часъ. Ребенку замѣчаютъ: развѣ ты не видишь, что твой отецъ поступаетъ вотъ такъ или эдакъ? Четвертый часъ. Ему говорятъ: ты еще маленькій, а это прилично только взрослымъ. Пятый часъ. Главное дѣло въ томъ, чтобы ты имѣлъ успѣхъ въ свѣтѣ и занялъ бы, со временемъ, (главное) видное мѣсто въ государствѣ. Шестой часъ. Помни, что достоинство человѣка опредѣляется не временными, переходящими успѣхами, а тѣми, которые увѣковѣчиваютъ его память. Седьмой часъ. Поэтому переноси людскую несправедливость и оставайся добръ до конца. Восьмой часъ. Защищайся мужественно, если на тебя нападутъ. Девятый часъ. Не надо шумѣть, милое дитя. Десятый часъ. Мальчику не слѣдуетъ сидѣть сиднемъ. Одинадцатый часъ. Ты долженъ повиноваться родителямъ. Двѣнадцатый часъ. Воспитывай самъ себя.

Такимъ образомъ, мѣняя ежечасно свои наставленія, отецъ старается прикрыть ихъ несостоятельность и односложность. Что-же касается до матери, то она не похожа ни на отца, ни даже на того арлекина, который появляется на сценѣ со связками бумагъ подъ мышками, и на вопросъ: что у него подъ правой рукой? отвѣчаетъ: приказаніе; а что подъ лѣвой?—контрприказаніе. Ее можно скорѣе сравнить съ великаномъ Бріаріусомъ, у котораго сто рукъ и по связкѣ бумагъ въ каждой изъ нихъ.

Трудно скоро измѣнить такого рода порядокъ вещей; нужно дать пройти нѣсколькимъ поколѣніямъ прежде, чѣмъ разсчитывать на значительное улучшеніе дѣла. Воспитатель-

ныя системы, подобно всѣмъ государственнымъ учрежденіямъ, не создаются, но выростаютъ, и ростъ ихъ совсѣмъ незамѣтенъ въ теченіи краткаго періода жизни. Но какъ-бы процессъ улучшенія ни совершался медленно, онъ все-же требуетъ вспомогательныхъ средствъ и однимъ изъ наиболѣе дѣйствительныхъ между ними—это обсужденіе вопроса.

Мы не принадлежимъ къ числу сторонниковъ мнѣнія лорда Пальмерстона, будто „всѣ дѣти рождаются добрыми;“ противоположное мнѣніе, при всей его бездоказательности, кажется, намъ гораздо болѣе близкимъ къ истинѣ. Точно также мы не согласны съ тѣми, которые воображаютъ, что при помощи искусной дисциплины, изъ дѣтей можно сдѣлать именно то, чѣмъ они должны быть. Мы вполнѣ увѣрены, что благоразумнымъ обращеніемъ съ ребенкомъ можно нѣсколько сгладить всѣ недостатки его характера и природы, но вырвать ихъ съ корнемъ нельзя. Мысль, что можно создать идеальнаго человѣка посредствомъ совершеннѣйшей системы воспитанія, очень напоминаетъ мысль, которую проводитъ Шелли въ своихъ поэмахъ,—что если-бы человѣчество отказалось отъ всѣхъ устарѣлыхъ учрежденій и предразсудковъ, то зло на землѣ исчезло-бы немедленно. Каждый, кто изучалъ безпристрастно житейскія дѣла, признаетъ вполнѣ неосуществимою, какъ ту, такъ и другую идею. Но все-же нельзя не сочувствовать людямъ, питающимъ себя такими, черезъ-чуръ смѣлыми, надеждами. Энтузіазмъ, который доходитъ до фанатизма является полезнымъ и, быть можетъ, даже необходимымъ двигателемъ. Очевидно, что самый пламенный политикъ никогда не принялъ-бы на себя гигантскихъ трудовъ и не сталъ-бы приносить тѣхъ жертвъ, которыя онъ приноситъ, если-бы онъ не вѣрилъ, что реформа, за которую онъ борется, необходима. Членъ общества трезвости не возсталъ бы такъ энергически противъ пьянства, если-бы онъ не былъ убѣжденъ, что оно является корнемъ всѣхъ общественныхъ золъ. Въ филантропіи, какъ и въ прочихъ отдѣлахъ соціальной дѣя-

тельности, получаются отъ раздѣленія труда выгодные результаты, если при этомъ каждый членъ филантропическаго общества всецѣло придается обязанностямъ, которыя на него возложены, что возможно только при фанатической вѣрѣ въ пользу своей дѣятельности. Оттого мы смѣло можемъ сказать, что чрезмѣрныя надежды тѣхъ людей, которые считаютъ умственное и нравственное воспитаніе всеисцѣляющимъ средствомъ,—небезполезны; очень можетъ быть, что ихъ непоколебимая вѣра въ успѣхъ имѣетъ большое вліяніе на благодѣтельный ходъ вещей.

Неумѣніе родителей обращаться съ дѣтьми. Допустимъ даже, что съ помощью какой-нибудь особенной системы нравственнаго контроля, дѣтей можно было-бы лѣпить по желаемому образцу и что всѣ родители вообще усвоили-бы себѣ эту систему; но и тогда они все еще не достигли-бы настоящей цѣли. Не нужно забывать, что для осуществленія подобной системы потребовался-бы отъ родителей и воспитателей такой запасъ ума, доброты и сдержанности, какого невозможно встрѣтить ни въ одной личности. Главное заблужденіе людей, которые обсуждаютъ вопросы дисциплины, заключается въ томъ, что они приписываютъ всѣ ошибки и затрудненія характеру дѣтей и не допускаютъ промаховъ со стороны родителей. У насъ почему-то укоренилось мнѣніе, какъ относительно управленія семьей, такъ и относительно управленія народомъ, что на сторонѣ правителей одни лишь добродѣтели, а на сторонѣ управляемыхъ—пороки. Судя по теоріямъ воспитанія, отецъ и мать въ семьѣ представляются какими-то идеальными существами въ своихъ сношеніяхъ съ дѣтьми; а между тѣмъ всѣмъ извѣстно, что люди съ которыми мы ведемъ дѣла, знакомые, съ которыми мы встрѣчаемся въ обществѣ—существа далеко не совершенныя. Каждый день въ городскихъ скандалахъ, въ ссорахъ между родными и друзьями, въ злостныхъ банкротствахъ, въ судебныхъ процессахъ, въ полицейскихъ отчетахъ мы всегда наталкиваемся на образцы эгоиз-

ма, безчестности и грубаго произвола. Когда-же мы начинаемъ судить и рядить дурное поведеніе дѣтей въ дѣтской или въ учебномъ заведеніи, то у насъ почти постоянно принимаются за правила взваливать всю вину на молодежь и отнюдь не обвинять родителей въ ихъ нравственномъ направленіи—въ дурномъ воспитаніи ихъ дочерей и сыновей.*) Это такъ несправедливо, что мы со своей стороны, не колеблясь, прямо осуждаемъ родителей, считая ихъ, въ большинствѣ случаевъ, причиной семейныхъ безпорядковъ, которые, обыкновенно, приписываютъ испорченности дѣтей. Есть, конечно, между родителями много симпатичныхъ, сдержанныхъ личностей, но все вышесказанное нами относится къ массѣ. Какого рода нравственной культуры можно ждать, напримѣръ, отъ матери, которая, какъ мы однажды видѣли, сердито теребитъ своего ребенка за то, что тотъ не хотѣлъ сосать ея грудь? Какое понятіе о справедливости можетъ дать своимъ дѣтямъ такой отецъ, который, услыхавъ крикъ маленькаго сына, который защимилъ себѣ пальчикъ оконной рамой, начинаетъ бить его, вмѣсто того, чтобы освободить его палецъ?

О существованіи такихъ отцовъ намъ засвидѣтельствовано очевидцомъ. Возьмемъ еще болѣе поразительный примѣръ, который подтвержденъ также свидѣтелемъ. Мальчика съ вывихнутымъ бедромъ приносятъ домой; родители встрѣчаютъ его съ угрозами. Спрашивается, чего можно ожидать отъ такого рода воспитанія? Правда, это рѣдкіе примѣры, которые доказываютъ, что людямъ присущъ тотъ-же самый инстиктъ, который побуждаетъ дикихъ звѣрей уничтожать слабые, болѣзненные экземпляры своей породы; но какъ-бы подобныя про-

---

*) Это заключеніе почтеннаго автора является крайностью и врядъ-ли кому не случалось слышать, какъ общественное мнѣніе обвиняетъ въ дурномъ воспитаніи дѣтей не только ихъ самихъ, но (и, пожалуй, даже въ большинствѣ случаевъ) и ихъ родителей и воспитателей.

Примѣч. переводч.

явленія ни были-бы рѣдки, они все-таки служатъ отпечаткомъ чувствъ и поступковъ, которые обнаруживаются каждый день во многихъ семействахъ. Кому изъ насъ не приходилось видѣть нѣсколько разъ, какъ няньки или родители награждаютъ колотушками ребенка за то, что онъ безпокоенъ,— что почти всегда бываетъ слѣдствіемъ физическаго разстройства? Кто изъ насъ, наблюдая за матерью, когда она подхватываетъ упавшаго ребенка, не замѣчалъ въ ея грубомъ движеніи и рѣзкомъ восклицаніи, „экой глупый какой"!— сильной раздраженности, предвѣстницы безконечныхъ распеканій въ будущемъ? Вслушайтесь въ грубый голосъ отца, который велитъ дѣтямъ не шумѣть, и вы сейчасъ-же поймете, что онъ не чувствуетъ къ нимъ большой нѣжности. А всѣ эти неумѣстные, надоѣдливые окрики, которымъ безпрестанно подвергаются бѣдныя дѣти! Напримѣръ: „сидѣть смирно!"— когда для живого по натурѣ ребенка это составляетъ чистую пытку, которая вызываетъ сильное нервное раздраженіе. „Не смотри въ окно!"—тогда,-какъ болѣе или менѣе умный ребенокъ, во время путешествія по желѣзной дорогѣ, считаетъ это для себя высшимъ лишеніемъ. Развѣ это не доказательство сухости и равнодушія къ дѣтямъ въ старшихъ?.

Въ сущности причины, которыя мѣшаютъ правильному ходу нравственнаго воспитанія, имѣютъ двоякій источникъ: недостатки родителей въ соединеніи съ недостатками дѣтей; но если наслѣдственная передача есть законъ, который установила природа—что признано всѣми натуралистами и подтверждается ежедневными наблюденіями, а также и сложившимися пословицами,—то несомнѣнно, что, въ среднемъ числѣ случаевъ, недостатки дѣтей суть ничто иное, какъ отраженіе недостатковъ родителей.

Мы сказали „въ среднемъ числѣ случаевъ" по тому, что потомки нерѣдко наслѣдуютъ черты характера отъ самыхъ отдаленныхъ предковъ, и сходство это бываетъ часто выраженіемъ свойствъ не одного лица, а нѣсколькихъ. Если-же въ

среднемъ числѣ случаевъ существуетъ наслѣдственная передача родовыхъ недостатковъ, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ тѣ дурныя наклонности, которыя родители стараются уничтожить въ своихъ дѣтяхъ, гнѣздятся въ нихъ самихъ, скрытыя, можетъ быть, отъ глазъ свѣта или заслоненныя другими свойствами, тѣмъ не менѣе все-таки существующія. Конечно, теперь понятно, что нѣтъ никакой надежды, чтобы у насъ могла войти въ общее употребленіе идеальная система домашней дисциплины,—родители недостаточно совершенны для этого.

Зависимость положенія семьи отъ состоянія общества. Помимо того, что если-бы даже дѣйствительно существовали методы, при содѣйствіи которыхъ можно было-бы достигнуть желаемой цѣли, если-бы отцы и матери обладали достаточною прозорливостью, теплотою сердца, сдержанностью, чтобы со смысломъ руководствоваться упомянутыми методами, то и тогда мы стали-бы утверждать, что нѣтъ никакой пользы торопиться реформами въ семьяхъ, пока многое другое въ общественномъ строѣ останется неизмѣненнымъ. Чего мы, въ сущности, добиваемся? Не того-ли, чтобы воспитаніе, какого бы рода оно ни было, имѣло-бы своей прямой цѣлью—приготовить ребенка къ обязанностямъ человѣка и сдѣлать изъ него способнаго гражданина т. е. такого, который могъ-бы себѣ пробить дорогу въ жизни? А умѣнье пробить себѣ дорогу (подъ этимъ словомъ мы разумѣемъ ни богатство, а средства, которыя необходимы для поддержанія семьи) не состоитъ-ли въ умѣньѣ припоровиться къ жизни и къ тому строю общества, который существуетъ въ теперешнее время? Если-бы случилось, что идеальная система воспитанія создала-бы идеальнаго человѣка, можно-ли было-бы поручиться, что онъ примирится съ существующимъ порядкомъ вещей? Вѣрнѣе было-бы ожидать, что его черезъ-чуръ строгія понятія о правдѣ и возвышенныя правила сдѣлали-бы для него жизнь невыносимой.

Какого-бы блестящаго результата отъ воспитанія мы ни

достигли-бы въ частности, онъ все-же оказался-бы невозможнымъ по отношенію къ цѣлому обществу и потомству. Есть много основаній думать, что, какъ относительно націй, такъ и относительно семьи, система управленія много зависитъ отъ степени нравственнаго уровня человѣческой природы. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ, мы можемъ доказать фактами, что средній уровень національнаго характера опредѣляетъ качество существующаго управленія, что поднятіе этого уровня ведетъ за собою усовершенствованную систему управленія, и далѣе, что если улучшить систему управленія, не дождавшись поднятія средняго характера, то возникнетъ болѣе зла, чѣмъ добра. Та суровость, съ которой родители и наставники въ Англіи обращаются съ дѣтьми, служитъ своего рода подготовкой къ той бо̀льшей суровости, которая ожидаетъ этихъ послѣднихъ при вступленіи ихъ въ свѣтъ. Мы позволимъ себѣ даже утверждать, что если-бы родители и наставники относились-бы къ дѣтямъ съ полнымъ безпристрастіемъ и съ нѣжностью, то это только усилило-бы страданія дѣтей въ ихъ послѣдующей жизни, при столкновеніяхъ съ людскимъ эгоизмомъ.

„Не слишкомъ-ли далеко вы зашли съ вашими разсужденіями?—можетъ быть, спросятъ меня нѣкоторые читатели. „Если никакая система нравственнаго воспитанія не въ состояніи сдѣлать дѣтей такими, какими имъ нужно быть, а если-бы даже подобная система и существовала, то нынѣшніе родители сами слишкомъ несовершенны для умѣнья примѣнить ее къ дѣлу, и, наконецъ, если-бы она и могла быть выполнена съ успѣхомъ, то ея результаты стали-бы въ полный разрѣзъ съ настоящимъ положеніемъ общества, то не слѣдуетъ-ли изъ всего этого, что преобразованіе принятой системы не возможно и не желательно?“ Нисколько. Изъ того, что мы сказали, слѣдуетъ только то, что реформы въ домашнемъ управленіи должны итти параллельно съ другими реформами; что методы дисциплины не могутъ и не должны

быть иначе улучшаемы, какъ частями, а не разомъ; наконецъ, что понятія объ идеальной честности должны неминуемо подчиняться на практикѣ человѣческой природѣ въ данное время, т. е. несовершенству дѣтей, родителей и общества; осуществиться-же онѣ могутъ не ранѣе, какъ при улучшеніи характера общества.

„Итакъ, во всякомъ случаѣ,—снова замѣтитъ намъ критикъ,—теперь очевидно, что нѣтъ никакой пользы создавать идеальный образчикъ семейной дисциплины, а также не послужитъ ни къ чему введеніе методовъ, которые выработаны преждевременно.“ На это мы ему отвѣтимъ: какъ въ государственномъ строѣ, такъ и въ строѣ семейномъ, нужно имѣть передъ глазами идеалъ истины, такъ-какъ, если идеальная честность еще невозможна на практикѣ, то все-же не мѣшаетъ познакомиться съ нею, на случай, если-бы пришлось вводить какія-нибудь реформы, чтобы люди знали, какъ *приближаться* къ истинѣ, а не *отдаляться* отъ нея. Какъ для государства, такъ и для семьи, нужны соотвѣтственные идеалы, къ достиженію которыхъ нужно постоянно стремиться; не надо бояться вредныхъ вліяній отъ подобныхъ идеаловъ: среднее число людей на столько консервативно, что не допуститъ слишкомъ рѣзкихъ и быстрыхъ перемѣнъ. Свѣтъ такъ уже устроенъ, что пока люди не доросли до уровня высшаго вѣрованія въ истину, они не примутъ ея или станутъ придерживаться ея только номинально, а не въ дѣйствительности. Даже, когда истина познается ими, то старые предразсудки до того упорно будутъ заглушать ее, что у самыхъ терпѣливыхъ филантроповъ и даже философовъ не хватитъ силъ преодолѣть эти преграды. Итакъ, мы можемъ быть вполнѣ увѣренными, что для нормальнаго воспитанія дѣтей всегда найдется много препятствій, чтобы затормазить стремленіе ввести его.

Окончивъ всѣ предварительныя объясненія, перейдемъ къ обзору истинныхъ цѣлей и методовъ нравственнаго во-

спитанія. Мы посвятимъ нѣсколько страницъ изложенію большихъ принциповъ, при чтеніи которыхъ просимъ читателей имѣть терпѣніе; затѣмъ, мы постараемся, съ помощью примѣровъ, выяснить, какого метода должны держаться родители при ежечасно-встрѣчающихся трудностяхъ управленія семьей.

Вліяніе естественнаго метода на дѣтей. Когда ребенокъ упадетъ или ударится головою объ столъ, онъ чувствуетъ боль, воспоминаніе о которой заставляетъ его быть болѣе осторожнымъ, такъ что послѣ нѣсколькихъ повтореній подобныхъ случаевъ, онъ совсѣмъ выучивается управлять своими движеніями. Если онъ схватится за рѣшотку камина, сунетъ руку въ пламя свѣчи или обольетъ ее кипяткомъ, то обваръ или обжогъ послужитъ ему урокомъ, котораго онъ не забудетъ долго. Впечатлѣніе, которое вынесъ ребенокъ отъ одного или двухъ случаевъ подобнаго рода, бываетъ такъ сильно, что впослѣдствіи, никакими убѣжденіями не заставишь его пренебречь законами самосохраненія.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, природа намъ указываетъ нагляднымъ образомъ настоящую теорію и настоящую практику нравственной дисциплины,—теорію и практику, которыя при поверхностномъ наблюденіи покажутся вполнѣ обыкновенными, а при тщательномъ—представятся совершенно своеобразными.

Замѣтьте, во-первыхъ, что, коснувшись тѣлесныхъ поврежденій и слѣдующихъ за ними естественныхъ наказаній, мы представили себѣ простые примѣры дурного поведенія ребенка и его послѣдствія. Общепринятыя выраженія: *хорошее* и *дурное* поведеніе, едва ли могутъ быть примѣнимы къ поступкамъ дѣтей, наносящимъ непосредственный вредъ ихъ тѣлу; тѣмъ не менѣе, строго разобравъ дѣло, мы все-же увидимъ, что подобные поступки могутъ подходить наравнѣ съ другими подъ оба вышеназванныя опредѣленія. Всѣ теоріи нравственности, какая-бы ни была ихъ исходная

точка, сводятся къ одному-же и тому заключенію, что *хорошимъ* поведеніемъ называется то, результаты котораго, какъ ближайшіе, такъ и отдаленные, благотворны для человѣка; и, наоборотъ, *дурнымъ* поведеніемъ называется то, результаты котораго, какъ ближайшіе, такъ и отдаленные вредны. Окончательными мѣрилами для суда надъ человѣческими поступками служитъ польза или вредъ, которые отъ нихъ происходятъ. Мы считаемъ пьянство зломъ, такъ-какъ оно влечетъ за собой физическое разстройство, и сопряженныя съ нимъ нравственныя бѣдствія, которыя обрушиваются на самого пьяницу и на окружающихъ его. Если-бы воровство доставляло удовольствіе, какъ вору, такъ и обкраденному, то мы-бы не внесли этого занятія въ списокъ преступленій. Если-бы добрыя дѣла умножали страданія человѣка, то мы осудили-бы ихъ, а не считали-бы ихъ добрыми. Стоитъ только развернуть любую газету и взять первую попавшуюся передовую статью, прислушаться къ разговорамъ объ общественныхъ дѣлахъ для убѣжденія, что дѣйствія парламента, политическіе перевороты и филантропическія предпріятія судятся наравнѣ съ дѣйствіями отдѣльныхъ личностей, на основаніи ожидаемыхъ отъ нихъ благодѣтельныхъ или вредныхъ для человѣчества результатовъ. Если, затѣмъ, мы проанализируемъ всѣ второстепенныя дополнительныя понятія о вопросѣ и увидимъ, что таково дѣйствительно должно быть наше окончательное мѣрило хорошаго и дурного, то мы можемъ, не колеблясь, подраздѣлить физическія дѣйствія на хорошія и дурныя, сообразно тому, благотворны или вредны результаты, которые отъ нихъ получаются. Обратите теперь вниманіе на характеръ наказаній, которыми предупреждаются нарушенія физическихъ законовъ. За неимѣніемъ болѣе подходящаго слова, мы употребили слово „наказаніе“, хотя въ буквальномъ смыслѣ, это вовсе не наказаніе,—далеко не искусственное безполезное, причиненіе боли, а просто узда для поступковъ, которые существенно-несогласны съ тѣлеснымъ благосостоя-

ніемъ, узда, безъ которой жизнь скоро-бы разрушилась, вслѣдствіе физическихъ поврежденій. Особенность этихъ наказаній—если ужъ такъ приходится называть ихъ —заключается въ томъ, что они суть *неизбѣжное послѣдствіе* тѣхъ дѣйствій, за которыми они слѣдуютъ; это ничто иное, какъ *неизбѣжная реакція*, которая вызвана дѣйствіями ребенка.

Замѣтьте далѣе, что эти мучительныя реакціи всегда бываютъ соразмѣрны нарушеніямъ естественнаго закона. Ничтожный случай влечетъ за собою ничтожную боль, серьезный случай—серьезную боль. Мы не желаемъ этимъ сказать, что если мальчикъ споткнулся о порогъ двери и упалъ, то онъ долженъ подвергнуться сильнымъ страданіямъ для того, чтобы сдѣлаться осторожнѣе; ежедневный опытъ научаетъ его, что *чѣмъ болѣе его вина, тѣмъ сильнѣе наказаніе*, *) и это заставляетъ его быть осмотрительнѣе. Замѣтьте, наконецъ, что естественныя реакціи, которыя слѣдуютъ за ошибочными дѣйствіями ребенка, постоянно повторяются, что онѣ непосредственны, непреложны и неизбѣжны; угрозъ не слышно; строгая кара совершается безмолвно. Если ребенокъ уколетъ себѣ пальчикъ булавкой, то онъ тотчасъ почувствуетъ боль,— и такъ до безконечности. Во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ неорганической природой ребенокъ всегда встрѣчаетъ одну и ту-же неуклонную стойкость, неумолимость, неподлежащую никакому суду, и, убѣдившись, наконецъ, въ существованіи этой строгой, но благодѣтельной дисциплины, онъ дѣлается крайне остороженъ и тщательно старается избѣгать всякихъ нарушеній естественнаго закона.

Вліяніе естественнаго метода на взрослыхъ. Всѣ истины,

---

*) Трудно согласиться съ этимъ заключеніемъ почтеннаго автора: проступки, влекущіе за собою болѣе или менѣе сильное физическое поврежденіе, всегда имѣютъ одну степень вины,—неосторожность или незнаніе, а между тѣмъ наказанія, какъ естественныя послѣдствія этихъ проступковъ, бываютъ далеко несоотвѣтственны винѣ.

Примѣч. переводч.

которыя мы изложили выше, пріобрѣтутъ еще большее значеніе въ нашихъ глазахъ, когда мы вспомнимъ, что онѣ оказываютъ точно такое-же вліяніе на жизнь взрослыхъ людей, какъ и на жизнь дѣтей. Добытое опытомъ знаніе естественныхъ послѣдствій останавливаетъ и мужчинъ, и женщинъ, если они станутъ на ложный путь. По окончаніи домашняго воспитанія, когда у молодого человѣка или у молодой дѣвушки пробуждается свободная воля, а родители и учителя перестаютъ вмѣшиваться по-прежнему въ каждое ихъ дѣйствіе, запрещая одно, и разрѣшая другое,—выступаетъ на сцену естественная дисциплина, совершенно сходная съ той, которая обучаетъ ребенка само-руководству. Если юноша, получивъ мѣсто тратитъ даромъ деньги ничего не дѣлая, если онъ медленно и небрежно исполняетъ возложенныя на него обязанности, то естественное наказаніе постигаетъ его немедленно; онъ лишается мѣста и подвергается временному злу, т. е. относительной бѣдности. Неакуратный человѣкъ, который всегда пропускаетъ время, назначенное ему какъ для дѣла, такъ и для удовольствій, также непремѣнно подвергается соотвѣтственнымъ непріятностямъ, т. е. потерямъ и лишеніямъ. Купецъ, который запрашиваетъ непомѣрныя цѣны за свой товаръ, теряетъ покупателей, и это обуздываетъ немного его корыстолюбіе. Практика, которая быстро уменьшается, заставляетъ невнимательнаго доктора больше заботиться о своихъ больныхъ. Очень довѣрчивый кредиторъ и очень увлекающійся спекуляторъ, наживъ своей неосторожностью хлопотъ, научаются осмотрительности. То-же самое мы замѣчаемъ въ жизни каждаго гражданина; въ поговоркѣ, которую часто приводятъ въ подобныхъ случаяхъ: „обжогшійся ребенокъ, боится огня“, *)—мы не только находимъ подтвержденіе того, что

*) Читатель, конечно, вспомнитъ при этомъ наши русскія поговорки,—„пуганная ворона куста боится“, „обжегся на молочкѣ,—на воду дуетъ“ и т. д.

Примѣч. переводч.

существуетъ всѣми признанная аналогія между общественной дисциплиной и естественной дисциплиной дѣтей, но сверхъ того, убѣждаемся, что послѣдняя имѣетъ самое громадное значеніе. Убѣжденіе это не только подразумѣвается, но оно опредѣляется совершенно ясно. Кто изъ насъ не слыхалъ признаній нѣкоторыхъ людей, что только „дорогой цѣной опыта" они принуждены были измѣнить прежній дурной или безумный образъ жизни. Кто изъ насъ не былъ свидѣтелемъ или участникомъ разговоровъ, въ которыхъ критически обсуждались поступки такого-то спекулянта, причемъ всѣ единогласно утверждали, что ему нельзя помочь совѣтами и что кромѣ „горькаго опыта" ничто не заставитъ его исправиться. Итакъ, страданіе есть неизбѣжное послѣдствіе проступка. Если необходимо еще больше доказательствъ, въ подтвержденіе того, что естественная реакція составляетъ единственное радикальное наказаніе, которое нельзя замѣнить никакими карами, придуманными людьми, то мы укажемъ только, на всѣмъ извѣстную нестоятельность нашихъ различныхъ уголовныхъ системъ. Изъ множества методовъ уголовной дисциплины, проектированныхъ и введенныхъ въ сводъ законовъ, ни одинъ не осуществилъ вполнѣ ожиданій его защитниковъ. Преступниковъ никогда не доводили до исправленія искусственными наказаніями, а во многихъ случаяхъ ожесточали ихъ и побуждали къ новымъ злодѣяніямъ. Единственно удачныя исправительныя заведенія—это тѣ частныя тюрьмы, система управленія которыхъ ближе всего подходитъ къ методу природы, усиливая до нѣкоторой степени естественныя послѣдствія совершоннаго преступленія. Виновнаго лишаютъ свободы дѣйствій настолько, насколько это необходимо для безопасности общества и при этомъ требуютъ отъ него, чтобы онъ, живя въ заключеніи, содержалъ себя личнымъ трудомъ. Итакъ, мы теперь замѣчаемъ, что та-же самая дисциплина, посредствомъ которой маленькій ребенокъ научается управлять своими движеніями, руководитъ и поведеніемъ всей массы взрослыхъ, пріучаетъ къ

правильному образу дѣйствій, и ведетъ, болѣе или менѣе, къ совершенству; дисциплина-же, придуманная людьми для испорченныхъ взрослыхъ, бываетъ вполнѣ неудачна, когда расходится съ вышеустановленной дисциплиной и имѣетъ успѣхъ только по мѣрѣ приближенія къ ней. И такъ, мы знаемъ теперь сущность руководящаго принципа нравственнаго воспитанія; нужно-ли еще добавлять, что система, которая оказываетъ такое благотворное вліяніе на дѣтей и на взрослыхъ, также благодѣтельно дѣйствуетъ и на юношей? Кто-же усомнится въ томъ, что методъ, столь удовлетворительный въ раннемъ и позднемъ возрастѣ жизни человѣка, вполнѣ пригоденъ для юношества? Не очевидно-ли, что на родителяхъ, „этихъ служителяхъ и толкователяхъ природы" лежитъ прямая обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы ихъ дѣти всегда испытавали дурныя послѣдствія своего поведенія—естественную реакцію, которую не надо ни отклонять, ни увеличивать, ни замѣнять искусственными послѣдствіями? Каждый непредубѣжденный, читатель, безъ малѣйшаго колебанія согласится съ нами. *)

Дурныя системы могутъ быть относительно хороши. По всей вѣроятности, найдутся люди, которые станутъ утверждать, что многіе родители поступаютъ по указаннымъ правиламъ, что наказанія, которымъ они подвергаютъ своихъ дѣтей, въ большинствѣ случаевъ, составляютъ только дѣйствительныя послѣдствія дурного поведенія послѣднихъ, что гнѣвъ родителей, который изливается въ рѣзкихъ словахъ и ударахъ есть результатъ непослушанія дѣтей, и что физическое и мо-

---

*) Въ своей нормальной системѣ нравственнаго воспитанія почтенный авторъ, по нашему разумѣнію, дѣлаетъ капитальную ошибку, упуская изъ виду въ разсужденіи о нравственности, *нравственный* элементъ. Мы подробно разбираемъ эту систему во вступленіи къ нашему переводу и потому здѣсь ограничиваемся лишь замѣчаніемъ вскользь.

Примѣч. переводч.

ральное страданіе, которое испытываетъ ребенокъ, есть естественная реакція его дурныхъ поступковъ. На ряду со множествомъ заблужденій, аргументъ этотъ заключаетъ въ себѣ и долю правды. Безспорно, что неудовольствіе родителей вызывается поступками дѣтей и что проявленіе этого неудовольствія вполнѣ нормальная узда для дурныхъ дѣйствій.

Брань, угрозы, удары, которыми вспыльчивые родители, осыпаютъ провинившихся дѣтей, суть, конечно, послѣдствія, которыя вызваны какими-нибудь поступками и потому на нихъ нужно смотрѣть, отчасти, какъ на естественную реакцію дурныхъ дѣйствій. Мы не говоримъ, чтобы способъ обращенія такого рода не имѣлъ своей относительно-хорошей стороны; онъ хорошъ по отношенію къ необузданнымъ дѣтямъ и грубымъ неблаговоспитаннымъ родителямъ; онъ хорошъ по отношенію къ такого рода обществу, въ которомъ подобные взрослые составляютъ массу. Воспитательныя системы, какъ мы уже сказали выше, подобно политическимъ и другимъ учрежденіямъ, бываютъ всегда настолько хороши, на сколько это имъ дозволяетъ состояніе человѣческой природы. Дѣти-варвары у родителей-варваровъ могутъ быть обуздаваемы только варварскими методами, произвольно употребляемыми такими родителями, и, очень можетъ статься, что методы подобнаго рода составляютъ лучшую подготовку для дѣтей, которымъ предназначено играть роль въ варварскомъ обществѣ. И наоборотъ, цивилизованные члены цивилизованнаго общества, въ порывѣ гнѣва будутъ выражать свое неудовольствіе въ болѣе мягкой формѣ, будутъ употреблять болѣе кроткія мѣры, хотя достаточно-строгія для ихъ, болѣе благонравныхъ, дѣтей. Вѣроятно, въ выраженіи родительскихъ чувствъ всегда, болѣе или менѣе, проявляется принципъ естественной реакціи. Система домашняго управленія всегда стремится къ своей естественной формѣ.

Надо замѣтить еще два важныхъ факта. Первый тотъ, что въ государствѣ, гдѣ происходятъ такіе быстрые пере-

вороты, какъ въ Англіи, которые свидѣтельствуютъ о постоянной борьбѣ между старыми и новыми теоріями, старыми и новыми практическими пріемами, общепринятые воспитательные методы очень часто идутъ въ разладъ съ духомъ времени. Изъ уваженія къ догматамъ, годившимся только въ извѣстный вѣкъ, многіе родители подвергаютъ своихъ дѣтей наказаніямъ, которыя оскорбляютъ даже ихъ собственныя чувства, и, такимъ образомъ, заставляютъ дѣтей испытывать *неестественную* реакцію, между тѣмъ, какъ другіе родители, увлекаясь чрезмѣрно надеждами сдѣлать своихъ дѣтей немедленно совершенными, впадаютъ въ противоположную крайность. Второй фактъ тотъ, что дисциплина высшей цѣнности заключается не въ томъ, чтобы дѣти всегда ожидали одобренія или порицанія родителей, но чтобы они испытывали на себѣ окончательные результаты, которые вытекаютъ изъ ихъ дѣйствій, помимо мнѣнія и вмѣшательства родителей. Истинно назидательныя и благотворныя послѣдствія получаются не черезъ родителей, когда тѣ берутся быть посредниками природы, но принимаются изъ рукъ самой природы. Мы постараемся яснѣе выразить нашу мысль объ этомъ различіи нѣсколькими примѣрами, которые покажутъ, что именно мы подразумѣваемъ подъ словами: *естественная* реакція, въ противоположность *искусственной*. Эти примѣры, одновременно, дадутъ намъ возможность почерпнуть изъ нихъ нѣсколько практическихъ свѣдѣній.

Примѣры нормальной системы. Въ каждой семьѣ, въ которой есть маленькія дѣти, каждый день, происходитъ то, что матери и прислуга называютъ *произведеніемъ безпорядка*. Ребенокъ вытащитъ свой ящикъ съ игрушками и разбросаетъ ихъ по полу; пойдетъ утромъ гулять, нарветъ пучекъ цвѣтовъ и раскидаетъ ихъ по столамъ и стульямъ. Малютка дѣвочка шьетъ платья своимъ кукламъ и насоритъ лоскутками по всей комнатѣ. Въ большинствѣ случаевъ, трудъ исправленія этого безпорядка падаетъ вовсе ни на тѣхъ, на

кого-бы слѣдовало. Если дѣло происходитъ въ дѣтской, то, обыкновенно, няня сама беретъ на себя эту работу, конечно, не безъ ворчанья „на баловницъ и шалуновъ"; если-же это случится въ другихъ комнатахъ, трудъ всегда возлагается на старшаго брата, на старшую сестру или на горничную; маленькихъ-же нарушителелей порядка подвергаютъ только лишь выговору. Однако, въ этомъ, весьма простомъ случаѣ, многіе изъ родителей оказываются столь благоразумными, что придерживаются, болѣе или менѣе послѣдовательно, нормальнаго порядка, именно,—заставляютъ ребенка самого собирать игрушки и лоскутки. Трудъ приведенія вещей въ порядокъ—прямое послѣдствіе произведеннаго безпорядка. Каждый торговецъ въ своей лавкѣ, каждая женщина въ своемъ хозяйствѣ, каждый день испытываетъ на себѣ то-же самое. А если воспитаніе есть подготовка къ трудовой жизни, то каждаго ребенка, съ раннихъ лѣтъ, слѣдовало-бы каждый день пріучать къ такому порядку. Если такое естественное наказаніе ребенокъ встрѣтитъ съ капризами и упорно откажется подчиняться ему (что легко можетъ быть, если мать вначалѣ придерживалась иной системы нравственной дисциплины), тогда самой справедливой мѣрой будетъ заставить ребенка испытать воздѣйствія его непослушанія. Если ребенокъ откажется или забудетъ собрать свои раскиданныя вещи и тѣмъ вынудитъ другихъ исполнить возложенный на него трудъ, необходимо, лишить его, на будущее время, обременять старшихъ такимъ безпокойствомъ.

Если вслѣдъ за тѣмъ, онъ попроситъ дать ему его ящикъ съ игрушками, мать должна отвѣтить: „въ послѣдній разъ ты ихъ оставилъ разбросанными на полу и Дженъ пришлось убирать ихъ. У Дженъ и безъ того много дѣла и ей некогда каждый день заниматься этимъ, а мнѣ также некогда; а такъ-какъ ты самъ не желаешь убирать свои игрушки, то я и не могу дать ихъ тебѣ". Это, очевидно, естественное послѣдствіе проступка, непреувеличенное и несмягченное; дитя непремѣн-

но сознаетъ его справедливость. Его наказываютъ въ ту, именно, минуту, когда онъ всего живѣе это чувствуетъ. Желаніе, которое только что родилось въ ребенкѣ, парализуется отказомъ въ ожидаемомъ удовольствіи и впечатлѣніе, имъ отъ этого полученное, бываетъ до того сильно, что всегда повліяетъ на его дальнѣйшее поведеніе; это вліяніе, всегда повторяясь, непремѣнно приведетъ къ исправленію; прибавьте къ этому, что съ помощью такого метода, дитя съ раннихъ лѣтъ узнаетъ правило и—чѣмъ скорѣе оно его узнаетъ, тѣмъ лучше—что удовольствіе въ жизни покупается только цѣною труда.

Возьмемъ второй примѣръ. Не очень давно намъ пришлось слышать нѣсколько разъ, какъ одной маленькой дѣвочкѣ дѣлали выговоры за то, что она никогда не поспѣвала во время одѣться къ ежедневной прогулкѣ. Одаренная живымъ характеромъ и находясь всегда подъ вліяніемъ минуты, Констансъ только тогда принималась одѣваться, когда всѣ уже были готовы. Гувернанткѣ и другимъ дѣтямъ каждый разъ приходилось ждать ее, а отъ матери она почти постоянно получала выговоры. Какъ подобная система обращенія съ дѣвочкой ни была ошибочна, однако, матери ни одного разу не пришло въ голову подвергнуть ее естественному наказанію; она даже не сдѣлала этого, когда ей напомнили о такой мѣрѣ. Вообще неакуратность подтвергаетъ насъ многимъ лишеніямъ, которыхъ мы, въ противномъ случаѣ, могли-бы избѣжать: то мы пропустимъ, поѣздъ то не попадемъ на пароходъ, который отчаливаетъ на нашихъ глазахъ, то придемъ на базаръ, когда распроданы всѣ лучшіе товары, то явимся въ концертъ, когда всѣ удобные мѣста будутъ заняты. Очевидно, что подобная перспектива такого рода лишеній и заставляетъ людей стараться не опоздать. Отсюда ясенъ выводъ: при воспитаніи дѣтей нужно напоминать имъ, что они могутъ терпѣть лишенія за свою неакуратность—быть оставленной дома и лишиться прогулки. Просидѣвъ раза два, та-

кимъ образомъ, въ комнатѣ, покуда остальныя дѣти гуляли и бѣгали на чистомъ воздухѣ, и понявъ, что она подвергалась лишенію въ любимомъ удовольствіи, благодаря своей копотливости, дѣвочка, безъ сомнѣнія, постарается исправиться. Во всякомъ случаѣ такого рода мѣра будетъ много дѣйствительнѣе, чѣмъ безпрерывная брань, которая кончается, обыкновенно, тѣмъ что ребенокъ дѣлается совсѣмъ равнодушенъ къ ней. Или вотъ еще примѣръ: Когда дѣти съ непозволительной безпечностью ломаютъ и теряютъ подаренныя имъ игрушки, ихъ непремѣнно слѣдуетъ заставить испытать естественное наказаніе, которое даже и взрослыхъ побуждаетъ быть бережливыми. Именно, потеря или порча какой-нибудь вещи неизбѣжно влечетъ за собой новыя издержки на замѣщеніе ея; очень натурально, что взрослые мужчины и женщины подчиняются этой дисциплинѣ и стараются исправиться, акуратнѣе обращаться съ вещами; относительно дѣтей непремѣнно слѣдуетъ дѣйствовать такъ, чтобы они испытывали то-же самое лишеніе. Мы не говоримъ о томъ раннемъ періодѣ дѣтства, когда игрушки ломаются съ цѣлью изучить ихъ физическія свойства и когда дитя не можетъ еще имѣть понятія о послѣдствіяхъ своей безпечности; мы подразумѣваемъ ребенка лѣтъ 6—7, когда онъ уже понимаетъ значеніе и выгоды собственности. Мальчикъ настолько взрослый, что умѣетъ владѣть перочиннымъ ножемъ, но такъ дурно пользуется имъ, что ломаетъ лезвее и забываетъ ножикъ въ травѣ у забора, близъ котораго онъ срѣзалъ тросточку; легкомысленные родители или снисходительные родственники сейчасъ-же дарятъ шалуну новый ножичекъ, забывая, что, такимъ образомъ, они лишаютъ ребенка неоцѣненнаго урока. Отцу нужно было бы, въ этомъ случаѣ, объяснить сыну, что перочиный ножикъ стоитъ денегъ, а деньги добываются трудомъ, что онъ не въ состояніи покупать новые ножички тому, кто ихъ ломаетъ и теряетъ и что покуда онъ не увидитъ, что его мальчикъ сталъ бережливѣе въ пользованіи принадлежащими ему вещами,

онъ отказывается потерянный или испорченный ножикъ замѣнить новымъ; подобная дисциплина легко обуздываетъ расточительность дѣтей.

Выгоды нормальной системы. Этими немногими примѣрами мы, надѣюсь, вполнѣ выяснили различіе, которое существуетъ между естественными наказаніями—по нашему убѣжденію наиболѣе дѣйствительными,—и искусственными, которыя обыкновенно замѣняютъ первыя. До обзора высшихъ и болѣе утонченныхъ примѣненій объясненнаго принципа, мы укажемъ на многочисленныя и важныя преимущества его надъ принципомъ или, вѣрнѣе сказать, надъ эмпирической практикой, которая вошла почти во всеобщее употребленіе въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ есть дѣти. Одно изъ первыхъ его преимуществъ состоитъ въ томъ, что неуклонное слѣдованіе упомянутому принципу рождаетъ правильное понятіе о причинѣ и слѣдствіи; это понятіе, путемъ частаго и основательнаго опыта, достигаетъ, наконецъ, полноты и опредѣленности.

Человѣкъ всегда будетъ разумнѣе дѣйствовать въ жизни, когда онъ по собственному практическому опыту узнаетъ хорошія и дурныя послѣдствія своихъ поступковъ, а не будетъ ихъ принимать на вѣру, съ чужихъ словъ. Когда ребенокъ узнаетъ, что безпорядочность ведетъ за собой трудъ приведенія вещей въ порядокъ, что мѣшкотность можетъ лишить его удовольствія, что безпечность бываетъ причиной потери какого-нибудь очень дорогого предмета,—онъ не только почувствуетъ живо послѣдствія, но и усвоитъ себѣ и знаніе причинъ. А причины и послѣдствія совершенно тѣ-же, которыя представятся ему въ жизни позднѣе, въ зрѣломъ возрастѣ. Когда подвергаютъ ребенка въ подобныхъ случаяхъ выговору или искусственному наказанію, то не только заставляютъ его испытывать послѣдствія, на которыя онъ часто не обращаетъ вниманія, но и лишаютъ его урока, который можетъ научить его распознаванію существенной разницы между хорошимъ и дурнымъ поведеніемъ. Въ общепринятой системѣ искус-

ственныхъ наградъ и наказаній таится вредное начало, которое давно подмѣчено нѣкоторыми прозорливыми педагогами, именно то, что замѣняя естественные результаты дурного поведенія извѣстнаго рода выговорами и наказаніями, мы порождаемъ безусловно-ошибочныя правила нравственности. Привыкнувъ въ дѣтствѣ и въ отрочествѣ считать неудовольствіе родителей и наставниковъ главнымъ результатомъ запрещеннаго дѣйствія, юноша невольно усвоиваетъ себѣ убѣжденіе, что между его дѣйствіями и неудовольствіемъ старшихъ существуетъ такая-же неразрывная связь, какъ между причиной и слѣдствіемъ. Но вотъ родители и наставники сошли со сцены; боятся ихъ гнѣва нечего; препятствія къ запрещеннымъ дѣйствіямъ въ значительной степени устранены; приходится узнавать горькимъ опытомъ настоящія препятствія, сталкиваться съ естественными реакціями. Вотъ что пишетъ нѣкто, хорошо знакомый съ этой близорукой системой воспитанія: „Молодые люди главнымъ образомъ изъ тѣхъ, чьи родители мало заботились о томъ, чтобы подчинить ихъ своему вліянію въ дѣтствѣ, по выходѣ изъ училищъ, впадаютъ въ различныя безразсудства; для нихъ не существуетъ контроля дѣйствій; они не имѣютъ понятія о правилахъ нравственности, у нихъ нѣтъ никакихъ основъ, на которыя они могли-бы опереться и пока жизнь строго не проучитъ ихъ, они останутся очень опасными членами общества.“

Другое важное преимущество этой естественной дисциплины состоитъ въ томъ, что она вполнѣ справедливая дисциплина и что ее признаютъ таковою всѣ дѣти. Если взрослому человѣку приходится переносить только ту долю зла, которая, по естественному порядку вещей, есть слѣдствіе его собственнаго дурного поведенія, онъ никогда не рѣшится сказать, что съ нимъ поступаютъ несправедливо; но заставьте его страдать отъ искусственнаго наказанія, хотя-бы довольно легкаго, онъ непремѣнно возмутится. То-же самое бываетъ и съ дѣтьми. Возьмите мальчика, который неряшливъ

въ своемъ одѣяніи, который цѣлый день лазаетъ по заборамъ, который не обращаетъ никакого вниманія на грязь; попробуйте его прибить и уложить въ постель; онъ будетъ смотрѣть на себя, какъ на жертву дурного обращенія и не подумаетъ покаяться въ своемъ поступкѣ. Попытайтесь, вмѣсто того, заставить его исправить, на сколько возможно, все, что онъ испортилъ; счистить съ себя грязь, которою онъ забрызгался, самому зачинить изорванное платье, какъ съумѣетъ,—неужели думаете вы, онъ не почувствуетъ, что онъ самъ является причиной непріятности, которую испытываетъ? Неужели, подвергаясь подобному наказанію, ребенокъ не будетъ постоянно сознавать, что между послѣдствіемъ—наказаніемъ и причиною—проступкомъ существуетъ тѣсная связь? Неужели, не смотря на свое раздраженіе, онъ до нѣкоторой степени не признаетъ справедливости приговора, который произнесенъ надъ нимъ? Если нѣсколько подобныхъ уроковъ пропадутъ даромъ, не приведя за собою исправленія, если всѣ платья ребенка износятся преждевременно, если отецъ, строго придерживаясь прежней системы дисциплины, откажется тратить деньги на покупку новаго платья, до истеченія извѣстнаго срока, и если между тѣмъ, представятся случаи, когда мальчикъ за неимѣніемъ приличнаго туалета, лишится удовольствія участвовать вмѣстѣ съ родными въ какихъ-либо прогулкахъ или праздникахъ,—то неужели вы думаете, что онъ не почувствуетъ глубоко своего наказанія, не опомнится и не прослѣдитъ тщательно горе, которое онъ испытываетъ, не найдетъ, что все зло произошло изъ-за его неряшливости? Когда онъ убѣдится въ этой истинѣ, то онъ никого не осудитъ въ несправидливости, тогда-какъ въ немъ непремѣнно зародилось-бы это чувство, если-бы связь между нарушеніемъ и наказаніемъ не была-бы такъ очевидна.

Кромѣ того, характеръ, какъ у родителей, такъ и у дѣтей, менѣе подвергается порчѣ при вышесказанной системѣ, чѣмъ при обыкновенной. Когда родители, вмѣсто того, чтобы

заставлять дѣтей переносить непріятныя послѣдствія, которыя естественно происходятъ отъ дурныхъ поступковъ, вздумаютъ карать ихъ сами, подвергая болѣе тяжкимъ наказаніямъ, то они причинятъ двойное зло. Родители придумываютъ все новые законы для своей семьи и, отождествляя свою верховную власть и собственное достоинство съ соблюденіемъ этихъ законовъ, смотрятъ на малѣйшее ихъ нарушеніе, какъ на личную для себя обиду и какъ на поводъ, чтобы проявить свой гнѣвъ. *) Потомъ начинаются тревоги другого рода: отецъ и мать боятся хлопотъ и издержекъ, которыя на нихъ навлекутъ поступки дѣтей; имъ поневолѣ приходится принимать на себя всѣ дурныя послѣдствія, которыя должны были-бы пасть на тѣхъ, кто провинился. То-же самое мы видимъ и на дѣтяхъ. Наказанія, которыя налагаетъ на нихъ неизбѣжная естественная реакція, наказанія, налагаемыя на нихъ безличнымъ дѣятелемъ—природою, возбуждаютъ въ нихъ, сравнительно, легкое и мимолетное раздраженіе, тогда-какъ наказанія, произвольно налагаемыя родителями, всегда заставляютъ дѣтей думать, что отецъ или мать были съ ними несправедливы, а это вызываетъ въ нихъ сильное, продолжительное раздраженіе. Теперь посмотримъ, до какой степени были-бы гибельны послѣдствія, если-бы этотъ эмпирическій методъ примѣнялся родителями съ самаго начала.

Вообразите себѣ, что вдругъ такъ-бы устроилось, что родители могли-бы брать на себя физическія страданія дѣтей, которыя причинены неловкостью или невѣдѣніемъ послѣднихъ, а чтобы показать дѣтямъ неправоту ихъ поступковъ, они под-

---

*) Это, дѣйствительно, крайне-нежелательная и, къ сожалѣнію, весьма заурядная черта въ типахъ современныхъ родителей и воспитателей, доказывающая невыдержанность характера, а такая невыдержанность (какъ объ этомъ подробно говоритъ авторъ ниже) положительно пагубна въ дѣлѣ воспитанія.

Примѣч. переводч.

вергали-бы ихъ другимъ, искусственнымъ, страданіямъ. Такъ, если-бы ребенку строго запретили подходить къ котлу съ горячей водой, а онъ не послушался-бы и, подойдя, обварилъ-бы себѣ ногу кипяткомъ,—мать сейчасъ-же приняла-бы страданія отъ обжога на себя, но за то прибила-бы ребенка. Если-бы это повторялось въ различныхъ видахъ ежедневно, въ каждой семьѣ,—неужели несчастія не были-бы каждый день источникомъ гораздо большего проявленія гнѣва и раздраженія, чѣмъ при настоящемъ порядкѣ семейнаго быта? Неужели это не производило-бы хроническаго дурного расположенія духа съ обѣихъ сторонъ? А между тѣмъ родители придерживаются точь-въ-точь такихъ-же правилъ въ своемъ обращеніи со взрослыми дѣтьми. Отецъ бьетъ сына за то, что тотъ умышленно или нечаянно сломалъ игрушку сестры, а самъ покупаетъ новую игрушку: такимъ образомъ, онъ этимъ налагаетъ искусственное наказаніе на провинившагося, а на себя беретъ естественное. Въ то-же время, какъ онъ, такъ и сынъ его раздражаются совершенно безполезно. Если-бы отецъ потребовалъ отъ мальчика, чтобы тотъ замѣнилъ сломанную игрушку новой, онъ не озлобилъ-бы его противъ себя. Скажи только онъ сыну, что сестрѣ надо купить новую игрушку на счетъ его карманныхъ денегъ, и потому изъ нихъ удержится извѣстная сумма,—неудовольствіе съ обѣихъ сторонъ было-бы много слабѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ понесенномъ убыткѣ мальчикъ испыталъ-бы справедливое и цѣлебное наказаніе. Короче сказать, система дисциплины при содѣйствіи естественныхъ реакцій гораздо менѣе вредитъ характеру дѣтей, такъ-какъ они сами сознаютъ ея безусловную справедливость и такъ-какъ она, въ значительной степени замѣняетъ личное вмѣшательство родителей безличнымъ посредничествомъ природы.

Изъ всего сказаннаго очевиденъ выводъ, что при подобной системѣ, отношенія между родителями и дѣтьми принимаютъ характеръ гораздо болѣе дружественный и потому взаимное вліяніе дѣлается много прочнѣе. Вообще, раздраженія

той и другой стороны всегда вредны, кѣмъ-бы гнѣвъ ни возбуждался и на кого-бы онъ ни падалъ. Но озлобленіе родителей противъ дѣтей и дѣтей противъ родителей особенно гибельно оттого, что оно ослабляетъ взаимную между ними симпатію, которая необходима для взаимнаго благотворнаго вліянія. По закону ассоціаціи идей, неизбѣжно слѣдуетъ, что, какъ въ молодости, такъ и въ старости, человѣкъ чувствуетъ отвращенія къ тѣмъ предметамъ, съ которыми у него связаны непріятныя воспоминанія. Привязанность, которая первоначально существовала, слабѣетъ и даже переходитъ въ антипатію соотвѣтственно съ количествомъ полученныхъ тяжелыхъ впечатлѣній. Родительскій гнѣвъ, который выражается въ выговорахъ и наказаніяхъ, при частыхъ повтореніяхъ, непремѣнно вызоветъ отчужденіе дѣтей, и наоборотъ злопамятство и упорство дѣтей непремѣнно охладятъ къ нимъ отца и мать, а подъ конецъ даже истребятъ въ нихъ чувство привязанности къ дѣтямъ. Недаромъ намъ приходится видѣть много случаевъ, гдѣ дѣти относятся съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, если не съ отвращеніемъ, къ своимъ родителямъ, (въ особенности, къ отцамъ, на которыхъ, преимущественно, возлагается карательная роль), а родители смотрятъ на своихъ дѣтей, какъ на испытаніе, какъ на крестъ, который имъ послала судьба. *) Итакъ, убѣдившись, на сколько подобное взаимное отчужденіе пагубно для здоровой нравственной культуры, мы обязаны признать необходимымъ, чтобы всѣ родители вообще старались какъ можно тщательнѣе избѣгать поводовъ къ непосредственному антагонизму со своими дѣтьми. Они должны твердо держаться правилъ дисциплины естественныхъ послѣдствій, такъ-какъ она одна избавитъ ихъ отъ тяжкой

*) Къ числу причинъ разлада между родителями и дѣтьми принадлежитъ, несомнѣнно, и дурное воспитаніе; но это—одна изъ сотни причинъ и при томъ, по нашему разумѣнію, далеко не столь существенная, какою ее считаетъ авторъ.

Примѣч. переводч.

обязанности карателей и предупредить взаимныя раздраженія и отчужденія.

Мы теперь ясно понимаемъ, что методъ нравственной культуры, путемъ испытанія нормальныхъ реакцій предназначенной самой природой для младенцевъ и взрослыхъ людей въ одинакой степени, можно точно также примѣнить къ отроческому и юношескому возрастамъ.

Главныя преимущества этого метода заключаются въ слѣдующемъ. Во первыхъ, въ томъ, что онъ даетъ человѣку раціональное понятіе о хорошемъ и дурномъ поведеніи путемъ личнаго испытанія хорошихъ и дурныхъ послѣдствій; во-вторыхъ, въ томъ, что ребенокъ, вынося только тяжелыя послѣдствія своихъ собственныхъ дурныхъ поступковъ, болѣе и менѣе сознаетъ справедливость наказанія, которое его постигло; въ-третьихъ, въ томъ, что призновая справедливость наказанія и принимая ее чрезъ посредство невидимаго дѣятеля, а не изъ рукъ родителей или воспитателей, ребенокъ не такъ озлобляется и характеръ его не такъ портится; въ то-же время, родители, исполняя, относительно, пассивную роль, т. е. давая ребенку чувствовать естественное наказаніе, сохраняютъ, отчасти, душевное спокойство; наконецъ, въ-четвертыхъ, въ томъ, что, вслѣдствіе предупрежденія взаимныхъ раздраженій, между родителями и дѣтьми устанавливаются болѣе счастливыя отношенія и, слѣдовательно, упрочивается ихъ взаимное вліяніе.

„Но какъ-же дѣйствовать при поступкахъ дѣтей болѣе серьезныхъ?“ спросятъ насъ. Какъ, напримѣръ, примѣнить описанный методъ, если ребенокъ совершитъ небольшую кражу, солжетъ, обидитъ младшаго брата или младшую сестру?

До отвѣта на эти вопросы разсмотримъ нѣсколько фактовъ, которые прямо разъясняютъ дѣло. Одинъ изъ нашихъ друзей, поселившись въ семьѣ своей двоюродной, замужней, сестры, взялъ на себя роль воспитателя ея дѣтей, мальчика и дѣвочки. Дѣйствуя больше подъ вліяніемъ природнаго влеченія, чѣмъ серьезно-обдуманнаго плана, онъ повелъ дѣтей въ духѣ вы-

шеописаннаго метода. Въ домѣ они были его воспитанниками, внѣ дома—его товарищами. Они каждый день сопровождали дядю въ его прогулкахъ и ботаническихъ экскурсіяхъ, усердно отыскивали для него растенія, пристально наблюдали, какъ онъ ихъ разсматриваетъ и сортируетъ; такъ или иначе, но общество дяди развлекало и научало ихъ. Короче сказать, въ нравственномъ смыслѣ, отношенія его въ дѣтямъ были гораздо болѣе родительскія, чѣмъ отношенія къ нимъ отца и матери. Описывая намъ результаты своей системы обращенія съ племянникомъ и племянницею, онъ передалъ слѣдующее. Однажды, вечеромъ, ему понадобилась какая-то вещь, которая лежала въ комнатѣ, на другомъ концѣ дома; онъ попросилъ племянника принести ее. Мальчикъ, въ эту минуту, былъ очень заинтересованъ одной игрушкой; вопреки своему обыкновенію онъ—мы не помнимъ хорошо—или высказалъ явное нежеланіе исполнить просьбу дяди, или прямо отказался итти. Тогда дядя вмѣсто того, чтобы прибѣгнуть къ какимъ нибудь принудительнымъ мѣрамъ, самъ пошелъ за требуемой вещью, выразивъ, впрочемъ, на лицѣ неудовольствіе, которое въ немъ вызвано было неделикатностью мальчика. Въ концѣ вечера, племянникъ сталъ предлагать дядѣ поиграть съ ними въ какую-то обычную игру; послѣдовалъ серьезный отказъ, который явно свидѣтельствовалъ, что дядя недоволенъ; ребенокъ тотчасъ почувствовалъ непріятныя послѣдствія своего дурного поступка. На слѣдующее утро, въ тотъ самый часъ, когда нашъ другъ обыкновенно вставалъ, за дверью его комнаты послышался дѣтскій голосъ. Дверь отворилась и на порогѣ ея показался маленькій племянникъ: онъ принесъ горячую воду, затѣмъ, внимательно осмотрѣлъ всю комнату, отыскивая, что-бы еще сдѣлать. „А-а, вамъ не принесли сапогъ?“ воскликнулъ онъ, и бросился опрометью по лѣстницѣ внизъ за сапогами. Очевидно было, что онъ хотѣлъ высказать искреннее раскаяніе въ своемъ дурномъ поступкѣ; въ теченіи цѣлого дня, онъ выдумывалъ всевозможныя услуги, чтобы загла-

дить въ глазахъ дяди свою вину. Хорошія свойства одержали полную побѣду надъ дурными и, благодаря этой побѣдѣ, окрѣпли. Почувствовавъ, какъ много значитъ для него дружба дяди, мальчикъ вдвое оцѣнилъ ее, когда дядя помирился съ нимъ.

Дружба между отцомъ и дѣтьми. Нашъ другъ сдѣлался теперь самъ отцомъ и продолжаетъ проводить ту-же систему въ своей собственной семьѣ, такъ какъ онъ считаетъ это вполнѣ цѣлесообразнымъ. Это не отецъ, а вѣрный другъ своихъ дѣтей. Они каждый день ждутъ, не могутъ дождаться вечера, такъ какъ въ это время отецъ возвращается домой. Любимый день ихъ—воскресенье, такъ-какъ отецъ съ утра остается дома. Дѣти любятъ его безъ памяти, открываютъ ему всю свою душу и онъ увѣренъ, что одно его слово одобренія или порицанія производитъ на нихъ огромное вліяніе. Если, возвратясь домой, отецъ узнаетъ, что который-нибудь дурно велъ себя, напр., капризничалъ, онъ выкажетъ холодность въ обращеніи съ нимъ, естественный результатъ холодности, которая вызвана дурнымъ поведеніемъ, и это наказаніе всегда достигло цѣли. Просто одно воздержаніе отъ обычныхъ ласкъ уже причиняетъ его дѣтямъ большое горе и бываетъ причиною такихъ продолжительныхъ слезъ, какихъ не вызвала-бы никакая другая мѣра. Страхъ этого, чисто-нравственнаго наказанія, по словамъ нашего друга, не покидаетъ его дѣтей даже во время его отсутствія; случается очень часто, что они по нѣсколько разъ въ день спрашиваютъ у матери, довольна-ли она ими и хорошо-ли отзовется объ нихъ отцу. Недавно старшій сынъ, бойкій мальчуганъ лѣтъ пяти, подъ вліяніемъ чисто-животнаго увлеченія;—которое свойственно всѣмъ здоровымъ дѣтямъ, сильно напроказилъ въ отсутствіе матери: онъ отрѣзалъ клокъ волосъ съ головы своего брата, а себя поранилъ бритвой, вытащенною изъ несессера отца. Когда отецъ по возвращеніи домой, услышалъ о такихъ похожденіяхъ своего сына, то не сказалъ съ нимъ ни слова, ни ве-

черомъ, ни на слѣдующій день. Мальчикъ былъ неутѣшенъ и впечатлѣніе отъ понесеннаго имъ наказанія до того было сильно, что нѣсколько дней спустя, когда мать опять собралась уйти куда-то, онъ сталъ умолять ее, чтобы она осталась дома. На вопросъ, почему онъ этого желаетъ, ребенокъ сознался, что боится, какъ-бы ему въ ея отсутствіи не провиниться снова.

Мы съ цѣлью привели этотъ и предъидущій примѣры прежде отвѣта на вопросъ,—„какъ дѣйствовать при болѣе серьезныхъ поступкахъ дѣтей?"—для того, чтобы выяснить, каковы должны быть отношенія между родителями и дѣтьми, такъ-какъ отъ свойства этихъ отношеній зависитъ успѣшное исправленіе важныхъ поступковъ. Далѣе, мы считаемъ необходимымъ указать на то, что упомянутыя отношенія не могутъ иначе установиться, какъ при помощи отстаиваемой нами системы. Выше, мы уже сказали, что заставляя ребенка испытывать на себѣ непріятную реакцію своихъ собственныхъ дурныхъ поступковъ, родители избѣгаютъ столкновеній съ нимъ и не даютъ ему повода смотрѣть на себя, какъ на враговъ. Намъ остается теперь доказать, что въ тѣхъ семьяхъ, гдѣ постоянно придерживались этой системы, чувство искренней дружбы между родителями и дѣтьми не прекращалось.

Дѣти смотрятъ на родителей, какъ на друзей и какъ на враговъ. Въ настоящее время, дѣти въ большинствѣ случаевъ, видятъ въ своихъ родителяхъ и друзей и вмѣстѣ съ тѣмъ и враговъ. Такъ-какъ дѣтскія впечатлѣнія неизбѣжно зависятъ отъ свойства обращенія съ ними, и обращеніе это постоянно колеблется между подкупомъ, наградами и угрозами, баловствомъ, бранью ласками и наказаніями, то у дѣтей, естественнымъ образомъ, слагается очень смутное понятіе о родительскомъ характерѣ. Мать, напримѣръ воображаетъ, что достаточно, если она скажетъ своему маленькому сыну, что она его лучшій другъ и что онъ обязанъ вѣрить ей на слово, чтобы ребенокъ все-таки ей повѣрилъ. „Я все сдѣлаю для

твоего блага.“ Я лучше тебя знаю, что тебѣ нужно. Ты еще малъ, не поймешь теперь этого, но когда выростишь, скажешь мнѣ спасибо за то, что я такъ поступаю. Такія и вродѣ этихъ фразъ повторяются матерью ежедневно, а между тѣмъ, мальчика каждый день подвергаютъ мучительнымъ наказаніямъ, безпрестанно запрещаютъ ему то, одно, то другое, ставятъ препятствія каждому его желанію. Онъ всегда слышитъ, что его счастье составляетъ единственную цѣль родителей, а въ дѣйствительности переноситъ однѣ лишь непріятности. Не понимая еще значенія этой будущности, о которой его мать такъ часто толкуетъ, и того, какимъ образомъ практикуемое съ нимъ обращеніе можетъ послужить къ его счастью, онъ обо всемъ судитъ только по тѣмъ даннымъ, которыя самъ на себѣ испытываетъ, но такъ-какъ въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ непріятнаго, то мальчикъ начинаетъ относиться съ большой недовѣрчивостью къ словамъ матери о любви къ нему. Другого исхода было-бы даже странно ожидать. Ребенокъ, конечно, разсуждаетъ на основаніи очевидныхъ данныхъ, а эти данныя вполнѣ подтверждаютъ его заключеніе. И мать точно такъ-же разсуждала бы, если-бы ее поставили въ одинаковое положеніе съ сыномъ. Если-бы кто нибудь изъ ея знакомыхъ постоянно шелъ на перекоръ ея желаніямъ, дѣлалъ-бы ей по временамъ рѣзкія замѣчанія, причинялъ-бы ей чувствительныя непріятности и при этомъ каждый день разсыпался-бы передъ нею въ выраженіяхъ своей искренней преданности и любви, она, конечно, никогда-бы не довѣрилась подобной личности. Отчего-же она думаетъ, что ея сынъ долженъ поступать иначе?

Теперь разсудите, какихъ противоположныхъ результатовъ достигли-бы родители, если-бы они неуклонно придерживались той системы, которую мы отстаиваемъ,—если-бы мать не только не представляла изъ себя орудія наказанія въ глазахъ ребенка, но дѣйствительно исполняла-бы роль его друга, предостерегая малютку отъ наказаній, которыя ему подго-

товляетъ природа за дурные поступки? Возьмемъ одинъ примѣръ и чтобы онъ выказалъ способъ примѣненія, какъ можно яснѣе, выберемъ самый простой. Предположимъ, что мальчикъ, который побужденъ духомъ изслѣдованія, такъ рѣзко проявляющимся въ дѣтствѣ, когда всѣ дѣйствія инстинктивно согласуются съ индуктивнымъ методомъ изслѣдованія, предположимъ, что онъ забавляется зажиганіемъ кусочковъ бумаги на свѣчкѣ, съ цѣлью прослѣдить, какъ они будутъ горѣть. Мать неразсудительная—а ихъ великое множество—изъ предосторожности, чтобъ не случилось бѣды или чтобъ ребенокъ не обжогся, сейчасъ прикажетъ ему перестать шалить; если-же онъ не послушается сразу, она вырветъ у него бумагу изъ рукъ, но если, на счастье, у мальчика окажется мать настолько разсудительная, чтобы понять, что интересъ, съ которымъ онъ слѣдитъ за процессомъ сгоранія бумажекъ, есть результатъ естественной любознательности и настолько развитая, чтобы сообразить, какъ вредно можетъ быть ея вмѣшательство,—она непремѣнно скажетъ себѣ слѣдующее: „если я запрещу эту забаву, я лишу сына случая пріобрѣсти новое свѣдѣніе. Правда, я спасу его отъ обжога, но что-жъ изъ этого? Впослѣдствіи, когда-нибудь онъ все-таки обожжется; для его личной безопасности необходимо даже, чтобы онъ собственнымъ опытомъ узналъ свойства огня. Если я огражу его теперь отъ опасности, то очень можетъ случиться, что въ другой разъ онъ будетъ совершенно одинъ и подвергнется еще большей опасности, такъ-какъ некому будетъ предупредить его, но если онъ обожжется въ моемъ присутствіи, то я могу легко предохранить дальнѣйшія послѣдствія обжога. Да кромѣ того, если я остановлю его теперь, то онъ не уймется и, при первомъ удобномъ случаѣ, опять примется за эту безвредную и, въ сущности, поучительную забаву, а на меня будетъ смотрѣть съ нѣкоторой затаенной досадой, такъ-какъ онъ еще не знаетъ болѣзненное ощущеніе обжога, отъ котораго я могу его спасти; помѣшавъ ему иг-

рать я возбужу въ немъ только чувство досады. Спасая его отъ неизвѣстной ему боли, я ему причиняю другую боль, которую онъ очень живо ощущаетъ, и, такимъ образомъ, съ его точки зрѣнія, я для него теперь орудіе зла. Я лучше сдѣлаю, если просто предупрежу его объ угрожающей ему опасности и приму мѣры къ отклоненію серьезнаго вреда." Разсудивъ такимъ образомъ, мать говоритъ ребенку: „Послушай, я боюсь, не обжогся-бы ты, перестань." Положимъ, мальчикъ не послушается и кончитъ тѣмъ, что обожжетъ себѣ руку. Какой получится результатъ? Во-первыхъ, онъ пріобрѣтаетъ опытность, а чѣмъ раньше она пріобрѣтается, тѣмъ лучше, во-вторыхъ, онъ убѣдится, что мать, останавливая и предостерегая его, имѣла въ виду его личную пользу, убѣдится въ ея вниманіи къ нему, получитъ новое доказательство вѣрности ея сужденія и ея заботливости о немъ, наконецъ, еще будетъ имѣть поводъ любить ее.

Конечно, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ребенокъ рискуетъ сломать себѣ руку или ногу, или подвергнуться опасному ушибу, необходимо употреблять насильственныя мѣры, но за исключеніемъ этихъ случаевъ надо держаться такой системы, чтобы не отстранять ребенка отъ незначительныхъ опасностей, которыя ему ежедневно угрожаютъ, а только совѣтовать остерегаться ихъ. При подобной системѣ, дѣти горячѣе привязываются къ родителямъ, чѣмъ при обычныхъ у насъ условіяхъ. Если отецъ съ матерью постоянно держатся дисциплины естественныхъ реакцій, т. е. разрѣшаютъ дѣтямъ внѣ дома лазать и рѣзвиться, сколько они хотятъ, а дома пускаться во всякія, хотя-бы даже опасныя, затѣи, ласково предостерегая ихъ только, чтобы они соблюдали извѣстную осторожность, — довѣріе ихъ къ дружбѣ и руководству постепенно будетъ усиливаться въ дѣтяхъ. Соблюденіе такого метода, какъ мы сказали выше, даетъ родителямъ возможность избѣгнуть озлобленія дѣтей—этого неминуемаго результата строгихъ наказаній, безпрестанной брани и уко-

ровъ; мало того, тѣ случаи, которые въ другихъ семьяхъ обыкновенно ведутъ къ ссорамъ, у нихъ обратятся въ средства усиленія взаимнаго согласія. Безъ краснорѣчивыхъ фразъ, которыя идутъ въ разрѣзъ съ дѣломъ,—что родители лучшіе друзья дѣтей,—послѣдніе сами убѣдятся въ этой истинѣ при помощи ежедневныхъ доказательствъ, а усвоивъ ее такимъ путемъ, они почувствуютъ къ отцу и матери такую сильную привязанность и такое довѣріе, какихъ тѣ не могли-бы достигнуть никакимъ другимъ путемъ. Указавъ нашимъ читателямъ, какія прекрасныя отношенія могутъ установиться въ семьѣ при постоянномъ руководствѣ естественнымъ методомъ, мы перейдемъ къ вышеупомянутому вопросу.

Какъ примѣнить этотъ методъ къ случаямъ важныхъ проступковъ?*) Замѣтьте, что важные проступки совершаются дѣтьми рѣже и не имѣютъ такого рѣзкаго характера при описанномъ нами способѣ воспитанія, чѣмъ при тѣхъ, которые вошли во всеобщее употребленіе. Дѣти часто ведутъ себя дурно, вслѣдствіе хроническаго раздраженія, всегда поддерживаемаго въ нихъ дурнымъ обращеніемъ съ ними въ семьѣ. Уединеніе и ожесточеніе, которое вызывается частыми наказаніями, неизбѣжно должны заглушать чувство любви и, слѣдовательно, подстрекать ребенка къ такимъ поступкамъ, которые-бы онъ себѣ никогда не позволилъ, оставаясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ родителями. Грубое обращеніе дѣтей одной и той же семьи между собой, въ большинствѣ случаевъ, есть только

---

*) Въ разрѣшеніи этого вопроса особенно замѣтно сдѣланное авторомъ упущеніе, о которомъ мы говорили во вступленіи къ нашему переводу, именно, что если нарушенія *физическихъ* законовъ сопровождается *физическою* болью, то въ параллель этому, строго слѣдуя такъ горячо рекомендуемому авторомъ естественному методу, дѣло родителей настолько развить нравственность воспитанника, чтобы нарушеніе ея причиняло ему *нравственную* боль. Подробное выясненіе этого читатель найдетъ въ нашемъ вступленіи.

Примѣч. переводч.

отраженіе грубаго обращенія съ ними старшихъ; оно внушается отчасти дурнымъ примѣромъ, отчасти досадою и жаждою выместить на комъ-нибудь горечь, которая накопилась на душѣ послѣ безпрестанныхъ выговоровъ и наказаній. Нечего и говорить, что ласковое обращеніе непремѣнно смягчитъ дѣтскіе нравы и дѣти перестанутъ наносить другу другу частыя и серьезныя обиды. Провинности, еще болѣе достойныя порицанія, какъ напримѣръ: ложь, мелкія кражи и т. д. по той-же самой причинѣ, будутъ проявляться значительно рѣже. Отчужденіе ребенка въ семьѣ, есть главный источникъ подобныхъ поступковъ. Существуетъ законъ человѣческой природы, очевидный для каждаго наблюдателя, что люди, которыхъ лишаютъ высшихъ наслажденій, ищутъ себѣ утѣшенія въ низшихъ; люди, незнакомые съ чувствомъ взаимной любви, предаются эгоизму, а слѣдовательно и наоборотъ, чѣмъ дружнѣе будутъ жить родители съ дѣтьми, тѣмъ болѣе сократится число поступковъ, основанныхъ на эгоизмѣ. Когда, даже при самой лучшей системѣ, дѣти случайно совершатъ поступокъ подобнаго рода, можно опять-таки прибѣгнуть къ дисциплинѣ послѣдствій и если между провинившимися и ихъ родителями будетъ существовать крѣпкая связь довѣрія и любви, то дисциплина эта непремѣнно окажетъ свое вліяніе. Напримѣръ, какія естественныя послѣдствія, положимъ хоть воровства? Онѣ двухъ родовъ: прямыя и косвенныя. Прямое послѣдствіе, которое основано на законѣ справедливости, заключается въ возвращеніи украденной вещи. Справедливый правитель (всѣ родители стремятся быть такими) потребуетъ, чтобы дурной поступокъ былъ заслуженъ хорошимъ; въ случаѣ воровства необходимо вернуть краденную вещь или, если она уничтожена, замѣнить ее равноцѣнной; если воромъ былъ ребенокъ, то нужно заставить его пріобрѣсти вещь на свои карманныя деньги. Косвенное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе важное послѣдствіе такого дурного поступка есть сильное неудовольствіе родителей; подобное послѣдствіе

неизбѣжно въ средѣ людей настолько цивилизованныхъ, чтобы считать воровство преступленіемъ. „Но, скажутъ намъ, выраженіе родительскаго гнѣва на словахъ или въ побояхъ, есть обычный результатъ въ подобныхъ случаяхъ, и вашъ методъ не приведетъ ни къ чему новому.“ Совершенно справедливо. Мы уже знаемъ, что въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, многіе родители и воспитатели самопроизвольно руководствуются этимъ методомъ; мы доказали, что въ воспитательныхъ системахъ замѣтно стремленіе достигнуть идеала настоящей системы; а теперь мы можемъ повторить, что сила естественной реакціи, вслѣдствіе благопріятнаго хода вещей, всегда приноравливается къ духу времени. Родительскій гнѣвъ, въ сравнительно-варварскія времена, выражался въ грубыхъ мѣрахъ при исправленіи дѣтей, сравнительно, также дикихъ; чѣмъ больше развивалось соціальное положеніе людей, тѣмъ мѣры ихъ дѣлались кротче. Но мы хотимъ, главнымъ образомъ, обратить вниманіе читателей на то, что строгое выраженіе родительскаго гнѣва, которое вызвано однимъ изъ важныхъ поступковъ, можетъ повести къ добру, если между провинившимся и его родителями существуютъ тѣсныя, дружескія отношенія. Дисциплина естественныхъ послѣдствій окажется ровно настолько-же благотворною въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ,—доказательство этому каждый изъ насъ можетъ найти въ собственной или чужой жизни, если только потрудится внимательно отнестись къ дѣлу.

Кто изъ насъ не знаетъ, что, обидѣвъ ближняго, мы чувствуемъ къ нему сожалѣніе, соразмѣрно степени симпатіи нашей къ нему? Каждый согласится съ нами, что, если обиженная нами личность нашъ врагъ, то причиненіе ему непріятности служитъ для насъ скорѣе источникомъ тайнаго удовольствія, чѣмъ огорченія.

Каждый изъ насъ испыталъ на себѣ, что когда его оскорблялъ своей холодностью незнакомый ему человѣкъ, то онъ относился къ этому довольно равнодушно и, наоборотъ,

горячо принималъ къ сердцу, когда такое оскорбленіе наносилъ ему близкій человѣкъ. Точно также и гнѣвъ дорогого, любимаго существа принимается нами, какъ несчастье и разстраиваетъ насъ надолго. Неудовольствіе родителей, равнымъ образомъ, дѣйствуетъ на дѣтей соразмѣрно съ характеромъ установившихся между ними отношеній. Если ребенокъ отчужденъ отъ родителей, то онъ, совершивъ какой-нибудь проступокъ, будетъ ощущать чисто-эгоистическій страхъ передъ грозящимъ ему впереди физическимъ наказаніемъ или-же важнымъ лишеніемъ; когда его подвергнутъ тому или другому, онъ разсердится на родителей и это чувство еще больше усилитъ его отчужденіе. Между тѣмъ, если въ ребенкѣ живетъ горячая привязанность къ родителямъ, возникшая вслѣдствіе нѣжности, выказываемой ему отцомъ и матерью, то *нравственное огорченіе, испытываемое имъ* каждый разъ *при родительскомъ гнѣвѣ* не только обуздаетъ его дурныя наклонности, но даже *существенно исправитъ его.*

Нравственное страданіе при мысли, что онъ лишился, хотя на время, столь дорогой родительской дружбы, гораздо тяжелѣе для него, чѣмъ какое-либо физическое наказаніе и, потому, дѣйствительнѣе. Вмѣсто страха и озлобленія, которые возбуждаетъ система тѣлесныхъ наказаній, въ ребенкѣ рождается боязнь огорчить родителей, раскаяніе въ проступкѣ, вызвавшемъ ихъ неудовольствіе, желаніе чѣмъ-нибудь загладить свою вину и возстановить прежнія дружескія отношенія. Вмѣсто эгоистическихъ страстей, этого главнаго источника преступленій, въ душѣ ребенка развиваются самыя благородныя чувства, которыя обуздываютъ преступныя дѣйствія. Такимъ образомъ, дисциплина естественныхъ послѣдствій вполнѣ примѣнена какъ къ важнымъ, такъ и къ мелкимъ проступкамъ и руководствованіе ею не только обуздываетъ, но и искореняетъ человѣческіе недостатки.

Короче сказать, истина заключается въ томъ, что жестокость порождаетъ жестокость, а кротость порождаетъ кро-

тость. Дѣти, къ которымъ относились равнодушно, сами становятся равнодушными, и, наоборотъ, тѣ, которыя пользовались любовью и ласкою родителей, современемъ, сами проникаются сочувствіемъ и любовью къ окружающимъ. Въ семьѣ, какъ и въ государствѣ, суровый деспотизмъ бываетъ причиной большинства преступленій, которыя ему-же и приходится обуздывать, тогда-какъ, съ другой стороны, кроткое и либеральное управленіе уничтожаетъ многіе поводы къ раздорамъ и такъ улучшаетъ нравы и чувства людей, что стремленіе къ преступленіямъ замѣтно ослабѣваетъ. Джонъ-Локке уже давно сказалъ: „крайне строгія наказанія мало приносятъ пользы, а скорѣе наносятъ громадный вредъ воспитанію, и я увѣренъ, что современемъ педагоги поймутъ, какъ при одинаковыхъ условіяхъ, изъ дѣтей часто подвергавшихся наказаніямъ, рѣже выходятъ хорошіе люди.“ Въ подтвержденіе этого мнѣнія мы можемъ привести фактъ, такъ давно опубликованный мистеромъ Роджерсомъ, капелланомъ понтонвильской тюрьмы, именно, что молодые преступники, подвергавшіеся наказанію розгами, чаще другихъ возвращаются въ тюрьму. Напротивъ, благодѣтельное вліяніе кроткаго обращенія свидѣтельствуетъ другой фактъ, переданный намъ одной француженкой, въ домѣ которой мы недавно останавливались въ Парижѣ. Извиняясь передъ нами въ безпокойствѣ, причиняемомъ всѣмъ въ домѣ маленькимъ мальчикомъ, съ которымъ не могли справиться ни въ семьѣ, ни въ школѣ, она выразила опасеніе, что другого средства для его исправленія не остается кромѣ того, которое совершенно удалось относительно его старшаго брата, а именно, отправить его въ англійскую школу. Она разсказывала, что съ этимъ старшимъ братомъ также не могли сладить ни въ одной изъ французскихъ школъ; она пришла въ отчаяніе и по чьему-то совѣту послала мальчика въ Англію, откуда онъ вернулся домой на столько хорошимъ, на сколько былъ прежде дуренъ. Такую замѣчательную перемѣну она всецѣло приписывала

сравнительной мягкости англійской школьной дисциплины.

Изложивъ всѣ главные принципы естественнаго метода, мы займемъ послѣднія страницы нашего сочиненія нѣкоторыми важнѣйшими правилами или, скорѣе выводами изъ этихъ принциповъ, и для бо̀льшей краткости представимъ ихъ въ формѣ наставленій.

Не ожидайте отъ ребенка нравственнаго совершенства. Каждый цивилизованный человѣкъ въ ранніе годы своего дѣтства переживаетъ фазисъ развитія, свойственный варварскому племени, отъ котораго произошли его предки. Какъ черты лица ребенка,—его плоскій носъ, раздутыя ноздри, толстыя губы, широко разставленные глаза, отсутствіе лицеваго угла,—такъ равно и инстинкты его, въ первое время, очень напоминаютъ черты лица и инстинкты дикихъ. Вотъ откуда являются вообще у всѣхъ дѣтей наклонности къ жестокости, воровству, лжи и жадности, наклонности, которыя, даже безъ помощи дисциплины, болѣе или менѣе измѣняются, со временемъ, какъ и черты лица. Утвердившееся мнѣніе, будто дѣти „невинныя созданія", совершенно справедливо относительно *познанія зла*, но вполнѣ ошибочно относительно *побужденій ко злу*. Стоитъ пробыть только полчаса въ дѣтской, чтобы убѣдиться въ томъ. Если мальчиковъ оставить ненадолго безъ надзора въ общественныхъ школахъ, они начинаютъ драку между собой съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ взрослые; если-же за ними вовсе нѣтъ присмотра съ самаго ранняго возраста, то жестокосердіе въ нихъ разовьется еще сильнѣе. Мы считаемъ вполнѣ неразумнымъ не только созданіе себѣ идеала хорошаго поведенія дѣтей, но даже чрезмѣрное усердіе безпрестанно побуждать ихъ хорошо вести себя. Теперь уже многіе родители убѣдились въ гибельныхъ результатахъ *нравственной скороспѣлости* дѣтей. Высшія нравственныя и высшія умственныя качества человѣка весьма сложны, слѣдовательно, какъ тѣ, такъ и другія, сравнительно, поздно развиваются; ихъ ранняя дѣятельность, вызванная

насильственно, непремѣнно разовьется на счетъ будущихъ свойствъ. Вотъ причина очень часто встрѣчаемой аномаліи такого рода, что люди, служившіе въ дѣтствѣ примѣромъ даровитости, мало-по-малу, незамѣтно тупѣли и кончали тѣмъ, что становились не выше, а ниже посредственности, между тѣмъ, какъ истинно-даровитые люди весьма мало обѣщали въ дѣтствѣ.

Оставайтесь вполнѣ довольны умѣренными мѣрами и умѣренными результатами. Никогда не забывайте, что высшая нравственность и высшее умственное развитіе достигаются весьма медленно и потому не раздражайтесь, открывая несовершенства въ вашемъ ребенкѣ. Не позволяйте себѣ безпрестанно бранить его, угрожать ему наказаніями, запрещать то одно, то другое, словомъ, не придерживайтесь системы, по милости которой многіе родители поселяютъ въ семьѣ хроническое раздраженіе, воображая, что они подобнымъ обращеніемъ могутъ выработать изъ своихъ дѣтей все, что хотятъ.

Либеральная форма домашняго управленія, недопускающая придирокъ къ каждому пустяку въ поведеніи ребенка, есть неизбѣжный результатъ той системы, которую мы отстаиваемъ. Будьте довольны тѣмъ, что вашъ ребенокъ постоянно испытываетъ естественныя послѣдствія своихъ дѣйствій, тогда вы не ошибетесь, какъ большинство родителей, очень усердно контролирующихъ своихъ дѣтей, предоставьте ребенка, насколько возможно, дисциплинѣ опыта и вы спасете его отъ тепличной добродѣтели податливыхъ натуръ, вѣчно требующей помочей, вы оградите его отъ того унизительнаго презрѣнія, которому всегда подвергаются подобныя личности со стороны людей съ твердымъ, независимымъ характеромъ.

Контроль родителей надъ собой. Добиваясь всѣми силами, чтобы ваши дѣти, послѣ каждаго своего проступка, испытывали вліяніе естественныхъ реакцій, вы отлично обуздаете свой собственный характеръ. Къ сожалѣнію большинство ро-

дителей придерживается страннаго метода воспитанія: они дѣйствуютъ подъ вліяніемъ первой вспышки гнѣва, стараясь удовлетворить его какъ и чѣмъ попало. Положимъ ребенокъ провинился (иногда даже его поступка и нельзя назвать виною); мать сейчасъ начинаетъ награждать его пинками, толчками, рѣзкою бранью и всѣ эти проявленія досады бываютъ только результатомъ желанія выместить на ребенкѣ свой гнѣвъ, а вовсе не желанія исправить его. Для того, чтобы при каждомъ дѣтскомъ проступкѣ мы могли хорошенько вникнуть въ естественныя его послѣдствія и обсудить, какъ оно повліяетъ на маленькаго шалуна, мы должны употребить нѣсколько минутъ на то, чтобы притти въ себя и сдержать свой гнѣвъ, тогда только мы будемъ въ состояніи дѣйствовать сознательно и не увлечемся нервнымъ раздраженіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, не слѣдуетъ быть также пассивнымъ орудіемъ въ подобныхъ случаяхъ. Не надо забывать, что въ числѣ естественныхъ реакцій, которыя дѣйствуютъ на ребенка, большую роль играетъ осужденіе или одобреніе родителей—самое законное средство для руководства дѣтскихъ поступковъ. Мы возставали противъ *замѣненія* естественныхъ наказаній природы родительскимъ гнѣвомъ и искусственными наказаніями; но мы ни въ какомъ случаѣ не отвергаемъ необходимости, чтобы послѣднія *сопровождали* иногда первыя. Если *второстепенный* родъ возмездія не завладѣетъ мѣстомъ *первостепеннаго*, то онъ можетъ, въ нѣкоторой степени, дополнить его. Огорченіе, которое вамъ причинилъ ребенокъ, или негодованіе, которое вызвано имъ въ васъ, могутъ быть выражены словами или холодностью въ обращеніи съ провинившимся; но при этомъ необходимо, чтобы вы дѣйствовали подъ вліяніемъ критики разсудка. Все, конечно, будетъ зависить отъ вашего личнаго характера и потому безполезно давать совѣты, какъ именно и въ какой степени слѣдуетъ выражать свое неудовольствіе. Во всякомъ случаѣ, надо стараться сдерживаться по мѣрѣ возможности. Берегитесь въ

особенности впадать въ двѣ крайности: не очень горячитесь, но и не будьте слабы, не сейчасъ прощайте, но и не сердитесь слишкомъ долго. Многія матери запальчиво кричатъ на своихъ дѣтей, осыпаютъ ихъ выговорами, а черезъ минуту обращаются съ ними, какъ ни въ чемъ не бывало. Другія, наоборотъ, дуются на дѣтей по нѣскольку дней; тѣ, мало-по малу, привыкнутъ обходиться безъ дружбы матери и вліяніе ея незамѣтно слабѣетъ. Старайтесь, чтобы нравственная реакція, которая вызвана въ васъ дѣйствіемъ ребенка, уподоблялась, по возможности, такой реакціи, какую испытываютъ образцовые родители.

Отдавая приказанія дѣтямъ, соблюдайте умѣренностъ. Приказывайте только тогда, когда всѣ остальныя мѣры окажутся непримѣнимыми или безуспѣшными. „Слишкомъ частыя приказанія, говоритъ Рихтеръ, обыкновенно, направлены къ выгодамъ родителей, а не дѣтей.“ Какъ въ первобытныхъ обществахъ каралось всякое нарушеніе закона, главнымъ образомъ, по тому, что въ немъ видѣли неуваженіе къ королевской власти и посягательство на бунтъ, такъ и во многихъ семействахъ ребенка наказываютъ не столько съ цѣлью выразить тѣмъ осужденіе его поступка, сколько отъ досады, какъ онъ смѣлъ противиться старшимъ. Обратите вниманіе на обычный родительскій тонъ съ дѣтьми: „Какъ ты *смѣешь* меня не слушаться?“ „Говорю вамъ, сударь, что я заставлю васъ это сдѣлать!“ „Я вамъ покажу, кто здѣсь *глава* въ домѣ.“ Обратите также вниманіе на смыслъ словъ, тонъ голоса, манеру, съ которой отецъ произноситъ эти угрозы; сейчасъ видно, что онъ принялъ твердое намѣреніе сломить упрямство ребенка и что ему дѣла нѣтъ ни до чего другого. Чѣмъ отличается въ настоящее время цѣль воспитателей отъ цѣли деспота, который рѣшился, во что-бы то ни стало, наказать непокорнаго подданнаго? Благоразумный отецъ, подобно человѣколюбивому законодателю, будетъ радоваться, если ему представится возможность избѣжать понудительныхъ мѣръ.

Послѣдній не будетъ прибѣгать къ закону тамъ, гдѣ можно съ успѣхомъ употребить другого рода способы для руководства гражданъ; онъ неохотно даже будетъ прибѣгать къ закону въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ окажется необходимымъ; „говорятъ, пишетъ Рихтеръ, что лучшее правило въ политикѣ: „pas trop gouverner (не слишкомъ усердно управлять). Оно точно также относится и къ воспитанію дѣтей.“ Сообразно съ этимъ правиломъ, родители, у которыхъ властолюбіе сдерживается вѣрнымъ пониманіемъ долга, будутъ всегда стараться, чтобы ихъ дѣти самоуправляли собою, насколько возможно, и только въ крайнихъ случаяхъ позволятъ себѣ прибѣгнуть къ употребленію неограниченной власти.

Но тамъ, гдѣ вы должны приказывать,—приказывайте настойчиво, рѣшительно; если положеніе дѣлъ такое, что иначе поступить нельзя, произнесите окончательный приговоръ и ужъ ни за что не уклоняйтесь отъ него. Обдумайте хорошенько вашъ образъ дѣйствій; взвѣсьте всѣ послѣдствія его, обсудите, достаточно-ли твердо принятое вами намѣреніе и отдайте приказъ, требуя повиновенія, во что-бы то ни стало. Пусть ваши наказанія, подобно естественнымъ наказаніямъ, которыя налагаетъ природа, будутъ неизбѣжны. Ребенокъ схвативъ горячій уголь, обожжется разъ, другой, третій, но затѣмъ никогда уже не притронется къ нему. Если ребенокъ убѣдится опытомъ, что всѣ послѣдствія, о которыхъ вы его предупреждали, всегда сбываются, онъ будетъ также уважать ваши приказанія, какъ законы природы. А когда это уваженіе установится, безконечныя семейныя непріятности сдѣлаются немыслимыми. Самое большое зло въ дѣлѣ воспитанія— это непослѣдовательность воспитателей. Какъ въ обществѣ преступленія быстро умножаются, если не существуетъ правильной системы правосудія, такъ и въ семействѣ страшно возрастаетъ число проступковъ, если родители нерѣшительнаго характера и если наказанія, которымъ они подвергаютъ своихъ дѣтей, налагаются ими безъ разбора на праваго и виновата-

го. Слабая мать, постоянно угрожающая ребенка то тѣмъ, то другимъ наказаніемъ, рѣдко исполняетъ свои угрозы, второпяхъ даетъ приказанія и, опомнившись, сейчасъ-же отмѣняетъ ихъ; къ одному и тому-же проступку сегодня относится строго, а завтра снисходительно, смотря по расположенію духа,—такая мать готовитъ много бѣдствій какъ для себя, такъ и для дѣтей. Она заставляетъ ихъ относиться къ ней съ неуваженіемъ, даетъ имъ примѣръ несдержанности, поощряетъ ихъ дурно вести себя, возбуждая въ нихъ надежду, что все безнаказно сойдетъ у нихъ съ рукъ: она начинаетъ безконечныя ссоры съ дѣтьми, портитъ ихъ характеръ, а также и свой; она производитъ въ ихъ чувствахъ и мысляхъ полнѣйшій хаосъ, который впослѣдствіи если и приведется въ нѣкоторый порядокъ, то не иначе, какъ съ помощью горькаго опыта. Самая варварская форма домашняго управленія, если только она послѣдовательна, предпочительнѣе болѣе гуманной системѣ, если та непослѣдовательна. Скажемъ еще разъ: избѣгайте, на сколько возможно, принудительныхъ мѣръ, если-же вы находите, что деспотизмъ дѣйствительно необходимъ, будьте деспотомъ неуклонно. *)

Помните, что главной цѣлью вашей дисциплины должно быть воспитаніе такого существа, которое было-бы способно *управлять самимъ собою и не нуждалось-бы въ управленіи другихъ*. Если-бы вашимъ дѣтямъ предстояла жизнь рабовъ, вамъ нужно было-бы съ ранняго дѣтства пріучать ихъ къ рабству, а такъ какъ они рождаются людьми свободными, съ правомъ не имѣть надъ собою контролера и не давать отче-

---

*) Вообще надо признать, что настойчивость и неуклонность въ преслѣдованіи цѣли—очень хорошій принципъ во всякомъ дѣлѣ, а въ дѣлѣ воспитанія это даже существенный и насущне-необходимый принципъ, безъ котораго немыслима сколько-нибудь раціональная система и отсутствіе его у родителей и воспитателей—одна изъ самыхъ больныхъ язвъ современнаго воспитанія.

Примѣч. переводч.

та въ своихъ ежедневныхъ дѣйствіяхъ, то вы никогда не пріучите ихъ въ достаточной степени къ самоуправленію, пока они у васъ на глазахъ. Вотъ что именно и дѣлаетъ систему естественныхъ послѣдствій въ особенности подходящей къ характеру того соціальнаго положенія, котораго достигла Англія. Въ феодальныя времена, когда главнымъ зломъ было то, что каждый гражданинъ трепеталъ передъ высшими лицами, весьма естественно, что родительскій деспотизмъ считался лучшимъ средствомъ для руководства семьи. Но теперь, когда англійскіе граждане не имѣютъ основанія бояться кого-бы то ни было, когда добро и зло, которымъ они подвергаются по ходу вещей, исключительно зависитъ отъ личнаго ихъ поведенія,—имъ необходимо съ ранняго дѣтства изучить собственнымъ опытомъ хорошія и дурныя послѣдствія, которыя истекаютъ естественнымъ путемъ изъ ихъ поступковъ. Старайтесь, по этому, сокращать, по мѣрѣ возможности, вліяніе родительской власти, когда ваши дѣти настолько подростутъ и разовьются, что станутъ понимать важное значеніе самоуправленія, которое основано на предусмотрѣніи результатовъ. Пока ребенокъ еще очень малъ, неограниченная родительская власть необходима. Трехлѣтняго мальчугана, который играетъ съ бритвой нельзя допустить подвергнуться дисциплинѣ послѣдствій, такъ какъ эти послѣдствія могутъ быть для него очень гибельны, но по мѣрѣ развитія дѣтскаго разсудка, число строгихъ запрещеній можетъ и должно быть уменьшено; затѣмъ, мало-по-малу, съ приближеніемъ зрѣлаго возраста, они должны совсѣмъ прекратиться. Всѣ рѣзкіе переходы опасны, но самый опасный между ними,—это переходъ изъ тѣсной рамки семейныхъ ограниченій къ полнѣйшей свободѣ свѣтской жизни.

Вотъ почему такъ важно придерживаться того метода, который мы отстаиваемъ; онъ развиваетъ въ мальчикѣ способность самообладанія, такъ-какъ старшіе постепенно все болѣ и болѣе предоставляютъ ему свободу дѣйствій, и, такимъ

образомъ, шагъ за шагомъ, онъ вырабатываетъ въ себѣ независимость воли и характера и сглаживаетъ тѣмъ внезапный и рѣзкій переходъ отъ юности, когда имъ управляла внѣшняя сила,—власть родителей и наставниковъ, къ зрѣлому возрасту, когда онъ отданъ на произволъ самому себѣ.

Излишняя покорность нежелательна. Не огорчайтесь проявленіемъ нѣкотораго своеволія у вашихъ дѣтей; это ни что иное, какъ послѣдствіе ослабленнаго давленія на дѣтей при нынѣшнемъ воспитаніи. Чѣмъ больше одна сторона стремится завоевать себѣ свободу, тѣмъ меньше замѣчается съ другой стороны стремленія къ деспотизму. Какъ-то, такъ и другое явленіе доказываютъ, что люди приближаются къ системѣ дисциплины, которую мы проповѣдуемъ и при которой дѣти будутъ все болѣе и болѣе привыкать къ самоуправленію, при посредствѣ испытанія естественныхъ послѣдствій, а это есть несомнѣнное доказательство прогресса въ соціальномъ положеніи. Независимый англійскій мальчикъ — будущій отецъ независимаго англичанина; послѣдній немыслимъ безъ перваго. Нѣмецкіе педагоги говорятъ, что для нихъ лучше справиться съ дюжиной нѣмецкихъ мальчиковъ, чѣмъ съ однимъ англійскимъ. Должны-ли мы, вслѣдствіе этого, желать чтобы наши мальчики обладали податливостью нѣмецкихъ мальчиковъ и чтобы со временемъ изъ нихъ вырабатывались, по примѣру нѣмцевъ, покорные и раболѣпные слуги отечественной политики? Не лучше-ли намъ допустить въ англійскихъ дѣтяхъ развитіе тѣхъ чувствъ, изъ которыхъ создаются свободные люди и измѣнять, сообразно тому, наши методы воспитанія? Въ заключеніе, помните всегда, что правильное воспитаніе,—вещь не простая и не легкая, а весьма сложная и трудная; это самый тяжелый трудъ, который выпадаетъ на долю взрослыхъ. Къ грубому, первобытному способу домашняго управленія прибѣгаютъ теперь лишь неразвитыя личности.

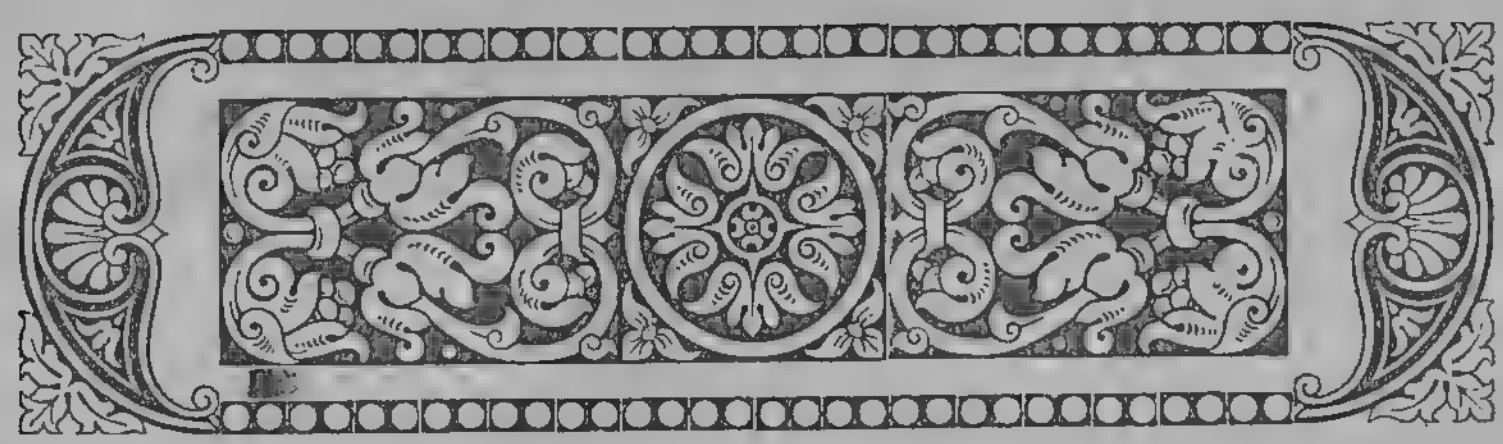
Колотить дѣтей и ругаться—свойственно только дикарямъ

и тупоголовому крестьянину. Методъ дисциплины доступенъ даже и животнымъ; замѣтьте, какъ иногда собака тихо ворчитъ на своего щенка. Но знайте также, что если вы захотите съ успѣхомъ провести раціональную, цивилизованную, систему, вы должны приготовиться къ немалой умственной и нравственной работѣ,—пріобрѣсти научныя свѣдѣнія и умѣть быть искреннимъ, сдержаннымъ и терпѣливымъ. Вамъ придется часто соображать, какими послѣдствіями сопровождаются въ жизни взрослаго извѣстнаго рода дѣйствія и при этомъ вы должны будете придумывать способы, какъ-бы заставить вашихъ дѣтей испытывать тѣ-же самыя послѣдствія, отъ тѣхъ-же самыхъ дѣйствій. Анализируйте ежедневно побужденія юноши, чтобы съумѣть отличить истинно-хорошіе поступки отъ кажущихся такими, но проистекающихъ изъ нисшихъ побужденій. Въ то-же время будьте всегда на сторожѣ противъ грубыхъ ошибокъ, въ которыя впадаютъ многіе родители, относя безнамѣренныя дѣйствія къ числу проступковъ и приписывая провинившемуся ребенку гораздо худшія побужденія, чѣмъ тѣ, которыя дѣйствительно онъ имѣлъ. Вамъ надо будетъ болѣе или менѣе, измѣнять методъ своего обращенія, согласно съ наклонностями каждаго вашего ребенка и приготовиться къ дальнѣйшимъ перемѣнамъ, по мѣрѣ перехода дѣтскихъ свойствъ въ новые фазисы. Ваша вѣра въ годность естественнаго метода не разъ подвергнется испытанію въ тѣхъ случаяхъ, когда вамъ понадобится упорно отстаивать его, и когда онъ, по-видимому, не будетъ дѣтямъ приносить большой пользы. Въ особенности вамъ трудно будетъ сладить съ дѣтьми дурно выдержанными; тутъ понадобится съ вашей стороны много терпѣнія, прежде-чѣмъ вы добьетесь успѣха, даже придерживаясь самыхъ лучшихъ системъ, такъ-какъ если дѣло это нелегко съ дѣтьми, получившими съ ранняго возраста хорошее направленіе, то оно вдвое труднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится поправлять испорченное,—вамъ предстоитъ не только постоянно анализировать побудитель-

ные мотивы дѣтскихъ поступковъ, но также анализировать и свои собственныя чувства, свои внутреннія побужденія и отдѣлять тѣ, которыя происходятъ изъ чисто-родительской заботливости, отъ тѣхъ, которыя основаны на личномъ эгоизмѣ, любви къ покою и наклонности къ властолюбію. Продолжая испытывать себя, вы увидите, что вамъ необходимо не только сознаться въ своихъ дурныхъ побужденіяхъ, но и стараться обуздывать ихъ. Короче сказать, воспитывая своихъ дѣтей, вы должны будете сами проходить курсъ высшаго воспитанія. Въ умственномъ отношеніи на васъ ляжетъ обязанность,—изучить съ цѣлью пользы самый сложный изъ всѣхъ предметовъ,—человѣческую природу съ ея законами, которые проявляются въ вашихъ дѣтяхъ, въ васъ самихъ и въ цѣломъ мірѣ; въ нравственномъ-же отношеніи вы должны будете всегда развивать свои благородныя чувства и обуздывать низкія. Давно-бы слѣдовало считать за истину, что послѣдняя степень умственнаго развитія мужчины и женщины заключается въ точномъ выполненіи родительскихъ обязанностей. Признавъ эту истину, люди убѣдятся въ томъ, какъ премудро устроила природа, что человѣчество, путемъ сердечныхъ привязанностей, ведетъ себя къ подчиненію дисциплинѣ, весьма тяжелой, но въ высшей степени полезной.

Многіе изъ нашихъ читателей отнесутся съ сомнѣніемъ и съ недовѣріемъ къ изложенному нами взгляду на воспитаніе; но найдется, конечно, не мало и такихъ, которые признаютъ очевидность истины въ возвышенномъ, изображенномъ нами, идеалѣ. Что этотъ идеалъ не можетъ создаться руками людей, неумѣющихъ владѣть собою, сухихъ сердцемъ и близорукихъ, а требуетъ высшихъ способностей человѣческой природы,—это только служитъ новымъ доказательствомъ, что защищаемый нами методъ годенъ только для позднѣйшаго періода человѣческаго прогресса. Хотя онъ требуетъ громадныхъ трудовъ и самопожертвованія, но люди замѣтятъ, какой богатый запасъ счастья, въ настоящемъ и въ будущемъ, онъ

даетъ своимъ послѣдователямъ въ награду; они убѣдятся въ томъ, какъ дурная система вдвойнѣ вредна своимъ пагубнымъ вліяніемъ на родителей и на ребенка и какъ хорошая система вдвойнѣ благотворна, дѣлая счастливыми и воспитателей и воспитанниковъ.



ГЛАВА IV.

Воспитаніе физическое.

За обѣдомъ англійскаго сквайра, когда дамы выйдутъ изъ столовой, за общимъ столомъ фермеровъ въ торговый день и, наконецъ, даже въ каждой пивной лавочкѣ,—любимой темой разговора англичанъ, послѣ политическаго вопроса дня, бываетъ вопросъ объ уходѣ за животными. Возвращаются-ли они домой съ охоты—непремѣнно пустятся въ разсужденія о лошадиныхъ порокахъ, о родословныхъ извѣстныхъ скакуновъ, причемъ обсуждается ихъ то или другое достоинство; поѣдутъ въ пустоши съ борзыми — разговоръ завяжется о собакахъ и о способахъ разведенія ихъ. По пути изъ церкви арендаторы окрестныхъ фермъ, каждый разъ переходятъ отъ сужденій о только-что слышанной ими проповѣди къ толкамъ о погодѣ, урожаѣ и охотѣ, затѣмъ вступаютъ въ диспуты по поводу различныхъ сортовъ корма и питательности его. Сельскіе работники обмѣниваются между собой замѣчаніями о свиныхъ хлѣвахъ тѣхъ фермъ, гдѣ они нанимаются. Впрочемъ, псарни, конюшни, хлѣва и овчарни составляютъ любимый предметъ разговора не одного только сельскаго населенія Англіи. Въ городахъ ремесленники, которые держатъ собакъ, молодежь достаточно богатая, чтобы по временамъ пре-

даваться псовой охотѣ, болѣе степенные джентельмены, усердно толкующіе объ агрономическомъ прогрессѣ и читающіе статьи о немъ въ „Times“,—всѣ они, т. е. большинство городского населенія, живо интересуются вопросомъ о разведеніи животныхъ. Кромѣ того, большинство всѣхъ вообще взрослыхъ англичанъ занято или разведеніемъ, или дрессировкой, или уходомъ за различными породами животныхъ.

Но слышалъ-ли кто изъ насъ во время обѣда или въ другіе свободные часы, разговоръ о воспитаніи дѣтей? Сквайръ сходитъ, обыкновенно утромъ на конюшню, осмотритъ лошадей, провѣритъ уходъ за ними, потомъ зайдетъ въ овчарню, на птичій или скотный дворъ и всюду сдѣлаетъ нужныя распоряженія. Но, спрашивается, часто-ли онъ заходитъ въ дѣтскую, чтобы узнать, чѣмъ и какъ кормятъ его дѣтей, чѣмъ они заняты, чистымъ-ли дышатъ воздухомъ. Полки его библіотеки уставлены всевозможными агрономическими, сельскохозяйственными и охотничьими сочиненіями и есть даже нѣсколько книгъ о ветеринарномъ искусствѣ; съ содержаніемъ всѣхъ этихъ произведеній онъ болѣе или менѣе знакомъ; но прочиталъ-ли онъ что-нибудь о томъ, какъ ростить и воспитывать дѣтей? Утучняющія свойства масляныхъ лепешекъ, относительныя достоинства сѣна и рубленой соломы, вредъ отъ чрезмѣрнаго употребленія клевера, — вотъ подробности, съ которыми отчасти знакомы всѣ сквайры, всѣ фермеры и всѣ крестьяне; но встрѣтите-ли между ними хотя нѣсколько человѣкъ, которые интересуются вопросомъ: пригодна-ли или нѣтъ для органическихъ потребностей роста мальчиковъ и дѣвочекъ пища, которою они кормятъ своихъ дѣтей? Намъ, можетъ быть, замѣтятъ, что причина такой ненормальности кроется въ недостаткѣ времени заниматься дѣтьми людямъ, которые погружены въ заботы о хозяйствѣ. Это объясненіе насъ не удовлетворитъ, такъ какъ у англичанъ всѣхъ классовъ и сословій замѣчается тотъ-же недостатокъ. Изъ 20 человѣкъ горожанъ, едва-ли найдется хоть одинъ, незнакомый съ фак-

томъ, что не слѣдуетъ употреблять въ работу лошадь, только что поѣвшую; а между тѣмъ изъ числа этихъ самыхъ 20 человѣкъ (предположимъ, они всѣ отцы семействъ), также врядъ ли найдется хоть одинъ, который-бы слѣдилъ за тѣмъ, достаточно-ли времени прошло между обѣдомъ и возобновленіемъ уроковъ ихъ дѣтей? Допросивъ каждаго изъ этихъ господъ, мы бы замѣтили общее, хотя невысказываемое убѣжденіе, что жизнь въ дѣтской совсѣмъ до нихъ не касается. „О я предоставилъ это все женщинамъ!“ отвѣтили-бы вамъ всѣ отцы англичане. Въ большинствѣ случаевъ, въ самомъ тонѣ отвѣта выразилось-бы искреннее убѣжденіе, что заботы подобнаго рода не совмѣстимы съ достоинствомъ мужчины.

Смотря на этотъ фактъ съ настоящей точки зрѣнія, а не съ общепринятой, нельзя не подивиться, что люди образованные, которые охотно посвящаютъ столько времени и хлопотъ такому занятію, какъ напримѣръ, разведенію образцовыхъ быковъ, считаютъ воспитаніе нѣжныхъ человѣческихъ существъ дѣломъ, которое недостойно ихъ вниманія. Мамеьки-же, которымъ преподавались только иностранные языки, музыка и изящныя искусства, считаются, ни съ того, ни съ сего, способными рѣшать вопросы о пищѣ, одеждѣ и занятіяхъ дѣтей, да притомъ, когда у нихъ помощницами однѣ только няньки, которыя заражены всевозможными предразсудками. Да папеньки и не имѣютъ времени; они заняты чтеніемъ ученыхъ книгъ и періодическихъ изданій, посѣщаютъ земледѣльческія митинги, дѣлаютъ различные опыты, ведутъ оживленные диспуты, имѣя одну цѣль — добиться лучшаго способа откармливанія призовыхъ свиней! Англичанинъ-отецъ, который весь предался заботамъ о правильномъ воспитаніи скаковой лошади, расчитывая, что она возьметъ призъ на скачкахъ,—и палецъ о палецъ не ударитъ, чтобы выростить атлета изъ своего сына. Если-бы Гулливеръ разсказывалъ о лилипутахъ, какъ они бьются изо всѣхъ силъ, соперничая другъ съ другомъ въ искусствѣ воспитать потомковъ совсѣмъ

другой породы животныхъ, чѣмъ они, и нисколько не заботятся о воспитаніи своихъ собственныхъ дѣтей, онъ довершилъ-бы серію нелѣпостей, которыя творятся лилипутами. Дѣло, однако, не шуточное. Какъ ни смѣшно сравнивать быковъ съ дѣтьми, тѣмъ не менѣе фактъ, объясняемый этимъ сравненіемъ, весьма прискорбенъ. Одинъ изъ писателей, достойныхъ уваженія, говоритъ, что главное условіе успѣха въ жизни состоитъ въ томъ, чтобы быть „здоровымъ животнымъ", и что главное условіе національнаго благосостоянія заключается въ томъ-же. Мы видимъ сами, что не только исходъ войны часто зависитъ отъ тѣлесной силы и мужества солдатъ, но даже борьба въ торговлѣ, въ большинствѣ случаевъ, рѣшается физической выносливостью производителей. До сихъ поръ Англія не имѣла причинъ бояться состязанія съ другими націями на томъ и другомъ поприщѣ; но въ послѣднее время начали проявляться явные признаки, свидѣтельствующіе, что нашимъ силамъ предстоятъ трудныя испытанія. Конкуренція въ торговлѣ приняла такіе громадные размѣры, что рѣдкое государство выдержитъ этотъ напоръ безъ ущерба для себя. Уже въ настоящее время тысячи людей изнемогаютъ подъ тяжкимъ давленіемъ, которому ихъ подвергаютъ; если такое положеніе продлится и гнетъ будетъ постоянно увеличиваться, въ чемъ, кажется, нельзя сомнѣваться, то и на самыхъ солидныхъ государствахъ, неминуемо отзовется этотъ страшный кризисъ.

Вотъ почему оказывается въ высшей степени необходимымъ воспитывать нашихъ дѣтей такъ, чтобы не только умственно подготовить ихъ къ борьбѣ, которая имъ предстоитъ, но сдѣлать ихъ физически-способными къ перенесенію всевозможныхъ невзгодъ.

По счастью, этотъ вопросъ начинаетъ обращать на себя вниманіе общества. Сочиненія Кингслея указываютъ на реакцію противъ системы чрезмѣрнаго умственнаго развитія дѣтей, и какъ всякая реакція, быть можетъ, заходятъ слишкомъ да-

леко. Но разныя корреспонденціи и передовыя статьи, въ газетахъ точно также свидѣтельствуютъ о пробудившемся интересѣ къ физическому воспитанію. Учрежденіе школы, которая носитъ знаменательное прозвище: „Muscular Christianity", гдѣ молодые люди, которые готовятся занять мѣста священниковъ, обучаются гимнастикѣ, ѣздѣ верхомъ и плаванію, подтверждаетъ все болѣе и болѣе распространяющееся мнѣніе, что наши теперешніе методы воспитанія недостаточно занимаются вопросомъ о физическомъ благосостояніи дѣтей. Этотъ вопросъ, весьма понятно, настолько созрѣлъ, что можно приступить къ его обсужденію.

Желанная цѣль. Согласовать домашнее воспитаніе дѣтей и воспитаніе, которое они получаютъ въ школахъ, съ установившимися истинами науки,—такова должна быть желанная цѣль родителей и наставниковъ. Пора гигіенѣ нашихъ дѣтей сдѣлаться предметомъ тщательныхъ изслѣдованій наряду съ гигіеной быковъ и овецъ. Не отвергая важности вопроса о хорошемъ уходѣ за лошадями и искусстномъ откармливаніи свиней, мы все-таки считаемъ своимъ долгомъ напомнить, что воспитаніе здоровыхъ мужчинъ и женщинъ имѣетъ также большое значеніе и что дѣйствія наши, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи, должны строго согласоваться съ выводами теоріи и подтвержденіями практики. Вѣроятно, многихъ удивитъ, а можетъ и оскорбить подобное сопоставленіе, но мы должны примириться съ неоспоримостью факта, что человѣкъ подчиняется точно тѣмъ-же органическимъ законамъ, какъ и низшія существа. Ни анатомъ, ни физіологъ, ни химикъ ни на минуту не задумается подтвердить, что общіе принципы жизненныхъ процессовъ совершенно одинаковы, какъ для животныхъ, такъ и для человѣка. Чистосердечное признаніе этого факта не останется безъ вознагражденія; оно заключается въ томъ, что обобщенія, установленныя при помощи наблюденій и опытовъ надъ животными, оказываются весьма полезными для руководства людей. Не смотря

на то, что наука жизни находится еще въ зачатомъ состояніи, въ ней выработались извѣстные основные принципы, которые обусловливаютъ развитія всѣхъ организмовъ, въ томъ числѣ и человѣческаго. Мы постараемся, на сколько возможно, понятно выразить, отношенія этихъ основныхъ принциповъ къ физическому воспитанію дѣтей и юношей.

Аппетитъ—вѣрный руководитель. Во всѣхъ отдѣлахъ соціальной жизни можно прослѣдить постоянное стремленіе къ извѣстнаго рода ритму, т. е. къ правильному, но рѣзкому измѣненію общественнаго строя; такъ напр., за чрезмѣрнымъ деспотизмомъ слѣдуетъ революція, за эпохою реформъ, эпоха строгаго консерватизма; за вѣкомъ разврата, вѣкъ аскетизма и наоборотъ; въ торговлѣ послѣ самыхъ рискованныхъ предпріятій, является паника; ханжи бросаются отъ одной крайности къ другой. Точно такое-же ритмическое стремленіе замѣчаемъ мы и въ нашихъ діэтическихъ системахъ, особенно относительно дѣтей. Послѣ періода безмѣрнаго объяденія и страшнаго пьянства, наступилъ періодъ сравнительнаго воздержанія; общества трезвости и вегетаріанства суть крайнія формы протеста противъ распущенности прошлыхъ вѣковъ. Вмѣстѣ съ этой перемѣной въ діэтѣ взрослыхъ, измѣнилась совершенно параллельно и діэта мальчиковъ и дѣвочекъ. Въ старину люди думали, что чѣмъ болѣе ребенокъ будетъ ѣсть, тѣмъ лучше; даже и теперь между фермерами отдаленныхъ провинцій Англіи, гдѣ древнія традиціи еще вполнѣ сохранились, найдется много родителей, которые хлопочатъ о томъ, чтобы ихъ дѣти наѣдались, какъ можно больше. Но въ средѣ образованныхъ классовъ, гдѣ реакція давно уже замѣтна, въ пользу воздержанія, обнаруживается рѣшительная наклонность скорѣе не докармливать, чѣмъ перекармливать дѣтей. Правда, это отвращеніе къ прожорливости предковъ выказывается у родителей чаще въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло коснется дѣтей, а не ихъ самихъ. Выбирая пищу для себя, они соображаются со своимъ аппетитомъ

и вкусами и если придерживаются строгихъ правилъ умѣренности, то только тогда, когда имъ надо предписывать правила діэтики своимъ дѣтямъ. Безъ сомнѣнія, справедливо, что какъ чрезмѣрное, такъ и недостаточное употребленіе пищи вредны; но изъ двухъ этихъ золъ послѣднее хуже. Вотъ, что пишетъ одинъ изъ авторитетовъ медицины: „послѣдствія случайнаго переполненія желудка гораздо менѣе вредны и легче поправимы, чѣмъ послѣдствія истощенія и притомъ, если человѣкъ не объѣлся безразсудно, то чрезмѣрное переполненіе желудка есть явленіе рѣдкое.“ „Излишество скорѣе порокъ взрослыхъ, чѣмъ дѣтей, которыя если и бываютъ лакомы и жадны, то по винѣ своихъ воспитателей.“ Система ограниченій, которая многими родителями считается необходимой, основана на недостаточномъ наблюденіи и ошибочномъ разсужденіи. Въ дѣтской, какъ и въ государствѣ, оказывается иногда много излишнихъ законовъ; въ первой самый вредный изъ нихъ—это чрезмѣрное ограниченіе количества пищи.

„Такъ неужели можно допускать дѣтей объѣдаться? Неужели имъ надо позволять ѣсть до отвалу всевозможныя сласти, чтобы затѣмъ занемочь, что неизбѣжно?“ Вопросы, поставленные, такимъ образомъ допускаютъ только одно возраженіе, которое вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ и исходной точкой для отвѣта. Мы утверждаемъ, что, такъ-какъ аппетитъ есть хорошій руководитель для всѣхъ существъ—для грудныхъ младенцевъ, для стариковъ, для взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, для дѣвушекъ, для юношей, словомъ, для всѣхъ, у кого здоровый желудокъ, то отчего не допустить, что онъ такой-же хорошій руководитель и для дѣтей вообще? Странно было-бы, если-бы они представляли единственное исключеніе. *)

---

*) Авторъ упускаетъ изъ виду, что часто ребенокъ проситъ ѣсть вовсе не отъ ощущенія голода; это доказывается тѣмъ, что иногда ребенокъ, выпросивъ себѣ какое-нибудь кушанье, на самомъ дѣлѣ не

Можетъ быть, многіе, прочитаютъ наше возраженіе съ досадой, на томъ основаніи, что имъ покажется возможнымъ привести факты, совершенно противорѣчащіе ему. Безразсудно было-бы отрицать свидѣтельство подобныхъ фактовъ, а между тѣмъ, приведенный нами парадоксъ, нисколько не трудно отстоять. Дѣло въ томъ, что примѣры воздержанія, на которые намъ укажутъ наши критики, обыкновенно бываютъ послѣдствіями системы ограниченій, столь ими защищаемой. Это просто чувственная реакція, вызванная продолжительной и строгой діэтой. Такого рода примѣры, въ маломъ размѣрѣ, объясняютъ общеизвѣстную истину, что люди, воспитанные въ молодости въ строгихъ правилахъ дисциплины воздержанія, впослѣдствіи впадаютъ въ самыя страшныя излишества. Во всемъ этомъ есть большая аналогія съ тѣми ужасными явленіями, въ былыя времена весьма обыкновенными въ женскихъ монастыряхъ, гдѣ монахини внезапно измѣняли строгой, постнической жизни и впадали въ развратъ. Это ничто иное, какъ проявленіе неукротимой силы долго сдерживаемыхъ страстей.

Разсмотримъ теперь обыкновенныя склонности дѣтей и принятую систему обращенія съ ними. Дѣти, вообще, страстныя лакомки. Изъ ста человѣкъ непремѣнно девяносто девять будутъ утверждать, что эта страсть есть ничто иное,

---

ѣсть его и оставляетъ на тарелкѣ. Разумѣется, всѣ доказательства, приводимыя авторомъ, вѣски и справедливы, но только въ томъ случаѣ, когда ребенокъ чувствуетъ дѣйствительную потребность ѣсть; однако, хотя дѣти вообще трудно разбираются въ своихъ ощущеніяхъ и потребностяхъ, все-таки даже въ случаяхъ, когда ребенокъ не долженъ былъ-бы хотѣть ѣсть, родителямъ и воспитателямъ не слѣдуетъ отказывать дѣтямъ въ пищѣ, чтобы этимъ пріучить ихъ внимательнѣе разбираться въ своихъ побужденіяхъ, ибо, если въ этомъ случаѣ отказать ребенку, то онъ не убѣдится въ томъ, что потребность пищи въ немъ только кажущаяся, а не дѣйствительная.

Примѣч. переводч.

какъ удовлетвореніе вкуса и что подобно всѣмъ чувственнымъ побужденіямъ и эту страсть нужно непремѣнно обуздывать. Физіологъ, наоборотъ, всегда добивающійся узнать коренную причину каждаго побужденія человѣка, въ этой дѣтской слабости къ сладкому подозрѣваетъ нѣчто болѣе серьезное и его изслѣдованія подтверждаютъ такое предположеніе. Оказывается, что сахаръ играетъ важную роль въ жизненныхъ процессахъ. Сахаристыя и жирныя вещества, которыя попадаютъ въ нашъ желудокъ, должны раньше обратиться въ сахаръ, чтобы потомъ служить матеріаломъ для развитія теплоты. И это образованіе сахара продолжается въ самомъ тѣлѣ.

Не только крахмалъ превращается, во время процесса пищеваренія въ сахаръ, но, по свидѣтельству знаменитаго физіолога и химика Клода Бернара, и печень есть своего рода лабораторія, въ которой другія составныя части нашей пищи также превращаются въ сахаръ; потребность въ сахарѣ до того велика въ насъ, что желудокъ вырабатываетъ его даже изъ азотистыхъ веществъ, за недостаткомъ другихъ. Что-же касается того явленія, что дѣти обнаруживаютъ особенную любовь къ сахару, этой драгоцѣнной согрѣвающей пищѣ, то у насъ есть основательная причина предполагать, что этого требуетъ сама природа, такъ-какъ дѣти чувствуютъ, обыкновенно отвращеніе къ жиру—пищѣ, доставляющей наибольшее количество тепла во время окисленія; очень немудрено, что излишество сахаристыхъ веществъ пополняетъ у нихъ недостатокъ жирныхъ. Самый организмъ ихъ требуетъ больше сахара, взамѣнъ жирныхъ веществъ, съ которыми ихъ желудку не подъ силу справиться.

Кромѣ того дѣти страстные охотники до растительныхъ кислотъ. Плоды всевозможныхъ сортовъ—для нихъ лучшія лакомства, а если имъ не даютъ хорошихъ плодовъ, то они съ такимъ-же аппетитомъ, уничтожаютъ зеленый крыжовникъ и дикія яблоки. Растительныя кислоты, надо замѣтить, въ сое-

диненіи съ минеральными, служатъ прекраснымъ укрѣпляющимъ средствомъ и благодѣтельно вліяютъ на организмъ, если ихъ употреблять въ умѣренномъ количествѣ; кромѣ того, они очень полезны въ своемъ натуральномъ видѣ, безъ другихъ примѣсей. „Зрѣлые плоды, пишетъ докторъ Андре Камбъ,—употребляются въ бо̀льшемъ количествѣ на континентѣ, чѣмъ въ Англіи; они очень полезны, преимущественно, въ случаяхъ катарральнаго состоянія кишекъ". Посудите теперь, каково разногласіе между инстинктивными потребностями дѣтей и принятой системой удовлетворенія ихъ. У дѣтей обнаруживаются двѣ преобладающія склонности: къ сахару и къ плодамъ; по всей вѣроятности, ихъ организмъ нуждается въ такой пищѣ; старшіе-же распорядители въ дѣтской не хотятъ вникнуть въ причину такихъ побужденій и, напротивъ, общими силами стараются запретить удовлетворять ихъ. Дѣтей въ Англіи кормятъ утромъ—хлѣбомъ съ молокомъ вечеромъ—чаемъ съ тартинками съ масломъ, или даютъ имъ что-нибудь подобное, анти-діэтическое, и строго придерживаются этой системы; малѣйшее баловство вкуса считается ненужнымъ и даже вреднымъ. Какія-же бываютъ отъ этого послѣдствія? Когда, въ праздничные дни, дѣтямъ позволятъ обѣдать съ большими, когда имъ дадутъ карманныя деньги и разрѣшатъ имъ побывать въ кондитерской, или, наконецъ, когда по какому-нибудь особенному случаю, для нихъ растворяются двери фруктоваго сада,—долго сдерживаемое и потому сильное желаніе удовлетворить свой аппетитъ, переходитъ границы и дѣти объѣдаются въ запуски. Для нихъ начинается импровизованная масляница, они спѣшатъ наѣсться, частью отъ радости, что снято наложенное запрещеніе на ихъ любимую пищу, частью отъ мысли, что съ завтрашняго дня опять начнется великій постъ. А когда вредныя послѣдствія обремененія желудка обнаружатся, старшіе единодушно утверждаютъ, что дѣтей нельзя предоставлять руководству ихъ аппетита! Грустные результаты прежняго ограниченія приво-

дятся въ примѣръ, какъ доказательство необходимости дальнѣйшихъ запрещеній. Мы положительно говоримъ, что всякое запрещеніе, оправдывающее такого рода систему вмѣшательства, нелѣпо; мы утверждали, что если-бы дѣтямъ ежедневно позволяли ѣсть болѣе вкусную пищу, требуемую ихъ организмомъ, то они рѣдко-бы объѣдались, подобно большинству дѣтей, при первомъ удобномъ случаѣ. Докторъ Камбъ пишетъ: „Если-бы плоды входили въ составъ обыкновенно даваемой дѣтямъ пищи (онъ совѣтуетъ давать не между завтракомъ и обѣдомъ, а въ одно время съ ними), въ дѣтяхъ не развивалась-бы жадность и они не пожирали-бы въ огромномъ количествѣ дикія яблоки и сливы. То-же самое видимъ мы и въ другихъ случаяхъ.

Результаты излишняго воздержанія. Апріористическія причины довѣрять влеченіямъ аппетита дѣтей не только основательны и неоспоримы, но даже родителямъ и искать не нужно другого руководства. Развѣ сужденіе отца или матери можетъ имѣть вѣсъ, когда они сами очень часто его мѣняютъ. Мальчикъ поѣлъ чего-нибудь и проситъ еще. Мать или гувернантка отвѣчаетъ: „не надо!“ На какомъ основаніи они ему отвѣчаютъ отказомъ? Думаютъ, вѣрно, что онъ уже получилъ достаточную порцію? Но почему они это думаютъ? Развѣ у нихъ есть тайныя сношенія съ желудкомъ ребенка? Ясновидящія, что-ли, онѣ, чтобы опредѣлять нужды его организма? Если нѣтъ, то какъ-же онѣ могутъ произносить свой приговоръ такъ рѣшительно? Развѣ онѣ не знаютъ, что спросъ организма на пищу опредѣляется множествомъ самыхъ сложныхъ причинъ? Онъ измѣняется вмѣстѣ съ перемѣнами температуры съ гигрометрическимъ и электрическимъ состояніемъ воздуха, измѣняется, вслѣдствіе того, много или мало ребенокъ дѣлалъ передъ тѣмъ движенія, много-ли или мало и что онъ передъ тѣмъ ѣлъ, наконецъ, быстро или медленно переваривалась, только-что принятая имъ пища. Въ состояніи-ли онѣ взвѣсить результаты такой совокупности при-

чинъ? Вотъ, что намъ говорилъ отецъ пятилѣтняго мальчика, переростаго своихъ сверстниковъ на цѣлую голову и при томъ сильнаго, румянаго и подвижнаго: „у меня нѣтъ искусственной мѣрки для опредѣленія количества потребной ему пищи. Если-бы я ему сказалъ: „довольно!“ то сдѣлалъ бы это чисто по догадкѣ, а догадка можетъ быть одинаково и ошибочна и вѣрна. А потому, не довѣряя догадкамъ, я ему позволяю ѣсть сколько онъ хочетъ.“ Конечно, каждый, кто сталъ-бы судить о системѣ дѣйствій этого отца по результатамъ, былъ-бы вынужденъ признать его благоразуміе. По настоящему, самонадѣянность, съ которой большинство родителей предписываютъ законы желудкамъ своихъ дѣтей, доказываетъ только ихъ незнакомство съ физіологіей,—если-бы они имѣли больше свѣдѣній, то, по всей вѣроятности, были бы скромнѣе. Гордость науки смиренна сравнительно съ гордостью невѣжества и если кто-нибудь пожелаетъ убѣдиться, какъ мало можно вѣрить человѣческому сужденію и какъ много существующему порядку вещей, то пусть онъ сравнитъ опрометчивость неопытнаго врача, съ осмотрительностью врача ученаго; пусть онъ прочитаетъ со вниманіемъ сочиненіе сэра Джона Форбса: „О природѣ и искусствѣ лѣченія болѣзней“: тогда онъ увидитъ, что по мѣрѣ того, какъ люди пріобрѣтаютъ болѣе познаній въ законахъ жизни, они гораздо менѣе начинаютъ довѣрять самимъ себѣ и гораздо болѣе природѣ.

Переходя отъ вопроса о *количествѣ* пищи къ вопросу о *качествѣ* ея, мы замѣтимъ точно то-же стремленіе къ излишнему воздержанію. Дѣтей, сравнительно, не только мало кормятъ, но даютъ имъ даже скудную пищу, считая это полезнымъ для нихъ. Составилось общепринятое понятіе, будто дѣтямъ не нужно давать слишкомъ много мяса. Надо полагать, что такое мнѣніе зародилось среди недостаточныхъ классовъ, на основаніи экономическихъ расчетовъ, изъ желанія сбереженія лишней пенни. Родители, неимѣющіе доста-

точно денегъ, обыкновенно, отвѣчаютъ дѣтямъ на просьбу покормить ихъ мясомъ такъ: „Мясо вредно для маленькихъ мальчиковъ и дѣвочекъ.“ Этотъ отвѣтъ, придуманный, конечно, какъ подходящее извиненіе, вслѣдствіе частыхъ повтореній, возросъ до значенія догмата. Высшіе-же классы, для которыхъ излишнія издержки ничего не значатъ, поддались, частью примѣру большинства, частью вліянію нянекъ, взятыхъ изъ простого сословія, а въ нѣкоторой степени и желанію произвести реакцію въ животной жизни дѣтей.

Прочнаго основанія для мнѣнія подобнаго рода мы, конечно, не найдемъ, какъ-бы мы его ни искали. Этотъ догматъ затвердили и приняли его точно такъ, какъ существующій тысячи лѣтъ обычай пеленать ребенка свивальниками. Очень вѣроятно, что желудокъ ребенка не обладаетъ еще достаточной мускульной силой, чтобы растереть какъ слѣдуетъ мясо, прежде-чѣмъ оно превратится въ питательный растворъ, а потому оно не можетъ быть пригодной для него пищей. Но это возраженіе не подходитъ къ той мясной пищѣ, изъ которой отдѣлены волокнистыя части; точно также нельзя примѣнить этого правила къ дѣтямъ двухъ-трехъ лѣтъ, когда желудокъ пріобрѣтаетъ уже значительную мускульную силу. Такъ-какъ очевидно, что мясо несовсѣмъ пригодно очень маленькимъ дѣтямъ, а полезно и, даже болѣе, необходимо дѣтямъ старшаго возраста, а между тѣмъ ни первымъ, ни послѣднимъ въ Англіи его не даютъ, то доказательство, выше приведенное, пріобрѣтаетъ еще болѣе силы и вѣса.

Діета должна быть питательна. Приговоръ науки въ этомъ случаѣ радикально противоположенъ установившемуся народному мнѣнію. Мы обращались съ вопросомъ относительно дѣтской діэты къ двумъ изъ нашихъ лучшихъ докторовъ и ко многимъ изъ извѣстнѣйшихъ физіологовъ и всѣ они утверждали одно и то-же, именно, что діэта дѣтей должна быть не *менѣе*, а, скорѣе, *болѣе* питательна, чѣмъ діэта взрослыхъ.

Основанія для такого вывода вполнѣ очевидны, а дѣло

само по себѣ очень просто. Стоитъ только сравнить жизненные процессы взрослаго мужчины и мальчика, чтобы убѣдиться, что требованія пищи, относительно, гораздо сильнѣе у послѣдняго, чѣмъ у перваго. Для какихъ цѣлей взрослому необходима пища? Тѣло его ежедневно утрачиваетъ большое количество теплоты черезъ мочеиспусканіе и вслѣдствіи мускульныхъ упражненій, а такъ-какъ, для продолженія жизненнаго процесса, равновѣсіе температуры тѣла должно постоянно сохраняться, то эту потерю нужно безпрерывно вознаграждать веществами, дающими теплоту, что достигается окисленіемъ извѣстныхъ составныхъ частей пищи, которую воспринимаетъ человѣкъ. Слѣдовательно, пища необходима взрослому единственно для возстановленія жизненныхъ утратъ теплоты и для снабженія тѣла необходимымъ топливомъ. Чего-же требуетъ мальчикъ? Онъ точно также утрачиваетъ матеріалы своего тѣла чрезъ движеніе и достаточно обратить вниманіе на его неутомимую дѣятельность, чтобы видѣть, что соотвѣтственно своему росту, онъ расходуетъ почти столько-же силъ сколько и взрослый мужчина. Онъ также теряетъ теплоту чрезъ мочеиспусканіе, а такъ-какъ его тѣло пропорціонально своей массѣ, то представляетъ бо̀льшую поверхность, чѣмъ тѣло взрослаго мужчины и, слѣдовательно, быстрѣе охлаждается, то понятно, что ему необходимо бо̀льшее количество согрѣвающей пищи, чѣмъ взрослому, и потому, если-бы въ мальчикѣ были-бы даже тѣ-же жизненные процессы, какъ и въ большомъ человѣкѣ, то, относительно роста, онъ все-таки требовалъ-бы нѣсколько бо̀льшего количества питанія, чѣмъ взрослый. Дѣло въ томъ, что кромѣ возстановленія равновѣсія тѣла и поддержанія въ немъ извѣстнаго градуса теплоты, мальчику приходится вырабатывать въ себѣ новыя ткани, т. е. ростки. Пополнивъ утраты силъ и тепла, остающійся излишекъ пищи идетъ у него на дальнѣйшее строеніе тѣла и нормальный ростъ ребенка возможенъ только при существованіи такого излишка. Ростъ, который превышаетъ нормальную мѣрку,

быстро истощаетъ организмъ, вслѣдствіе недостаточнаго возстановленія силъ. Правда, что на основаніи одного механическаго закона, который объяснять здѣсь не мѣсто, люди небольшого роста имѣютъ преимущество надъ людьми высокаго роста въ дѣлѣ отношенія между поддерживающей и разрушительной силами, каковымъ преимуществомъ обусловливается отчасти и самый ростъ человѣка. Допустивъ это, станетъ очевидно, что если мы будемъ недостаточно кормить дѣтей и, если отъ этого излишки ихъ жизненной силы невполнѣ утратятся, то все-же, мы ослабимъ ихъ организмъ, уменьшимъ ихъ ростъ, помѣшаемъ тѣлу достичь необходимаго совершенства въ развитіи. Насколька велика потребность развивающагося организма въ питательныхъ веществахъ, доказывается непомѣрнымъ голодомъ школьниковъ и тѣмъ, что аппетитъ дѣтей быстро возвращается. Если-бы нужны были еще доказательства о томъ, какъ необходимо питаніе для дѣтей, напомнимъ читателямъ тотъ фактъ, что во время голода, послѣ кораблекрушенія или другихъ бѣдствій, дѣти всегда умираютъ первыми.

Послѣ того, какъ мы признали необходимость давать дѣтямъ питательную пищу, на томъ основаніи, что они чувствуютъ въ ней болѣе потребности, чѣмъ взрослые, займемся вопросомъ, чѣмъ лучше питать дѣтей: чрезмѣрнымъ-ли количествомъ растительной пищи или умѣреннымъ количествомъ концентрированной? Относительно питательности, количество мяса извѣстнаго вѣса можетъ быть замѣчено не иначе, какъ бо̀льшимъ по вѣсу количествомъ хлѣба, еще бо̀льшимъ количествомъ картофеля и т. д.; значитъ, чтобы удовлетворить потребность ребенка, надо увеличивать количество пищи, по мѣрѣ уменьшенія ея питательности. Спрашивается теперь, слѣдуетъ-ли сообразоваться съ потребностями ребенка, который растетъ, и давать ему соразмѣрное количество пищи такой-же хорошей, какъ и взрослому человѣку? Или, не обращая вниманія на то обстоятельство, что желудокъ ребенка

можетъ легко переваривать, даже относительно-бо̀льшее количество этой хорошей пищи, слѣдуетъ обременять его худшей въ увеличенномъ размѣрѣ? *)

Отвѣтъ очевиденъ. Чѣмъ мы менѣе даемъ работать желудку, тѣмъ болѣе сберегаемъ энергіи для роста и движеній тѣла. Желудокъ и кишки не могутъ выполнять своихъ функцій безъ помощи большаго запаса крови и нервной силы; извѣстной степени утомленіе, испытываемое послѣ черезъ-чуръ сытнаго обѣда; ясно доказываетъ, что этотъ запасъ крови и энергіи истощается въ ущербъ всего организма. Если требуемое питаніе получается отъ значительнаго количества непитательной пищи, то кишкамъ достается болѣе работы, чѣмъ въ тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ принимаетъ въ себя меньшее количество питательной пищи. Излишняя работа желудка очень вредна; вредъ этотъ обнаруживается у дѣтей въ уменьшеніи энергіи или въ остановкѣ роста, а иногда въ томъ и въ другомъ вмѣстѣ. Выводъ изъ всего сказаннаго слѣдующій: кормить дѣтей нужно, по возможности, питательной и удобоваримой пищей.

Нѣтъ сомнѣнія, что можно выростить дѣтей, давая имъ исключительно растительную пищу. Въ высшемъ сословіи Англіи очень часто встрѣчаются дѣти, которымъ даютъ, сравнительно, мало мяса и которые, тѣмъ не менѣе, ростутъ и, повидимому,

---

*) Слѣдующая за симъ горячая и убѣдительная филиппика противъ вегетаріанства написана авторомъ еще въ то недавнее время, когда это ученіе, такъ разросшееся въ наши дни, было въ зародышѣ. Поэтому-то авторъ разбираетъ вопросъ, такъ сказать, въ основныхъ его данныхъ и не упоминаетъ о тѣхъ хитросплетенныхъ софизмахъ, которыми прикрываются современные вегетаріанцы; но, впрочемъ, интересующійся этимъ вопросомъ, читатель найдетъ подробный его разборъ во многихъ спеціальныхъ сочиненіяхъ, здѣсь-же, по нашему мнѣнію, авторъ достаточно убѣдительно разбиваетъ самыя основы вегетаріанства.

Примѣч. переводч.

здоровы. Въ то-же время, дѣти рабочаго класса почти въ глаза не видятъ мясной пищи, а все-таки достигаютъ здоровой зрѣлости; но эти противорѣчащіе факты отнюдь не имѣютъ такого вѣса и значенія, которое имъ придаютъ. Во-первыхъ, никакъ нельзя сказать, чтобы дѣти, которыя питаются хлѣбомъ и картофелемъ, всегда отличавшіяся здоровьемъ, достигали непремѣнно крѣпкаго тѣлеснаго развитія. Сравненіе земледѣльческаго и средняго класса въ Англіи, съ среднимъ и низшимъ классомъ Франціи, окажется отнюдь не въ пользу тѣхъ, кто питается преимущественно растительной пищей. Во-вторыхъ, тутъ идетъ рѣчь не объ *объемѣ* только тѣла ребенка, но и о *свойствахъ* этого тѣла. На первый взглядъ, мягкое, дряблое тѣло почти такъ-же красиво, какъ и плотное, здоровое; но, присмотрѣвшись внимательнѣе къ двумъ такимъ экземплярамъ дѣтей, тотчасъ увидишь разницу между ними; если-бы даже неопытному наблюдателю и показалось, что толстый, вялаго сложенія, ребенокъ ни въ чемъ не уступаетъ своему коренастому, болѣе крѣпкому тѣломъ, сверстнику, то стоитъ только заставить этихъ дѣтей побороться, чтобы увидѣть, кто изъ нихъ сильнѣе. Толщина даже у взрослыхъ, часто бываетъ признакомъ слабости; не даромъ многіе лѣчатся отъ нея и радуются, когда ихъ тѣло теряетъ вѣсъ. Слѣдовательно, худоба дѣтей, которыхъ мало кормятъ, не есть еще доказательство болѣзненнаго состоянія. Въ третьихъ, кромѣ *объема* тѣла и его *свойствъ*, надо еще обратить вниманіе на *энергію* дѣтей. Въ этомъ отношеніи, между дѣтьми тѣхъ сословій, которыя питаются мясомъ, и тѣхъ, которыя сидятъ на хлѣбѣ и на картофелѣ, существуетъ поразительная разница. Какъ по живости ума, такъ и по физической силѣ и проворству, сынъ англійскаго крестьянина несравненно ниже сына джентельмена.

Если мы начнемъ сравненіе между собой различныхъ животныхъ, разныхъ племенъ людей, или одинаковыхъ породъ животныхъ и одинаковыхъ племенъ людей, только питаю-

щихся различной пищей, то мы еще сильнѣе убѣдимся въ истинѣ, что *степень энергіи существенно зависитъ отъ степени питательности пищи*. Корова, которая питается такимъ непитательнымъ кормомъ, какъ трава, служитъ лучшимъ обращикомъ, какого огромнаго объема надо имѣть желудокъ, чтобы переварить потребное ему громадное количество пищи; небольшія, сравнительно съ туловищемъ, ноги обременены его тяжестью; а такъ-какъ для ношенія этого бремени и перевариванія чрезмѣрнаго количества корма, требуется большая трата силъ, вслѣдствіе чего, излишекъ ихъ бываетъ самый ничтожный, то и оказывается, что корова очень лѣнивое животное. Сравните теперь корову съ лошадью — животнымъ весьма близкимъ съ нею по строенію, но привыкшимъ къ болѣе умѣренной и питательной пищѣ. Все ея туловище и, въ особенности, брюхо гораздо болѣе пропорціональны съ размѣрами ногъ; она не утрачиваетъ столько силъ, какъ корова, на поддержку своихъ массивныхъ внутренностей и не обременяетъ своихъ пищеварительныхъ органовъ огромнымъ количествомъ пищи; вслѣдствіе всего этого, она сильнѣе, проворнѣе и живѣе коровы. Если, затѣмъ, мы проведемъ параллель между неподвижностью глупаго травояднаго барана и живостью собаки, питающейся мясомъ, то встрѣтимъ еще болѣе рѣзкую разницу. Пройдемтесь по зоологическому саду; тамъ мы увидимъ, что всѣ плотоядныя животныя почти впродолженіи цѣлаго дня, съ рѣдкими промежутками, тревожно ходятъ взадъ и впередъ въ своихъ клѣткахъ тогда-какъ травоядныя бо̀льшею частью лежатъ. Не это-ли также и это доказываетъ связь между питательностью пищи и степенью дѣятельности животнаго?

Что такая разница не происходитъ отъ органическаго строенія животныхъ, какъ думаютъ многіе, а есть прямой результатъ различія пищи, потребляемой животными,—очевидно изъ того факта, что различныя породы одного и того же вида почти всегда обладаютъ неодинаковой степенью жи-

вости и силы, такъ-какъ питаются неодинаковой пищей. Разнообразныя породы лошадей лучше всего могутъ подтвердить наши слова. Сравните толстобрюхую, неповоротливую, кроткую ломовую лошадь съ топчавой, горячей скаковой или охотничьей, и вспомните при этомъ, какъ мало питателенъ кормъ первой, сравнительно съ послѣдней. Возьмемъ также примѣръ изъ человѣческихъ племенъ. Австралійцы, бушмены и другіе дикіе низшихъ породъ, питающіеся кореньями, ягодами, личинками насѣкомыхъ и тому подобной скудной пищей, сравнительно, малорослы, имѣютъ большіе животы, слабые, неразвитые мускулы и совсѣмъ неспособны соперничать съ европейцами ни въ физической силѣ, ни въ продолжительной дѣятельности. Переберите, затѣмъ рослыя сильныя дѣятельныя дикія племена: кафровъ, сѣверо-американцевъ, индѣйцевъ, патагонцевъ, и вы увидите, что они всѣ ѣдятъ очень много мяса. Дурно питающійся индусъ смиряется передъ англичаниномъ, выросшимъ на питательной пищѣ и превосходящимъ его, какъ умственной, такъ и физической силой. Вообще, по нашему мнѣнію, вся исторія міра доказываетъ, что народы, хорошо питавшіеся, всегда были самыми энергичными и преобладающими. Доказательство, еще болѣе убѣдительное, представляетъ намъ тотъ фактъ, что одно и то же животное можетъ, сообразно съ питательностью отпускаемаго ему корма, работать больше или меньше. Это всего чаще замѣчается на лошади. Она можетъ быть довольно тучной, питаясь одною травою, но за то силы у нея окажется меньше, что тотчасъ-же и обнаружится, если ее употребятъ на тяжелую работу. Поставьте лошадь на траву—у нея немедленно появится ослабленіе мускульной системы. Трава отличное средство для откармливанія телятъ на продажу, но очень вредное для охотничьей лошади. Издавна уже извѣстно, что послѣ лѣта, проведеннаго на подножномъ корму, охотничья лошадь должна простоять нѣсколько мѣсяцевъ въ стойлѣ на овсѣ или ячменѣ, чтобы сдѣлаться годной для охоты

съ собаками, и все-таки она придетъ въ такое состояніе, какое желательно, не ранѣе, какъ въ началѣ слѣдующей весны. М-ръ Эпперле утверждаетъ, что новѣйшими опытами дознано, что охотничью лошадь не слѣдуетъ выпускать на траву, и, за исключеніемъ особыхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, вообще не слѣдуетъ выгонять ее въ поле. Другими словами, никогда не слѣдуетъ кормить лошадь непитательнымъ кормомъ, потому что наибольшая сила и крѣпость пріобрѣтаются не иначе, какъ постояннымъ потребленіемъ здоровой, питательной пищи. Это такъ справедливо, что, по мнѣнію мистэра Эпперле, подтвержденному опытомъ, продолжительнымъ хорошимъ питаніемъ можно сдѣлать посредственную лошадь совершенно равной, по выносливости и силѣ, первоклассной лошади, которая питается обыкновеннымъ образомъ. *) Къ этимъ доводамъ прибавимъ еще почти всѣмъ извѣстный фактъ, что когда отъ лошади требуется удвоенный трудъ, ей, обыкновенно, даютъ бобы,—пищу, заключающую въ себѣ гораздо большее количество азотистыхъ и мускулопитательныхъ веществъ, чѣмъ овесъ.

Еще разъ повторяемъ, что относительно отдѣльныхъ личностей изъ человѣческой среды, эта истина столько-же, если не болѣе, очевидна. Мы не говоримъ о людяхъ, готовящихся къ тяжелымъ механическимъ работамъ, требующимъ особенной силы; тѣ, вѣроятно, соблюдаютъ по необходимости діэту, вполнѣ согласную съ нашимъ ученіемъ. Но сошлемся на опытность подрядчиковъ, строителей желѣзныхъ дорогъ и на ихъ рабочихъ. Много лѣтъ тому назадъ признано, что англійскій землекопъ, питающійся мясомъ, много сильнѣе землекопа съ

---

*) Справедливость этого факта, смѣемъ думать, не подлежитъ никакому сомнѣнію. У насъ, въ Россіи, откармливаніе захудалыхъ лошадей, съ цѣлью поднятія ихъ достоинствъ, а слѣдовательно и цѣнности, составляетъ даже особый промыселъ.

Примѣч. переводч.

континента, который всегда кормится преимущественно мучнистой пищей и притомъ настолько сильнѣе, что подрядчики желѣзныхъ дорогъ, англичане, находятъ выгоднымъ брать всюду съ собой своихъ рабочихъ. Въ новѣйшее время ясно было доказано, что это превосходство происходитъ не отъ племеннаго различія, а отъ различія діэты, такъ-какъ многократными опытами удостовѣрились, что рабочіе съ континента, измѣнивъ свой образъ жизни по образцу англійскихъ землекоповъ, быстро крѣпли въ силахъ и вскорѣ могли почти равняться со своими соперниками въ выносливости. Дополнимъ этотъ фактъ другимъ, противоположнымъ, выведеннымъ нами изъ шестимѣсячнаго наблюденія надъ вліяніемъ растительной пищи. Мы положительно утверждаемъ, что долгое воздержаніе отъ мяса ведетъ за собою ослабленіе, какъ физической, такъ и умственной силы.

Значеніе высшей діэты. Не подкрѣпляютъ-ли приведенные примѣры наши аргументы относительно питанія дѣтей? Не свидѣтельствуютъ-ли они, что если при питательной и непитательной пищи и возможно довести двухъ разныхъ дѣтей до одинаковаго роста и полноты, то все-таки ткани у одного ребенка окажутся несравненно низшаго качества, чѣмъ у другого? Не доказываютъ-ли они, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ необходимо усилить энергію и ростъ человѣка, нужно непремѣнно кормить его самой лучшей и питательной пищей? Не служатъ-ли они явнымъ подтвержденіемъ апріористическаго заключенія, что тотъ ребенокъ, отъ котораго не требуется почти никакой физической или умственной дѣятельности, можетъ вырости довольно здоровымъ, питаясь преимущественно мучными веществами, тогда-какъ другой ребенокъ, которому приходится ежедневно нетолько выробатывать себѣ новыя ткани, пополнять потерю физическихъ силъ, потраченныхъ чрезмѣрнымъ упражненіемъ мускуловъ, но и вознаграждать израсходованныя силы мозга, вслѣдствіе продолжительныхъ умственныхъ занятій,—долженъ непремѣн-

но питаться веществами, которыя содержатъ въ себѣ бо̀льшую порцію питательности? Не приводятъ-ли насъ вышесказанныя доказательства къ очевидному выводу, что, лишая ребенка хорошей пищи, мы наносимъ ущербъ или его росту, или физической или умственной дѣятельности, смотря по сложенію его и по обстоятельствамъ, въ которыя онъ поставленъ? Надѣемся, что всякій разумный человѣкъ не усумнится въ этомъ теперь. Думать иначе значило-бы поддерживать, только въ другой формѣ, старинное заблужденіе изобрѣтателей perpetuum mobili, или иначе допускать возможность происхожденія силы изъ ничего.

Прежде, чѣмъ покончить съ вопросомъ о пищѣ, мы считаемъ важнымъ сказать нѣсколько словъ о необходимости ея разнообразія. Въ этомъ отношеніи діэта молодежи въ Англіи весьма неудовлетворительна. Если нашихъ дѣтей не осуждаютъ, подобно солдатамъ „на двадцатилѣтнюю ѣду вареной говядины", то имъ все-таки приходится переносить однообразіе пищи, правда не столь крайнее и менѣе надоѣдающее, чѣмъ таковое солдатъ, однако, столь-же противное законамъ гигіены. За обѣдомъ, дѣйствительно, имъ даютъ, болѣе или менѣе разнообразную пищу и мѣняютъ ее каждый день; но зато завтракъ, изо-дня въ день, изъ года въ годъ, неизмѣнно состоитъ изъ одного и того-же кушанья,—молока съ хлѣбомъ, изрѣдка замѣняемаго овсяной кашицей. Ужинъ,—повтореніе того-же молока съ хлѣбомъ, иногда съ прибавленіемъ чая и тартинокъ съ масломъ. Это обыкновеніе рѣзко противорѣчитъ законамъ физіологіи. Если дѣтямъ надоѣдаетъ одна и та-же ѣда, если они искренно радуются, когда ихъ угостятъ новымъ, рѣдкимъ для нихъ, блюдомъ,—это не есть еще признакъ *жадности*, какъ думаютъ многіе, а только побужденіе къ болѣе здоровой и разнообразной діэтѣ. Многочисленными опытами доказано, что едва-ли найдется какая нибудь пища, которая пополняла-бы, въ надлежащемъ количествѣ и видѣ, всѣ вещества, потребныя для поддержанія

нормальнаго порядка жизненныхъ процессовъ; изъ этого слѣдуетъ, что для равномѣрнаго доставленія всѣхъ этихъ веществъ, нужно непремѣнно, какъ можно чаще мѣнять пищу. Далѣе, физіологи приняли за фактъ, что наслажденіе, которое доставляется любимымъ кушаньемъ, дѣйствуетъ, какъ нервное, возбудительное средство, облегчающее процессъ пищеваренія тѣмъ, что оно увеличиваетъ дѣятельность сердца и усиливаетъ быстроту движенія крови. На этихъ истинахъ основаны правила новѣйшей системы откармливанья скота посредствомъ послѣдовательнаго чередованія различныхъ сортовъ корма.

Не только было-бы полезно періодически мѣнять пищу, но было-бы хорошо, по тѣмъ-же самымъ причинамъ, смѣшивать въ каждомъ кушаньѣ различныя вещества. Чѣмъ болѣе окажется равновѣсія въ составныхъ частяхъ блюда, чѣмъ сильнѣе этимъ возбудится аппетитъ, тѣмъ лучше и скорѣе совершится процессъ пищеваренія. Если отъ насъ потребуютъ фактовъ въ подтвержденіе сказаннаго, мы укажемъ только на ту сравнительную легкость, съ которой желудокъ переваривается французскій обѣдъ,—безконечный по количеству блюдъ, но совершенно разнообразный по матеріаламъ; едва-ли кто позволитъ себѣ утверждать, что одинаковое количество всякой другой пищи, хотя-бы отлично изготовленной, можетъ быть такъ-же легко переварено, какъ этотъ обѣдъ. Если читатели доискиваются новыхъ фактовъ, пусть они постараются найти ихъ въ любомъ изъ новѣйшихъ сочиненій объ уходѣ за животными. Животныя всегда скорѣе ростутъ, если въ ихъ ежедневный кормъ входятъ разнообразныя вещества. Опыты Госса и Старка представляютъ наиболѣе убѣдительныя доказательства выгоды или, скорѣе, необходимости смѣшивать вещества въ кормѣ животныхъ и въ пищѣ людей, чтобы изготовлять изъ нихъ смѣсь, наиболѣе приноровленную къ дѣятельности желудка.

Если кто-нибудь возразитъ намъ, а это несомнѣнно, что

постоянная перемѣна діэты для дѣтей или приготовленіе для нихъ разнообразныхъ кушаній вызоветъ много хлопотъ въ хозяйствѣ, мы отвѣтимъ, что о хлопотахъ нечего думать, когда дѣло идетъ объ умственномъ развитіи дѣтей, и что для будущаго ихъ счастья всего необходимѣе хорошее физическое развитіе. При этомъ грустно и странно то, что хлопоты объ откармливаніи свиней составляютъ для насъ родъ удовольствій, а хлопоты, какъ-бы получше питать дѣтей, мы считаемъ бременемъ.

Добавимъ еще нѣсколько словъ въ видѣ предостереженія тѣмъ, кто предпринялъ-бы дополненіе изложенной нами системы. Перемѣну въ пищѣ не слѣдуетъ производить разомъ, такъ-какъ скудное питаніе до того разслабляетъ организмъ, что дѣлаетъ его неспособнымъ переносить круто-измѣненную діэту. Недостаточное питаніе, само по себѣ, составляетъ причину дурного пищеваренія. Это ясно видно на животныхъ. Мартонъ въ своемъ сочиненіи „*Энциклопедія Земледѣлія*“ говоритъ: „Если телятъ поить снятымъ молокомъ или сывороткою, или вообще плохо кормить, то они бываютъ подвержены несваренію желудка.“

Поэтому, если силы слабы, то переходъ къ болѣе питательной и обильной пищѣ долженъ быть постепененъ; въ данномъ случаѣ необходимо сообразоваться съ возрастающими силами. Однако, нельзя упустить изъ виду того обстоятельства, что съ концетрированіемъ пищи можно зайти очень далеко. Для хорошаго обѣда требуется только достаточное количество здоровой пищи, которая могла-бы наполнить желудокъ; плохимъ обѣдомъ называется такой, въ которомъ недостаетъ веществъ, могущихъ дать соразмѣрную массу. Хотя у образованныхъ націй, имѣющихъ всегда хорошую пищу, размѣръ питательныхъ органовъ гораздо менѣе, чѣмъ у дикихъ племенъ, пища которыхъ очень плоха и хотя этотъ размѣръ можетъ случайно сократиться еще болѣе, однако, количество употребляемой пищи всегда должно быть опредѣляемо вмѣ-

стительностью кишокъ. Въ виду всего этого, пища дѣтей всегда должна быть очень питательна и, кромѣ того, ее слѣдуетъ ежедневно разнообразить и давать дѣтямъ въ обильномъ количествѣ.

Личныя ощущенія и ихъ вліяніе. Воззрѣнія родителей и воспитателей относительно одежды дѣтей точно также ошибочны. Почему-то установилось общее мнѣніе, или, скорѣе, теорія,—которая все-же выразилась въ опредѣленной формѣ,—что не слѣдуетъ обращать вниманія на личныя ощущенія, такъ-какъ они вмѣсто того, чтобы руководить нами, вводятъ насъ только въ ошибки, таковъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ установившагося мнѣнія. Но это совершенное заблужденіе; нашъ организмъ устроенъ гораздо благопріятнѣе. *) Самыя физическія страданія наши происходятъ не отъ того, что мы повинуемся своимъ ощущеніямъ, а потому, что мы не придаемъ имъ значенія. Вредно принимать излишнюю пищу, но голодъ слѣдуетъ утолять всегда. Также необходимо утолять и жажду, но вредно пить, когда не чувствуешъ въ этомъ потребности. То-же самое можно сказать и о воздухѣ: свѣжій воздухъ всегда полезенъ, но испорченный вреденъ и противъ него протестуютъ сами легкія. Ежедневное правильное движеніе, предписываемое самой природой, не можетъ повредить намъ; это мы видимъ на каждомъ ребенкѣ; на насъ вредно отзывается невниманіе къ этому природному побужденію. Обыкновенно, вредъ причиняется не той умственной дѣятельностью,

*) Само собою разумѣется, что наши ощущенія,—наши лучшіе руководители; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что ребенокъ, въ большинствѣ случаевъ, не умѣетъ разобраться въ своихъ ощущеніяхъ, а тѣмъ болѣе въ ихъ интенсивности, какъ мы уже упоминали объ этомъ (относительно ощущенія голода) въ нашемъ примѣчаніи на стр. 193. По нашему мнѣнію, общее правило для воспитателей, относительно значенія личныхъ ощущеній дѣтей, таково, чтобы, не впадая въ крайности, *принимать эти ощущенія въ соображеніе*, но отнюдь *не руководствоваться* исключительно ими.

Примѣч. переводч.

которая самопроизвольна и доставляетъ намъ удовольствіе, а той, которая продолжается и послѣ того, какъ наша разгоряченная и разболѣвшаяся голова требуетъ отдыха. Мы вредимъ самимъ себѣ не тѣмъ тѣлеснымъ упражненіемъ, которое намъ или пріятно, или просто необременительно, а тѣмъ, которое продолжается, когда мы уже выбились изъ силъ. Правда, что у людей, ведущихъ безпорядочную жизнь, ощущенія, притупившись, дѣлаются плохими руководителями. Одинаково и тотъ, кто долго сидѣлъ въ заперти, изнурялъ себя умственно, дѣлалъ мало движенія, принималъ пищу, сообразуясь со временемъ, а не со своимъ аппетитомъ, всегда можетъ быть введенъ въ обманъ своими извращенными чувствами. Такое ненормальное состояніе этихъ людей и является слѣдствіемъ нарушенія предписаній ихъ личныхъ ощущеній. Если-бы мы съ малолѣтства привыкли повиноваться, скажемъ, „физической совѣсти", она не заглохла-бы въ насъ, а стала-бы нашимъ вѣрнымъ руководителемъ.

Одежда дѣтей. Ощущеніе тепла и холода тоже можетъ служить для насъ руководствомъ; при выборѣ одежды для дѣтей необходимо сообразоваться съ этимъ ощущеніемъ, такъ-какъ въ противномъ случаѣ можно сильно повредить здоровью ребенка. Методъ „закаливанья", принятый нѣкоторыми родителями и педагогами, совершенно ошибоченъ и крайне вреденъ. Благодаря такому ошибочному методу, немало дѣтей отправилось на тотъ свѣтъ, а тѣ, которые выжили, сдѣлались тщедушными и малорослыми. Докторъ Комбъ говоритъ: „Ихъ слабое тѣлосложеніе ясно доказываетъ, какой имъ нанесенъ вредъ, а частыя болѣзни могли-бы служить предостереженіемъ для неразумныхъ родителей." Подобная система „закаливанія" зиждется на крайне-шаткихъ основахъ. Богатые родители, видя, что крестьянскіе дѣвочки и мальчики бѣгаютъ на воздухѣ полуодѣтые, приписываютъ этому обстоятельству здоровое состояніе рабочаго народа и выводятъ изъ этого ложное заключеніе, что для того, чтобы быть здоровымъ, слѣдуетъ одѣ-

ваться, какъ можно легче, — вотъ почему они и соблюдаютъ правила, какъ можно меньше кутать дѣтей. Но подобные люди забываютъ тотъ очевидный фактъ, что деревенскія ребятишки, прыгающіе по лугамъ и бѣгающіе по лѣсамъ, много лучше обставлены, чѣмъ городскія дѣти достаточныхъ родителей; первые проводятъ почти все свое дѣтство въ играхъ, цѣлые дни они дышатъ легкимъ и свѣжимъ воздухомъ и, кромѣ того, ихъ организмъ не ослабленъ чрезмѣрной умственной работой. Можно безошибочно сказать, что ихъ здоровье поддерживается, *благодаря* этимъ условіямъ, *вопреки*, а не вслѣдствіе недостаточной одежды. Они были-бы здоровѣе, если бы ихъ одѣвали еще теплѣе; между тѣмъ, какъ теперь потеря животной теплоты, вслѣдствіе недостаточно прикрытаго тѣла, наноситъ, конечно, хотя и незамѣтный, но все-же дѣйствительный, вредъ ихъ организму.

Если даже ребенокъ настолько крѣпко сложенъ, что можетъ переносить холодъ, и если такого рода методъ отчасти закаливаетъ его, то все-же это не проходитъ ему даромъ и отзывается на его ростѣ. Это легко провѣрить, какъ на животныхъ, такъ и на людяхъ. Шотландскіе пони легче выносятъ холодъ, чѣмъ южныя лошади, но за то они малы ростомъ. Шотландскій скотъ, живущій въ горахъ, слѣдовательно, въ болѣе суровомъ климатѣ, много меньше англійскихъ породъ. Какъ въ арктической, такъ и въ антарктической полосахъ, человѣкъ не достигаетъ обыкновеннаго роста: лапландцы и эскимосы почти карлики; жители Огненной Земли, которые по словамъ Дарвина, ходятъ нагими даже зимою, до такой степени безобразны и малы ростомъ, „что трудно вѣрится, чтобы это были люди.“

Наука объясняетъ эту малорослость значительнымъ выдѣленіемъ теплоты изъ тѣла и доказываетъ, что послѣднее является слѣдствіемъ недостаточнаго питанія и вообще дурныхъ условій жизни. Было уже сказано выше, что для вознагражденія потери теплоты черезъ лучеиспусканіе, человѣку необ-

ходимо принимать въ употребляемой имъ пищѣ извѣстныя вещества, которыя постоянно-бы окислялись и количество этихъ окисляющихся веществъ должно быть непремѣнно соразмѣрно количеству потери теплоты. Между тѣмъ, сила пищеварительныхъ органовъ ограничена, поэтому, если имъ приходится заготовлять большое количество матеріала, необходимаго для поддержанія извѣстной температуры, то они успѣваютъ выработать весьма малое количество его на строеніе тѣла. Излишняя трата на топливо влечетъ за собою сокращеніе средствъ для другихъ цѣлей. Вотъ почему тѣло, подверженное излишнему вліянію холода, туго подвигается въ ростѣ и отличается несовершенствомъ тканей.

Изъ всего сказаннаго ясно видно, что одежда имѣетъ большое значеніе. Либихъ говоритъ: „наша одежда, относительно температуры тѣла, есть только замѣна извѣстнаго количества пищи. Съ уменьшеніемъ потери теплоты, уменьшается и количество топлива, которое необходимо для поддержанія температуры; если желудку нужно меньше заготовлять топлива, то, весьма естественно, что онъ можетъ заготовлять болѣе другихъ матеріаловъ. Этотъ выводъ доказывается еще опытомъ людей, которые посвятили себя уходу за животными. Холодъ, по ихъ мнѣнію, переносится животными на счетъ ихъ жира, мускуловъ или роста, смотря по обстоятельствамъ. Вотъ, что пишетъ Мартонъ въ своей „энциклопедіи земледѣлія“: „Если откармливаемый скотъ держать на холоду, то онъ тучнѣетъ медленно или требуетъ увеличеннаго количества пищи.“ М-ръ Эпиэрлэ строго настаиваетъ на томъ, чтобы охотничьихъ лошадей, если хотятъ довести ихъ до хорошаго состоянія, держали-бы не иначе, какъ въ теплыхъ стойлахъ. Также заводчики легковыхъ лошадей прекрасно знаютъ, что не слѣдуетъ подвергать ихъ холоду.

Эта научная истина, которая подтверждается этнологіею и признается агрономами и спортсменами, еще болѣе примѣнима къ дѣтямъ. Ребенокъ тѣмъ труднѣе переноситъ холодъ,

чѣмъ онъ меньше и быстрѣе растетъ. Такъ во Франціи были случаи смерти новорожденныхъ дѣтей оттого, что зимою ихъ носили въ контору мера для записи въ метрику. Кетле пишетъ, что въ Бельгіи на одного ребенка, умирающаго въ іюлѣ приходится двое умирающихъ въ январѣ. Смертность дѣтей въ Россіи также значительна. Даже въ возрастѣ, близкомъ къ зрѣлости, не вполнѣ развитый организмъ трудно переноситъ холодъ, примѣромъ чего служатъ солдаты - новобранцы, умирающіе отъ холода въ трудныхъ военныхъ переходахъ. Раціональный выводъ изъ всего этого понятенъ. Мы уже указывали читателямъ на тотъ фактъ, что вслѣдствіе постоянно измѣняющихся отношеній между поверхностью и объемами тѣла ребенка, онъ теряетъ, сравнительно, гораздо болѣе теплоты, чѣмъ взрослый человѣкъ. Не слѣдуетъ забывать, что ребенку труднѣе возбудить въ себѣ теплоту. По словамъ Лемана, если мы возьмемъ количество углекислоты, выдѣляемой дѣтьми и молодыми животными и сравнимъ его съ соотвѣтствующимъ вѣсомъ ихъ тѣла, то окажется, что дѣти выдѣляютъ изъ себя углекислоты, вдвое болѣе, чѣмъ взрослые." Количество-же выдѣляемой ими углекислоты измѣняется сообразно съ количествомъ производимой ими теплоты. Итакъ, организмъ дѣтей даже при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ долженъ заготовить вдвое болѣе матеріала, производящаго тепло.

Что-же послѣ этого можно сказать о безразсудномъ обычаѣ родителей одѣвать своихъ дѣтей какъ можно легче? Между взрослыми, теряющими теплоту менѣе быстро, чѣмъ дѣти и неимѣющими другой физіологической работы, кромѣ пополненія ежедневныхъ тратъ своего организма, едва-ли найдется хотя-бы одинъ отецъ, который нашелъ-бы полезнымъ для себя прогуляться съ голыми ногами, голыми руками и голой шеей, тогда-какъ своихъ маленькихъ дѣтей онъ не жалѣетъ и налагаетъ на нихъ ярмо обычая, которому, однако, самъ не подчиняется, хотя прекрасно знаетъ, что дѣти слабѣе его. Если онъ не подвергаетъ малютокъ этому жестокому обычаю,

то, не протестуя, допускаетъ примѣнять его на практикѣ. Напомните ему, что каждая унція пищи, израсходованная напрасно для поддержанія температуры въ тѣлѣ ребенка, вычитывается изъ питательныхъ веществъ, необходимыхъ на строеніе его тѣла; а слѣдовательно, если его сынъ избѣгнетъ простудъ, прилива крови и другихъ болѣзней, то онъ все-таки не достигнетъ надлежащаго роста, будетъ хилъ и тщедушенъ.

Общее правило. Не слѣдуетъ одѣваться всегда одинаково, а *необходимо надѣвать такое платье, которое достаточно защищало-бы тѣло, въ извѣстныхъ случаяхъ, отъ продолжительнаго ощущенія холода, какъ-бы это ощущеніе ни было слабо.*

Это правило, которое докторъ Комбъ обозначаетъ въ своемъ сочиненіи курсивомъ, признано вполнѣ справедливымъ всѣми учеными и практическими людьми. Мы не знаемъ ни одного компетентнаго въ этомъ дѣлѣ человѣка, который не осуждалъ-бы обычай обнажать дѣтскіе члены тѣла. Вообще изъ вопросовъ, касающихся вредныхъ и губительныхъ обычаевъ, — самый важный вопросъ объ одеждѣ дѣтей.

Легкомысліе матерей въ выборѣ дѣтскаго туалета. Грустно видѣть, какъ матери, въ угоду модѣ, разстраиваютъ здоровье своихъ дѣтей. Достаточно того, что они сами слѣдуютъ за всякой выдумкою по части нарядовъ, но рядить дѣтей въ шутовской костюмъ, не обращая вниманія на неудобство и нераціональность такой одежды можетъ быть названо чудовищнымъ легкомысліемъ. Дѣтямъ неловко, холодно, они часто простуживаются въ своихъ модныхъ костюмахъ, ростъ ихъ задерживается, желудокъ разстраивается, словомъ, вся ихъ жизнь подтачивается и они умираютъ преждевременно. Но почему? Потому, что маменьки считаютъ нужнымъ одѣть ихъ въ костюмы, предписываемые капризомъ французской моды. Въ угоду модѣ, матери не только вредятъ своимъ малюткамъ, обнажая ихъ до половины, но даже сами придумы-

ваютъ для нихъ туалеты, идущіе въ разрѣзъ съ гигіеническими правилами. Для красоты наряда выбирается сортъ матеріи, совершенно несоотвѣтствующій бойкимъ дѣтскимъ движеніямъ въ различныхъ играхъ, отчего, изъ боязни измять, изорвать или запачкать изящный костюмъ, ребенку запрещаютъ рѣзвиться. „Встань, ты изомнешь платье!“ удерживаетъ ребенка няня, когда тотъ вздумаетъ ползать по полу. „Назадъ! ты запачкаешь чулки“;—останавливаетъ гувернантка маленькаго шалуна, которому захотѣлось вскарабкаться на песчаную насыпь. Такимъ образомъ движеніе, вдвое болѣе необходимое ребенку, когда онъ легко одѣтъ, запрещается ему ради того, чтобы не испортить цвѣта и фасона его платья. Когда-же, наконецъ, люди поймутъ жестокость этой глупой системы! Тысячи дѣтей ежегодно терпятъ горе отъ безразсуднаго поклоненія изящной внѣшности, ихъ здоровье подтачивается, живость пропадаетъ, не говоря уже о томъ, сколько умираетъ дѣтей преждевременно принесенныхъ въ жертву материнскому тщеславію. Не хотѣлось-бы совѣтовать принятіе строгихъ мѣръ противъ этого зла, тѣмъ не менѣе такія мѣры вполнѣ оправдали-бы рѣшительное вмѣшательство отцовъ.

Итакъ, одежда дѣтей, не доходя до излишняго кутанья, должна быть настолько удовлетворительна, чтобы предотвращать ощущеніе холода. *) Вмѣсто батиста, кембрика и полотна, дѣтей надо одѣвать въ платье изъ плотной шерстяной матеріи, которая должна быть настолько прочна, чтобы дѣти могли играть, не разорвавъ и не измявъ ее и такого цвѣта, который бы не скоро линялъ и не легко пачкался.

Тѣлесныя упражненія мальчиковъ и дѣвочекъ. Необходимость тѣлесныхъ упражненій для дѣтей не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ Англіи, какъ въ общественныхъ, такъ и

*) Надо замѣтить, что дѣти, привыкшія съ ранняго возраста ходить съ обнаженными частями рукъ и ногъ, перестаютъ ощущать вліяніе холода, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы принятая система не наносила имъ вреда.

въ частныхъ школахъ, дѣтямъ отводятся помѣщенія, удобныя для игръ и удѣляется достаточно времени для прогулокъ и тѣлесныхъ упражненій на чистомъ воздухѣ. Въ этомъ только случаѣ, повидимому, дозволяется мальчикамъ слѣдовать ихъ естественному побужденію. Вообще, въ послѣдніе годы, принято разнообразить утренніе и послѣобѣденные уроки нѣсколькими минутами отдыха на чистомъ воздухѣ, что доказываетъ увеличивающееся стремленіе педагоговъ согласовать школьныя правила съ физическими потребностями воспитанниковъ.

Къ сожалѣнію такое благодѣтельное нововведеніе относится только до мальчиковъ. *) Для дѣвочекъ пока еще ничего не сдѣлано. Мы имѣемъ возможность сравнить положеніе тѣхъ и другихъ. Передъ нашими глазами двѣ школы: мужская и женская; контрастъ между ними поразительный. У мальчиковъ почти половина большаго сада обращена въ открытую, усыпанную гравіемъ, площадку, хорошо приспособленную для различныхъ игръ. Тутъ врыты шесты и устроены трапеціи для гимнастическихъ упражненій. Ежедневно, послѣ завтрака, около 11 часовъ утра, послѣ полудня, два часа спустя послѣ обѣда и, наконецъ, вечеромъ, по окончаніи классныхъ занятій, вся окрестность оглашается радостными криками и громкимъ хохотомъ мальчиковъ, бѣгающихъ и играющихъ. Они всецѣло поглощены этой пріятной забавой, отъ которой оживленно бьется пульсъ и возбуждается здоровая дѣятельность каждаго органа.

Дѣвочки дѣлаютъ мало движенія. Совершенно иную картину представляетъ „школа для дѣвочекъ". Мы не догадывались, пока намъ не сказали, что вблизи насъ находится шко-

*) Въ нашихъ, русскихъ, учебныхъ заведеніяхъ тѣлесныя упражненія воспитанниковъ поставлены въ еще болѣе худшія условія. Только въ послѣдніе 5—10 лѣтъ начальство нашихъ средне-учебныхъ заведеній стало обращать серьезное вниманіе на правильную постановку игръ и гимнастики.

Примѣч. переводч.

ла для дѣвочекъ. Садъ такихъ-же размѣровъ, какъ у мальчиковъ, не имѣетъ никакихъ приспособленій для развлеченія дѣвочекъ; онъ состоитъ изъ чистенькихъ лужаекъ, алей, усыпанныхъ пескомъ, кустарникомъ и клумбъ съ цвѣтами, словомъ, носитъ характеръ хорошо-распланированнаго сада. Въ теченіи пяти мѣсяцевъ нашего наблюденія, мы не слышали въ этомъ саду веселаго дѣтскаго смѣха. Дѣвочки скромно прохаживались по алеямъ съ книжками или тетрадями въ рукахъ или-же гуляли по-парно подъ тѣнью деревьевъ. Только одинъ разъ мы видѣли, какъ двѣ дѣвочки гонялись другъ за другомъ по аллеѣ; ни игръ, ни гимнастическихъ упражненій мы не видали.

Отчего-же такая изумительная разница? Неужели для дѣвочекъ не нужны тѣлесныя упражненія? Неужели у дѣвочекъ нѣтъ склонности къ играмъ и забавамъ, такъ увлекающимъ мальчиковъ? Неужели природа, одарившая мальчиковъ врожденною живостью, дала ее дѣвочкамъ только для того, чтобы онѣ раздражали своихъ воспитательницъ? Можетъ быть, мы не понимаемъ цѣли лицъ, посвятившихъ себя воспитанію дѣвочекъ. Можно думать, что родители не желаютъ имѣть дочерей крѣпкаго тѣлосложенія, что избытокъ здоровья и физическихъ силъ считается неприличными для дѣвушки благороднаго происхожденія и она должна быть блѣдна, воздушна, кушать мало и то съ разборомъ, быть по природѣ робкою, какъ всѣ слабые люди. Никто изъ родителей, во всемъ этомъ не признается, тѣмъ не менѣе мы увѣрены, что идеалъ гувернантки аристократическихъ миссъ совершенно подходятъ къ нашему типу и разсчитанъ на осуществленіе этого идеала. Но думать, чтобы таковъ былъ идеалъ мужчинъ—глубокое заблужденіе. Этимъ мы не хотимъ сказать, чтобы мужчинамъ нравились мужественныя женщины, напротивъ, мы согласны съ мнѣніемъ, что, до извѣстной степени, робость, мягкость характера, ищущая опоры въ мужской силѣ, составляетъ для насъ большую привлекательность въ дѣвушкѣ, по физиче-

ская слабость, вызванная искусственно, превращаетъ женщину въ вялое безхарактерное существо и эта слабость скорѣе отталкиваетъ насъ, чѣмъ привлекаетъ.

„Итакъ, вы настаиваете, что бы, дѣвочкамъ было позволено скакать и прыгать, какъ мальчикамъ? Чтобы изъ дѣвочекъ вышли грубыя, бойкія шалуньи?“—спроситъ насъ какой-нибудь защитникъ женскихъ приличій. Такія опасенія со стороны учительницъ и начальницъ женскихъ учебныхъ заведеній весьма естественны и даже составляютъ ихъ больное мѣсто.

Если рѣзвость, допускаемая въ мужскихъ школахъ, не мѣшаетъ воспитанникамъ впослѣдствіи сдѣлаться настоящими джентельменами, то почему-же такая-же рѣзвость можетъ помѣшать дѣвочкамъ, по выходѣ изъ школы, сдѣлаться настоящими лэди? Какъ-бы ни дурачились мальчики въ школѣ въ рекреаціонные часы, не одинъ изъ нихъ, по выходѣ изъ школы, не позволитъ себѣ играть въ горѣлки на улицѣ или въ шары въ гостинной. Вмѣстѣ со школьной курточкою, мальчики обыкновенно бросаютъ и свои дѣтскія игры; въ нихъ даже иногда проявляется мелочное опасеніе не сдѣлать чего нибудь такого, что недостойно мужчины. Если это чувство мужскаго достоинства проявляется въ юношахъ, то неужели чувство женской скромности, постепенно укрѣпляясь съ приближеніемъ зрѣлаго возраста, не сдержитъ порывовъ къ необузданной рѣзвости въ молодыхъ дѣвушкахъ? Развѣ женщины менѣе заботятся о внѣшности, чѣмъ мужчины? У нихъ проявляется даже болѣе сильное стремленіе къ обузданію всего грубаго и шумнаго, такъ что нѣтъ никакой надобности въ суровой дисциплинѣ школьныхъ надзирательницъ.

Дѣвочкамъ запретили нормальныя движенія, а между тѣмъ убѣдились въ дурныхъ послѣдствіяхъ недостаточности движенія, почему и замѣнили его—гимнастикою. Гимнастика, конечно, лучше, чѣмъ ничего, но что она вполнѣ замѣняетъ нормальное бѣганіе и игры—съ этимъ нельзя согласиться.

Во-первыхъ, установленныя гимнастикою тѣлодвиженія не такъ разнообразны, какъ тѣ, которыми сопровождаются юношескія игры; во-вторыхъ, отъ постоянно повторяющагося движенія только нѣкоторыхъ частей тѣла, происходитъ непропорціональное развитіе послѣднихъ. *) Кромѣ того гимнастическія упражненія, не говоря уже о неровномъ распредѣленіи дѣятельности между членами тѣла, слишкомъ монотонны и скучны. Если ребенокъ не чувствуетъ къ нимъ отвращенія, какъ къ неизбѣжному уроку, то они все-таки ему надоѣдаютъ и утомляютъ его отсутствіемъ занимательности. Соперничество въ ловкости и проворствѣ, конечно, льститъ самолюбію ребенка, но его нельзя сравнить съ удовольствіемъ, сопровождающимъ процессъ всякой игры.

Недостатокъ занимательности, какъ причина утомленія дѣтей, составляетъ также одну изъ причинъ, почему гимнастика не оказываетъ полезнаго вліянія на дѣтскій организмъ. Ошибаются тѣ, кто предполагаетъ, что дѣтямъ нужна только извѣстная степень физической дѣятельности, не разбирая, пріятна она имъ или нѣтъ. Всякое умственное возбужденіе производитъ оживляющее дѣйствіе на организмъ человѣка, а удовольствіе, самое дѣйствительное лекарство для больнаго. Ускоряя обращеніе крови, облегчая процессъ каждаго отправленія, оно быстро укрѣпляетъ здоровье и возстановляетъ его даже тогда, когда оно утрачено. Вотъ почему дѣтскія игры имѣютъ огромное преимущество передъ гимнастикою. Послѣдняя не вызываетъ въ дѣтяхъ никакого умственнаго возбужденія, а потому она, по нашему мнѣнію, радикально без-

---

*) Разумѣется, гимнастика не можетъ замѣнить игръ, такъ-какъ ей недостаетъ, свойственныхъ имъ, оживленія, свободы движеній и занимательности; однако, въ противоположность мнѣнія автора, главное достоинство гимнастики заключается именно въ томъ, что ея движенія, не будучи произвольными, какъ въ играхъ, даютъ пропорціональное развитіе. Доказательство этого, помимо очевидности теоритической, можно найти въ томъ, что солдаты-новобранцы, несмотря

полезна, между тѣмъ, какъ игры имѣютъ живой интересъ, возбуждая въ дѣтяхъ бѣшенную веселость, которая благодѣтельно вліяетъ на нихъ, какъ и самое движеніе.

Такимъ образомъ, если допустить, что гимнастическія упражненія лучше, чѣмъ ничего, допустивъ даже, что гимнастика можетъ служить съ пользою, какъ дополнительное пособіе физическаго воспитанія, мы утверждаемъ, что гимнастика никогда не можетъ замѣнить естественныхъ упражненій тѣла. Для дѣвочекъ игры также необходимы, какъ и для мальчиковъ и тотъ, кто кладетъ на нихъ запретъ, тормозитъ установленныя природою средства къ физическому развитію.

Вырожденіе человѣческой природы. Остановимся на одномъ вопросѣ, болѣе важномъ, чѣмъ всѣ предъидущіе. Многіе утверждаютъ, будто современное молодое поколѣніе въ средѣ образованныхъ классовъ отстало въ ростѣ и крѣпости сложенія отъ стариковъ-родителей. На первый взглядъ такое замѣчаніе можетъ показаться страннымъ, мы даже готовы были причислить его къ обыкновеннымъ стариковскимъ разсужденіямъ, въ которыхъ проглядываетъ желаніе восторгаться прошлымъ въ ущербъ настоящему. Но вникнувъ поглубже въ дѣло, мы нѣсколько измѣнили свой взглядъ. Если исключить изъ сравненія рабочіе классы, то окажется, въ большинствѣ случаевъ, что дѣти не достигаютъ роста своихъ родителей, а относительно полноты они отстаютъ еще болѣе. По словамъ врачей, нынѣшніе люди не могутъ выносить такихъ кровопусканій, какъ прежніе. Преждевременная плѣшивость, въ настоящее

на значительную силу и здоровье, отличаются отъ старыхъ солдатъ непропорціональностью развитія различныхъ частей тѣла, что, однако, легко исправляется въ нихъ гимнастическими упражненіями. Итакъ, игры,—занятіе необходимое для здоровья и физическаго развитія, а гимнастика,—вспомогательное средство, дающее, путемъ опредѣленныхъ, строго-расчитанныхъ движеній, пропорціональное развитіе различныхъ частей тѣла.

Примѣч. переводч.

время—явленіе болѣе обыкновенное, чѣмъ въ старину. То-же можно сказать и о раннемъ выпаденіи зубовъ. Въ общемъ, люди прошлаго поколѣнія оказались гораздо выносливѣе нынѣшняго. Наши недавніе предки кутили на пропалую, проводили ночи безъ сна, не обращали вниманія на погоду и при всемъ томъ до преклонной старости могли долго и упорно работать безъ ущерба для своего здоровья.

А теперь, мы хлопочимъ о гигіенѣ, ѣдимъ умѣренно, пьемъ безъ излишествъ, заботимся о чистотѣ воздуха, пользуемся отличными медицинскими пособіями, а все-таки мы слабѣе нашихъ дѣдовъ, которые нерѣдко шли наперекоръ гигіеническимъ законамъ. Наконецъ, судя по внѣшнему виду и по частымъ болѣзнямъ подростающаго поколѣнія, можно ожидать, что оно будетъ еще слабѣе, чѣмъ мы.

Что-же это значитъ? Не то-ли что *объѣданіе* въ старину было менѣе вредно, чѣмъ *недоѣданіе*, столь распространенное въ настоящее время? Не то-ли, что при воспитаніи нашихъ дѣтей мы вводимъ столь достойную порицанія систему обнаженія рукъ, ногъ и шеи? Или причиною всему нашъ ошибочный методъ запрещать дѣтямъ рѣзвиться ради приличія? Все сказанное нами даетъ право заключить, что каждая изъ указанныхъ причинъ имѣетъ свою долю участія въ этомъ злѣ. Кромѣ того, тутъ сильно вліяетъ еще одно обстоятельство, быть можетъ, даже самое губительное—это чрезмѣрное умственное напряженіе дѣтскаго мозга.

Вредъ отъ непосильныхъ умственныхъ упражненій. Современная жизнь вызываетъ все бо̀льшее и бо̀льшее напряженіе умственныхъ силъ у стариковъ и у молодыхъ, а увеличивающаяся конкуренція во всѣхъ дѣлахъ напрягаетъ энергію и способности даже и взрослыхъ людей, кромѣ того молодежь подчинена строгой дисциплинѣ, о которой въ прежнія времена никто не имѣлъ понятія и все это дѣлается съ цѣлью подготовить юношество къ борьбѣ съ жизнью. Зло отъ этого увеличивается. Отцы семействъ, стѣсненные со всѣхъ

сторонъ наплывомъ конкуренціи, должны работать при самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, тратятъ массу денегъ на покрытіе домашнихъ расходовъ, вслѣдствіе возрастающей дороговизны; имъ приходится работать съ утра до ночи и только въ краткія минуты отдыха они могутъ дѣлать движеніе. Истощенные ненормальною работою, превышающею ихъ силы, они передаютъ своимъ дѣтямъ уже подточенный организмъ, а эти дѣти, сравнительно слабыя, предрасположенныя къ изнеможенію отъ самаго незначительнаго напряженія энергіи, осуждаются на новый непосильный трудъ,—они принуждены проходить „курсъ жизни", болѣе обширный, чѣмъ тотъ, который предназначался болѣе крѣпкимъ, относительно здоровья, дѣтямъ прошедшихъ поколѣній.

Вредныя послѣдствія этого замѣтны повсюду. Вездѣ вы видите молодежь съ сильно разстроеннымъ отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій здоровьемъ. Мы безпрестанно встрѣчаемъ то мальчика, котораго принуждены были взять изъ училища для поправленія здоровья, истощеннаго сильными занятіями, то дѣвочку, у которой хроническіе приливы крови къ мозгу продолжаются уже нѣсколько мѣсяцевъ и грозятъ продлиться еще долѣе. А тамъ вы слышите о ребенкѣ, заболѣвшемъ горячкой, вслѣдствіе ненормальнаго возбужденія, вызваннаго въ школѣ; то вамъ разсказываютъ о юношѣ, который долженъ былъ на время прекратить занятія, а когда опять принялся за нихъ, то съ нимъ постоянно дѣлались обмороки въ классѣ. Все это факты, обратившіе на себя наше вниманіе во время нашихъ двухлѣтнихъ наблюденій за учебными заведеніями, бывшими у насъ на глазахъ. Но этотъ списокъ указанныхъ примѣровъ далеко не полонъ. Не такъ давно мы имѣли случай убѣдиться, что вкоренившееся у насъ зло, передается по наслѣдству. Одну молодую даму,дочь сильныхъ и здоровыхъ родителей отдали въ дѣтствѣ на полный пансіонъ къ кому-то въ Шотландіи. Тамъ её слишкомъ плохо кормили и обременяли занятіями до такой степени, что ея здоровье расшаталось. Она

потомъ вышла замужъ и до сихъ поръ каждое утро, вставая съ постели, подвергается сильнымъ головокруженіямъ; ея дѣти унаслѣдовали отъ матери слабый мозгъ и теперь не въ состояніи позволить себѣ даже умѣренныхъ умственныхъ занятій безъ того, чтобы у нихъ не заболѣла, или не закружилась голова. Въ настоящее время у насъ ежедневно на глазахъ молодая дѣвушка, организмъ которой разстроенъ на всю жизнь тѣмъ училищнымъ курсомъ, который ей пришлось пройти. Она до такой степени была обременена уроками, что въ свободные часы у нея недоставало силъ для моціона. Теперь, по окончаніи своего воспитанія, она вѣчно жалуется на нездоровье; аппетитъ у ней плохой, вкусъ прихотливый, къ мясу она чувствуетъ отвращеніе; оконечности членовъ у ней постоянно зябнутъ даже въ самую теплую погоду; она до того слаба, что почти совсѣмъ не можетъ ходить; поднимаясь на лѣстницу, она страдаетъ одышкой и усиленнымъ біеніемъ сердца; у нея плохое зрѣніе, маленькій ростъ и вообще эта дѣвушка крайне тщедушна. Вотъ каковы результаты той системы воспитанія, которой она была подвержена. Какъ другой примѣръ, мы можемъ привести ея подругу по училищу; эта молодая дѣвушка крайне слабаго здоровья; ей дѣлается дурно при малѣйшемъ волненіи; наконецъ, лѣчившій ее докторъ, вынужденъ былъ ей запретить всякое серьезное занятіе.

Если подобныя разстройства организма попадаются очень часто, то и не перечесть случаевъ не столь замѣтныхъ и важныхъ его поврежденій! На одинъ случай, гдѣ серьезную болѣзнь явно произвело чрезмѣрное напряженіе умственныхъ силъ, придется, по крайней мѣрѣ, шесть случаевъ подобнаго рода: когда зло не такъ очевидно и постепенно увеличивается, когда становятся неправильными всѣ отправленія человѣка, что, обыкновенно, приписываютъ той или другой спеціальной причинѣ, чаще-же всего—слабости сложенія, когда задерживается ростъ или преждевременно совершенно останавливается, когда проявляется явная склонность къ чахоткѣ, которая

и развивается впослѣдствіи, когда обнаруживается предрасположеніе къ воспаленію мозга и сумасшествію,—болѣзни столь обыкновенной у людей сильно обремененныхъ умственными занятіями. Насколько подточено общественное здравіе, въ нашемъ вѣкѣ, всякій изъ насъ можетъ убѣдиться, припомнивъ сколько у насъ умерло за послѣднее десятилѣтіе ученыхъ, писателей, художниковъ,—все это жертвы непосильныхъ трудовъ и заботъ. Спрашивается, какое-же вліяніе на дѣтскій организмъ должно произвести умственное переутомленіе? Можетъ-ли ребенокъ перенести такія-же физическія и умственныя напряженія, какія переноситъ взрослый?

Просматривая безпощадную школьную программу ежедневнаго распредѣленія часовъ для учащихся, надо удивляться не тому, что она причиняетъ вредъ здоровью дѣтей, а тому, какъ они ее вообще выносятъ. Изъ 24 часовъ въ сутки, восемь отдаются сну, четыре — одѣванію, молитвѣ, ѣдѣ и сопровождающему ее краткому промежутку отдыха, 10—11 часовъ на ученіе, 1—2 часа на отдыхъ, иногда гимнастику, прогулку на воздухѣ и т. д. Не нужно быть пророкомъ чтобы угадать, какой вредъ наносится здоровью такимъ распредѣленіемъ времени учащейся молодежи. Отсутствіе аппетита и разстройство желудка, поносъ, постоянная головная боль—болѣзни самыя обыкновенныя въ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности среди студентовъ.

Намъ кажется страннымъ, что родители и воспитатели такъ мало сознаютъ вредъ отъ чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій въ отроческомъ возрастѣ послѣ того, какъ всѣми признанъ вредъ ихъ для маленькихъ дѣтей. А такія чрезмѣрныя занятія существуютъ во всѣхъ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Курсъ, который долженъ быть пройденъ въ извѣстный срокъ, до того обширенъ, а учителя, репутація которыхъ зависитъ отъ успѣха экзаменовъ, до того взыскательны, что воспитанники вынуждены отдавать умственнымъ занятіямъ 12—13 часовъ въ день. Строгіе экзамены, на подготовку къ

которымъ дается такъ мало времени, заставляютъ прибѣгать къ системѣ, неизбѣжно подтачивающей здоровье молодежи.

Много слышится также жалобъ противъ скороспѣлаго развитія ребенка, противъ страшнаго вліянія преждевременнаго умственнаго возбужденія. Но въ то-же время, какъ люди освоились съ этою истиною, никто не замѣчаетъ, что та-же истина примѣнима и къ юношеству. А между тѣмъ она и въ этомъ случаѣ неоспорима.

Существуетъ извѣстный порядокъ и постепенность развитія; если воспитаніе дѣтей слѣдуетъ этому порядку и постепенности, то результаты получаются прекрасные; если-же нѣтъ, если высшія способности ребенка рано обременяются сложными и отвлеченными знаніями, которыхъ они не могутъ переварить или, если чрезмѣрною культурою умъ развивается въ степени, несогласной съ естественнымъ его ростомъ,—то пріобрѣтенныя познанія принесутъ только вредъ.

Правда—строгій счетчикъ. Если вы потребуете отъ нея больше, чѣмъ она можетъ дать, то она поровняетъ свой счетъ вычетомъ у васъ чего-нибудь другаго. Напротивъ, если вы дадите ей возможность свободно итти своимъ путемъ, т. е. доставлять ребенку, соотвѣтственно его возрасту, сырые матеріалы для физическаго и умственнаго роста, то она выработаетъ вамъ личность здоровую и развитую. Если вы будете настаивать на преждевременномъ развитіи одной изъ способностей вашего ребенка, природа, послѣ большаго или меньшаго протеста, уступитъ вамъ, но зато не окончитъ другой, болѣе важной, работы. Не забывайте, что запасъ жизненной силы, которымъ, въ извѣстный періодъ времени, обладаетъ тѣло, строго ограниченъ, поэтому нельзя разсчитывать извлечь изъ него болѣе предназначеннаго количества результатовъ, Въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ спросъ на жизненную силу настоятеленъ и разнообразенъ. Расходъ силъ, затрачиваемый на тѣлесныя упражненія, требуетъ пополненія; трата мозга отъ ежедневной умственной работы должна быть попол-

нена, ростъ тѣла нуждается въ хорошемъ запасѣ силъ; прибавьте ко всему этому количество энергіи, ежедневно поглощаемой при переваркѣ пищи, необходимой для удовлетворенія всѣхъ этихъ процессовъ и тогда станетъ понятно, какъ много жизненныхъ силъ расходуется дѣтьми и юношами на ежедневное ихъ существованіе. Каждый изъ насъ знаетъ, что привлекать излишекъ энергіи къ однимъ каналамъ значитъ отвлекать ее отъ другихъ.

Мы знаемъ также, что перевариваніе сытнаго обѣда вызываетъ сильное утомленіе мозга и тѣла, вслѣдствіе чего человѣка всегда тянетъ ко сну; излишнее тѣлесное упражненіе и утомленіе, произведенное переходомъ безъ отдыха большаго разстоянія сопровождаются неспособностью къ умственному труду и, вообще, чрезмѣрная мускульная работа (напр., у крестьянъ) въ значительной степени умаляетъ умственную дѣятельность. Всѣмъ извѣстна та истина, что когда дѣти въ раннемъ возрастѣ сильно тянутся, то упадокъ энергіи обнаруживается у нихъ въ соотвѣтствующей физической и умственной слабости. Далѣе тѣ факты, что сильное мускульное напряженіе тотчасъ послѣ ѣды задерживаетъ пищевареніе, что у дѣтей, которыхъ рано пріучаютъ къ тяжелой работѣ задерживается ростъ—подтверждаютъ высказанное нами выше положеніе, что излишекъ дѣятельности въ одномъ направленіи ведетъ за собою недостатокъ ея въ другихъ. Законъ этотъ, очевидный въ крайнихъ случаяхъ, проявляется и во всѣхъ прочихъ. Вредная трата энергіи одинаково происходитъ, когда излишнее расходованіе силъ незначительно и постоянно или же, когда оно значительно и внезапно. Слѣдовательно, если въ юности расходъ силъ на умственный трудъ переступаетъ границы, опредѣленныя природой, то расходъ ихъ на другія цѣли падаетъ ниже надлежащей степени, а отъ этого происходятъ всевозможныя бѣдствія. Постараемся сдѣлать краткій обзоръ такихъ пагубныхъ послѣдствій. *)

*) Слѣдующій за симъ краткій обзоръ пагубныхъ послѣдствій чрез-

Положимъ, что излишняя мозговая дѣятельность превзойдетъ нормальную не болѣе, какъ на умѣренную степень, слѣдствіемъ чего окажется только слабое противодѣйствіе росту,—или ребенокъ будетъ ниже, чѣмъ-бы слѣдовало, или не такъ полонъ, какъ онъ могъ-бы быть, или-же, наконецъ, ткани его тѣла не достигнутъ надлежащей доброкачественности. Одно или нѣсколько такихъ послѣдствій должны непремѣнно обнаружиться. Излишнее количество крови, привлекаемое къ мозгу, въ продолженіи самаго процесса умственнаго напряженія, въ то время, когда возстановляется трата мозговаго вещества,—и есть именно та кровь, которая въ противномъ случаѣ, обращалась-бы по членамъ и пищеварительнымъ органамъ; такимъ образомъ, ростъ ребенка и вознагражденіе различныхъ утратъ, для которыхъ эта кровь доставила бы матеріалы—понесутъ безвозвратныя потери. Такъ какъ подобная физіологическая реакція несомнѣнна, то спрашивается, равняется-ли убытку выгода, пріобрѣтаемая избыткомъ умственнаго развитія?

Когда избытокъ умственныхъ усилій очень великъ и результатомъ этого являются гибельныя послѣдствія, то уже страдаетъ не одно тѣло, но и самый мозгъ. Извѣстно, что между ростомъ и развитіемъ тѣла существуетъ антоганизмъ; это вошло въ законъ физіологіи, указанный въ первый разъ Исидоромъ Сентъ-Гелеромъ и затѣмъ описанный Льюсомъ въ его статьѣ: „Карлики и великаны.“

Подъ словомъ ростъ, которое употреблено здѣсь въ смыслѣ антитезы, разумѣется *увеличеніе объема тѣла*, а подъ словомъ развитіе—*увеличеніе тѣлеснаго строенія*. Этотъ законъ таковъ, что увеличенная дѣятельность въ одномъ изъ

мѣрныхъ умственныхъ упражненій, составленный весьма популярно и обстоятельно, проливаетъ яркій свѣтъ на этотъ вопросъ и объясняетъ крайне просто и логично, съ физіологической точки зрѣнія, вредъ отягощенія мозга непосильной работой.

Примѣч. переводч.

двухъ процессовъ влечетъ за собою замедленіе и почти прекращеніе другого. Подобный примѣръ мы видимъ на гусеницѣ и куколкѣ. Гусеница быстро увеличивается въ объемѣ, но строеніе вполнѣ сформировавшейся гусеницы, едва ли сложнѣе, чѣмъ когда она была не вполнѣ развита. Куколка не увеличивается въ объемѣ, напротивъ того, ея вѣсъ значительно уменьшается въ періодъ подготовки къ превращенію, зато очень дѣятельно совершается образованіе болѣе сложнаго строенія. Этотъ антогонизмъ, столь очевидный въ данномъ случаѣ, гораздо труднѣе проявляется въ высшихъ видахъ, потому что тамъ оба процесса происходятъ одновременно. Впрочемъ, мы довольно ясно можемъ это провѣрить на себѣ, если сравнимъ оба пола. Дѣвочка, какъ въ умственномъ, такъ и физическомъ отношеніи, развивается быстрѣе, но, сравнительно, раньше перестаетъ расти. Физическое и умственное развитіе мальчика происходитъ медленнѣе, за то онъ дольше ростетъ. Въ тотъ возрастъ, когда дѣвочка достигаетъ зрѣлости, законченности и полнаго развитія всѣхъ своихъ способностей, мальчикъ, или, скорѣе, юноша,—жизненныя силы котораго преимущественно шли на увеличеніе тѣлеснаго объема,—относительно несовершененъ въ своемъ сложеніи и отличается, какъ физическою, такъ и умственною незрѣлостью.

Этотъ законъ одинаково примѣнимъ, какъ къ каждой отдѣльной части организма, такъ и ко всему организму. Неестественно-быстрое развитіе каждаго органа, сравнительно съ его строеніемъ, влечетъ за собою задержку его роста; съ органомъ мышленія происходитъ точно то-же, что и съ другими органами. Слѣдовательно, если отъ мозга ребенка, который въ раннемъ дѣтствѣ, относительно, великъ по объему, но далеко не совершененъ по своему строенію, требуется непосильная дѣятельность въ то время, когда онъ совершаетъ свои отправленія,—то онъ подвергается быстрому, несвойственному его возрасту, развитію конструкціи; а результатомъ такого явленія будетъ сокращеніе объема и ослабленіе мозга.

Это одна изъ причинъ,—если не самая главная—почему скороспѣлые дѣти и юноши, которые до извѣстной поры во всемъ обгоняютъ своихъ сверстниковъ, останавливаются вдругъ въ своемъ развитіи и разрушаютъ возложенныя на нихъ блестящія надежды.

Вліяніе мозга на отправленія тѣла. Какъ ни гибельны результаты чрезмѣрнаго напряженія умственныхъ способностей на мозгъ, но это все-таки не такъ страшно, какъ вліяніе, производимое ими на общее состояніе здоровья дѣтей. Подточенный организмъ, упадокъ силъ, мрачное настроеніе духа,—вотъ послѣдствія этой крайности, губящія нашу молодежь. Мы знаемъ изъ физіологіи, какъ велико вліяніе мозга на отпрвленія тѣла. Пищевареніе, кровообращеніе, а чрезъ нихъ и всѣ другія органическіе процессы сильно подчинены вліянію мозгового возбужденія. Чтобы получить ясное понятіе о силѣ угнетающаго вліянія, которое отягощенный работою мозгъ производитъ на тѣло разскажемъ объ опытахъ Вебера, показывающихъ послѣдствія раздраженія блуждающаго нерва (vagus), который соединяетъ мозгъ съ внутренностями; дѣятельность сердца внезапно прекращается отъ раздраженія этого нерва, но когда раздраженіе прекратится, возобновленіе дѣятельности будетъ очень медленно. Кто изъ насъ не ощущалъ усиленнаго біенія сердца въ ожиданіи, въ страхѣ, въ гнѣвѣ и въ радости? Кто не замѣчалъ, до чего напряжена бываетъ дѣятельность сердца въ тѣ минуты, когда эти ощущенія очень сильны? Разстройство желудка отъ ненормальнаго возбужденія ума—явленіе также очень обыкновенное. Потеря аппетита—обыкновенное послѣдствіе большого горя или большой радости. Если пріятное или непріятное событіе дойдетъ до вашего свѣдѣнія тотчасъ послѣ ѣды, то нерѣдко бываетъ, что желудокъ немедленно возвращаетъ принятую пищу или съ трудомъ ее перевариваетъ.

Вообще связь мозга съ тѣломъ, столь очевидная въ крайнихъ случаяхъ, равно дѣйствительна и въ обыкновенныхъ,

менѣе выдающихся. Сильныя, но временныя возбужденія мозга производятъ сильныя и временныя разстройства пищеварительныхъ органовъ и, наоборотъ, слабыя, но хроническія внутреннія разстройства. Эту истину можетъ подтвердить каждый врачъ. Различныя степени и формы физическаго разстройства, часто требуютъ полнаго бездѣйствія въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы оправиться послѣ продолжительныхъ, чрезмѣрныхъ умственныхъ упражненій. Иногда преимущественно, когда поражается сердце, человѣкъ чувствуетъ постоянное сердцебіеніе, пульсъ вмѣсто 72 ударовъ падаетъ до 60 и даже менѣе, иногда-же главное разстройство чувствуется въ желудкѣ, при чемъ больному отъ дурного пищеваренія жизнь становится въ тягость. Въ большинствѣ-же случаевъ страдаетъ и сердце и желудокъ вмѣстѣ: короткій прерывистый сонъ и общее умственное изнеможеніе.

Судите сами, какъ великъ долженъ быть вредъ, наносимый дѣтямъ и юношамъ несоразмѣрнымъ умственнымъ возбужденіемъ. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого будетъ болѣе или менѣе сильное органическое разстройство, можетъ даже произойти медленно-увеличивающееся разрушеніе или вырожденіе организма. Можетъ-ли правильно формироваться тѣло при дурномъ аппетитѣ, неправильномъ пищевареніи, слабомъ кровообращеніи? Правильное отправленіе каждаго жизненнаго процесса находится въ зависимости отъ достаточнаго запаса хорошей крови. Безъ этого ни одна железа не выдѣлитъ надлежащаго количества соковъ, кишки не исполнятъ своей функціи. Безъ нужнаго количества крови ни одинъ нервъ, мускулъ, никакая ткань не въ состояніи переработаться и замѣниться новыми; невозможенъ также здоровый и нормальный ростъ. Какихъ-же можно ожидать послѣдствій, если развивающемуся тѣлу разслабленный желудокъ доставляетъ недостаточную по количеству и скудную по качеству кровь, если попорченное сердце двигаетъ эту скудную и недостаточную кровь ненормально медленно?

Несостоятельность системы набиванія дѣтскихъ головъ обиліемъ свѣдѣній. Внимательное изслѣдованіе этого вопроса приводитъ насъ къ убѣжденію, что физическое вырожденіе человѣчества—прямое послѣдствіе чрезмѣрнаго ученія. Признавъ такой фактъ нельзя не осудить строго систему набиванія дѣтскихъ головъ чрезмѣрнымъ обиліемъ свѣдѣній. Съ какой бы точки зрѣнія мы не стали разсматривать эту систему, она вездѣ и всегда окажется ошибочною. Она несостоятельна даже въ смыслѣ простого пріобрѣтенія знаній, такъ какъ умъ, равно какъ и тѣло не могутъ переварить пищи свыше извѣстной мѣры, если вы будете пичкать его фактами и свѣдѣніями быстрѣе, чѣмъ онъ можетъ ихъ переварить; вмѣсто того, чтобы остаться въ мозговой лабораторіи, всѣ эти знанія вылетятъ изъ головы ребенка тотчасъ по окончаніи экзаменовъ, для которыхъ онъ ихъ накопилъ. Эта система ошибочна и потому, что порождаетъ въ ребенкѣ отвращеніе къ ученію и юноши, по выходѣ изъ заведенія, вмѣсто того, чтобы продолжать ученіе и самообразованіе, иногда, положительно, идутъ назадъ по пути развитія. Система эта ошибочна также и потому, что она предполагаетъ, что въ пріобрѣтеніи знаній заключается все, упуская изъ виду необходимость организовать эти знанія, на что необходимо время и самостоятельное мышленіе. Недаромъ сказалъ Гумбольдтъ, коснувшись умственнаго прогресса вообще: „толкованіе явленій природы затемняется, если оно растянуто отъ слишкомъ большаго накопленія разобщенныхъ фактовъ.“ То-же можно сказать относительно умственнаго прогресса отдѣльныхъ личностей; умъ, обремененный излишкомъ плохо переваренныхъ свѣдѣній отказывается работать. *Дорого не то знаніе, которое переработывается въ умственный жиръ, а то, которое, можетъ переработаться въ умственный мускулъ.* *) Ошибочность системы идетъ далѣе. Допустимъ

*) Т. е. дорого не то знаніе, которое, подобно жиру, обременяетъ и подавляетъ мозгъ, а то, которое, подобно мускулу, движетъ умъ по пути прогресса. Этого вывода не признаютъ наши современ-

даже, что она удовлетворительна, какъ средство вызывающее умственное развитіе, чего въ дѣйствительности она не даетъ, все-таки она должна считаться вредной, такъ-какъ по ея вліянію подтачивается здоровье молодежи, необходимое хотя бы для того чтобы умственное воспитаніе принесло пользу въ жизни. Тѣ родители и воспитатели, которые слишкомъ ревностно хлопочутъ о развитіи умственныхъ способностей дѣтей упускаютъ изъ виду, что успѣхъ въ жизни болѣе зависитъ отъ личной энергіи, чѣмъ отъ количества знаній и что система набиванія головы кучей свѣдѣній, подрывая эту энергію, сама себя заявляетъ несостоятельной. Непреклонная воля и неутомимая дѣятельность, питаемыя обильной животностью могутъ вознаградить нѣкоторые пробѣлы воспитанія, а при хорошемъ воспитаніи, котораго можно добиться, не принося въ жертву здоровье ребенка, эта воля и дѣятельность обезпечиваютъ побѣду надъ соперниками, истощенными чрезмѣрнымъ ученіемъ, какими-бы они ни были феноменами учености. Сравнительно маленькая, но прочно устроенная машина высокаго давленія можетъ произвести работу вдвое большую, чѣмъ большая машина низкаго давленія. Не будетъ-ли безуміемъ поставить прекрасную машину, но съ плохимъ паровикомъ, который не будетъ давать надлежащаго количества пара?

Итакъ, мы утверждаемъ, что чрезмѣрное обученіе вредно во всѣхъ отношеніяхъ: оно даетъ знаніе, которое скоро забывается и вызываетъ отвращеніе къ знанію; оно не систематизируетъ и пренебрегаетъ организаціею знаній; оно разру-

---

ные педагоги, защитники „системы набиванія дѣтскихъ головъ обиліемъ свѣдѣній“, утверждаютъ, что они достигаютъ умственнаго развитія воспитанника, тогда-какъ, въ дѣйствительности, они, въ-конецъ разстроивая здоровье учениковъ и подрывая этимъ самый смыслъ интеллектуальности, ровно ничего не достигаютъ,—даже и обилія въ ученикѣ свѣдѣній, о чемъ такъ стараются.

Примѣч. переводч.

шаетъ ту энергію, безъ которой воспитанный умъ безмолвенъ; наконецъ, оно вредно потому, что влечетъ за собою разстройство здоровья не только не вознаграждаемое успѣхами на жизненномъ поприщѣ, а, напротивъ, заставляющее человѣка вдвое сильнѣе чувствовать каждое горе.

Эта насильственная система имѣетъ на женщинъ болѣе тяжелое вліяніе, чѣмъ на мужчинъ. Дѣвочки имѣютъ менѣе движеній, имъ почти всегда безусловно запрещены тѣлесныя упражненія и игры, которыми мальчики нѣсколько смягчаютъ зло чрезмѣрныхъ умственныхъ занятій, а потому весьма понятно, что дѣвочки испытываютъ вредныя послѣдствія системы во всей ихъ силѣ. Вотъ почему очень небольшое меньшинство дѣвочекъ выростаетъ здоровыми и крѣпко-сложенными. На бѣдныхъ лицахъ молодыхъ дѣвушекъ, постоянно встрѣчаемыхъ въ гостинныхъ, можно видѣть результаты вліянія безпощадныхъ классныхъ занятій. Это физическое истощеніе отравляетъ ихъ будущее счастье много болѣе, чѣмъ доставляетъ радостей богатство ихъ дарованій. Маменьки, заботящіяся о томъ, чтобы сдѣлать своихъ дочекъ привлекательными, не могли выбрать для ихъ воспитанія болѣе худшую систему, чѣмъ ту, гдѣ развитію ума приносится въ жертву тѣло. При этомъ упущено изъ виду, что мужчины вовсе не ищутъ ученыхъ женъ, но интересуются физической красотою дѣвушки, хорошимъ характеромъ и здравымъ смысломъ. Каждый изъ насъ видѣлъ примѣры пылкихъ привязанностей къ женщинамъ даже вовсе необразованнымъ, но красивымъ и физически-развитымъ, но врядъ-ли—кто и то только въ видѣ исключенія—видѣлъ, чтобы мужчина беззавѣтно предался некрасивой, больной, хотя и очень образованной и умной женщинѣ. Кромѣ различныхъ случаевъ, когда мужчина привязывается къ женщинѣ безотчетно, не разбирая, заслуживаетъ-ли она этого или нѣтъ, можно формулировать извѣстный порядокъ изъ тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ въ сердцѣ мужчины привязанность къ женщинѣ. Первая причи-

на—внѣшность ея, т. е. физическая красота, само собою разумѣется, понимаемая каждымъ по-своему; вторая—нравственныя качества, третья, самая слабая по силѣ влеченія,—высокое умственное развитіе. Вообще говоря, ученая женщина можетъ понравиться тогда только, если она при этомъ обладаетъ извѣстнымъ остроуміемъ, находчивостью и живостью характера. Если намъ скажутъ, что такого рода выводъ унизителенъ для мужчинъ и говоритъ не въ ихъ пользу, мы отвѣтимъ, что такъ говорить—значитъ не понимать дѣла и позволить себѣ судить тайну Божественнаго Предопредѣленія. Всякій знаетъ, что одна изъ цѣлей природы или, точнѣе, конечная ея цѣль—благо человѣческаго потомства. По отношенію же къ потомству, образованный умъ не много стоитъ при плохо-развитомъ тѣлѣ; поколѣніе такихъ людей должно скоро вымереть, не дождавшись внуковъ. Напротивъ, хорошо организованное тѣло при мало развитыхъ умственныхъ способностяхъ, стоитъ того, чтобы его поддерживали, потому что въ послѣдующихъ поколѣніяхъ умственныя дарованія могутъ безконечно развиться.

Принявъ все это во вниманіе, не трудно убѣдиться, насколько важно равновѣсіе инстинктивныхъ побужденій и на сколько безумно придерживаться системы, которая подрываетъ организмъ дѣвушки, обогащая ея память чрезмѣрными свѣдѣніями. Давайте вашимъ дѣтямъ, по возможности, хорошее образованіе, но не наносите имъ физическаго вреда. Кстати замѣтимъ, что *высокая степень образовинности могла-бы легче быть достигнута, если-бы въ дѣтяхъ развивали-бы не способности попугая, а способности человѣка.* Воспитывать юношество такъ, чтобы оно физически вырождалось, значитъ, уничтожать главную цѣль природы, къ которой направляются всѣ труды, заботы и издержки. Подвергая своихъ дочерей системѣ высокаго давленія, родители очень часто разрушаютъ всѣ ихъ надежды на жизнь, не говоря уже о томъ, что здоровье дѣвушекъ разстраивается, что у нихъ обнаруживаются

различныя страданія, немощи, нервная тоска и нерѣдко эти несчастныя существа, по милости родителей, обрекаются на безбрачіе.

Всякое нарушеніе законовъ здравія—физическій грѣхъ. Изъ всего сказаннаго нами не трудно убѣдиться, что физическое воспитаніе дѣтей, въ настоящее время, грѣшитъ во многихъ отношеніяхъ. Дѣтей кормятъ недостаточно, одѣваютъ легко, не сообразуясь съ климатомъ, даютъ имъ мало времени для физическихъ упражненій и игръ (особенно дѣвочкамъ) и, наконецъ, чрезмѣрно много ихъ учатъ. Въ общемъ, нынѣшняя система воспитанія слишкомъ взыскательна въ своихъ требованіяхъ, спрашиваетъ слишкомъ много, а даетъ очень не много. Судя по размѣрамъ ея давленія на жизненныя силы дѣтей и юношей, можно подумать, что ихъ принимаютъ за взрослыхъ людей. Нынѣшняя воспитательная система упускаетъ изъ виду ту истину, что у человѣка, въ зародышномъ состояніи, всѣ силы жизни поглощаются ростомъ, что въ младенческомъ состояніи и въ дѣтствѣ, трата этихъ силъ на ростъ до того велика, что ея немного остается для физической и умственной дѣятельности и, наконецъ, что въ дѣтскомъ и юношескомъ возрастахъ, ростъ составляетъ преобладающую потребность организма, которой подчинены всѣ остальныя потребности. Она требуетъ, чтобы физическія и умственныя упражненія сообразовались съ быстротою роста, чтобы обѣ эти дѣятельности увеличивались только въ той степени, въ какой уменьшается сила роста.

Мы считаемъ, что главной причиною угнетающей системы воспитанія дѣтей является нашъ переходный фазисъ цивилизаціи. Въ первобытныя времена, когда общественная дѣятельность заключалась въ нападеніи и защитѣ, а физическая сила и храбрость были главною цѣлью человѣка, воспитаніе дѣтей было только физическое, объ умственномъ мало заботились, а во времена феодализма оно даже вовсе пренебрегалось. Въ наше время, когда мускульная сила нужна только для руч-

наго труда, когда прогрессивное движеніе общества зависитъ отъ умственной силы—воспитаніе сдѣлалось исключительно умственнымъ; наши предки уважали тѣло и пренебрегали умомъ, мы-же, наоборотъ, воспитываемъ умъ и пренебрегаемъ тѣломъ. То и другое положеніе ошибочно. Умъ нельзя развивать на счетъ тѣла, такъ-какъ здоровый умъ зависитъ отъ здороваго тѣла. По справедливости, слѣдовало-бы старыя и новыя понятія въ этомъ вопросѣ слить во-едино.

Ничто такъ не ускоритъ наступленія того времени, когда люди начнутъ одинаково дорожить тѣломъ и умомъ, какъ распространеніе убѣжденія, что охраненіе здоровья—*долгъ* человѣка. Немногіе сознаютъ, что существуетъ *физическая нравственность*. Люди считаютъ себя въ правѣ обращаться со своимъ тѣломъ, какъ имъ заблагоразсудится. На малою заботливость о здоровьѣ и происходящій отъ сюда вредъ, они смотрятъ, какъ на несчастіе, а не какъ на слѣдствіе своего легкомысленнаго поведенія, равносильнаго преступленію. Если пьянство составляетъ преступное нарушеніе физическихъ законовъ, если оно ведетъ къ гибельнымъ послѣдствіямъ, то почему-же равное ему и даже болѣе важное нарушеніе тѣхъ-же законовъ не составляетъ преступленія? Когда мы придемъ къ сознанію, что всѣ нарушенія законовъ здравія — *физическіе грѣхи*, только тогда (но не раньше) на физическое воспитаніе дѣтей будетъ обращено должное вниманіе.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе переводчика III

Вступленіе VII

ГЛАВА I — **Какое знаніе для насъ дороже всего?** . . . . . 1—70

Украшенія прежде пользы.—Необходимость установить мѣрило цѣнности знаній.—Цѣль воспитанія.—Классификація нашей дѣятельности.—Порядокъ соподчиненія воспитательныхъ началъ.—Самосохраненіе.—Значеніе физіологіи.—Обезпеченіе жизненныхъ потребностей.—Важное значеніе геометріи.—Значеніе механики.—Значеніе физики и химіи въ промышленности.—Значеніе астрономіи и геологіи.—Значеніе біологіи и соціологіи.—Подготовка къ родительскимъ обязанностямъ.—Наставникамъ необходимо руководствоваться психологіею.—Значеніе теоріи воспитанія.—Подготовка къ роли гражданина.—Безполезность исторіи въ томъ видѣ, какъ она преподается въ нашихъ школахъ.—Наука, какъ ключъ къ исторіи.—Эстетическое воспитаніе.—Изящныя искусства также основаны на наукѣ.—Художнику слѣдуетъ знать психологію.—Наука поэтична.—Какія знанія болѣе пригодны для дисциплины?—Необходимость науки для нравственной дисциплины.—Религіозное вліяніе науки.—Отвѣтъ на вопросъ.

ГЛАВА II—**Воспитаніе умственное** . . . . . 71—135

Настоящее составляетъ переходную эпоху.—Упадокъ механическаго метода.—Зарожденіе новыхъ методъ.—Естественный методъ.—Порядокъ развитія способностей.—Система Песталоцци.—Ошибочность системы Песталоцци въ примѣненіи ея на практикѣ.—Законы умственнаго развитія.—Умственное развитіе человѣчества.—Польза самообученія.—Естественный методъ всегда возбуждаетъ

Стран.

интересъ въ дѣтяхъ.—Наглядное обученіе.—Первыя попытки въ рисованіи.—Первые уроки перспективы.—Первые уроки геометріи.—Эмпирическая геометрія.—Какимъ способомъ можно сдѣлать геометрію привлекательной наукой?—Правильность естественнаго метода.—Польза отъ саморазвитія.

ГЛАВА III—**Воспитаніе нравственное** . . . . . 136—186.
Неумѣніе родителей обращаться съ дѣтьми.—Зависимость положенія семьи отъ состоянія общества.—Вліяніе естественнаго метода на дѣтей.—Вліяніе естественнаго метода на взрослыхъ.—Дурныя системы могутъ быть относительно хороши.—Примѣры нормальной системы.—Выгоды нормальной системы.—Дружба между отцомъ и дѣтьми.—Дѣти смотрятъ на родителей, какъ на друзей и какъ на враговъ.—Какъ примѣнить этотъ методъ къ случаямъ важныхъ проступковъ?—Контроль родителей надъ собою.—Излишняя покорность нежелательна.

ГЛАВА IV—**Воспитаніе физическое** . . . . . 187—238.
Желанная цѣль.—Аппетитъ—вѣрный руководитель.—Результаты излишняго воздержанія.—Діэта должна быть питательна.—Значеніе высшей діэты.—Личныя ощущенія и ихъ вліяніе.—Одежда дѣтей.—Легкомысліе матерей въ выборѣ дѣтскаго туалета.—Тѣлесныя упражненія мальчиковъ и дѣвочекъ.—Дѣвочки дѣлаютъ мало движенія.—Вырожденіе человѣческой природы.—Вредъ отъ непосильныхъ умственныхъ упражненій.—Вліяніе мозга на отправленія тѣла.—Несостоятельность системы набиванія дѣтскихъ головъ обиліемъ свѣдѣній.—Всякое нарушеніе законовъ здравія—физическій грѣхъ.

Н М Ж
№
В-5047

ЦѢНА 75 коп.